ПОДРОБНАЯ

ЛѢТОПИСЬ

ОТЪ

НАЧАЛА РОССІИ

ДО

Полтавской Баталіи.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ПЕЧАТАНО У І. К. ШНОРА, 1799 ГОДА.

Россійской Лѣтописи часть третія, въ Санктпетербургской Ценсурѣ разсматривана; и поелику въ оной не содержится ничего противнаго, данному Ценсорамъ о разсматриваніи книгъ наставленію, для того оная симъ къ напечатанію и одобряется. Сентября 2 дня 1798 года. Семенъ Кательниковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

содержащагося вѣ сей третьей части.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

О прочихъ военныхъ дѣйствіяхъ со Шведы и Поляки.

Царь Іоаннъ Васильевичь видя свое благополучное счастіе, умысли оружіе свое на Западъ обратити и къ тому данное перемиріе дѣда его Царя Іоанна Васильевича перваго Лифляндіи еще въ прошломъ 1550 году уже минуло, тогда имѣющійся въ Дерптѣ градѣ Герцъ-Бишевъ и Дукусъ-Рексъ, которой былъ и во градѣ Минстровѣ Каноникомъ, яко ближній сосѣдъ послалъ къ Царю Іоанну Васильевичу просить о продолженіи мира еще на пять лѣтъ или болѣе. Царь Іоаннъ Васильевичь въ отвѣтъ ему послалъ: когда въ Дерптѣ и во всей Лифляндіи вольно будетъ Россіяномъ построить церкви Греческаго исповѣданія, гдѣ прилично и угодно для отправленія службы Божіей Россійскимъ торговымъ людемъ обрѣтающимся для торговъ въ Лифляндіи, да ещежъ, чтобъ Дерптскіе жители обязалися повсягодно платить дань Россійскому Государству за всякую голову по пятой доли червоннаго

золотаго, которую они Дерптскіе жители и предъ сего плачивали Великимъ Княземъ Псковскимъ; то не токмо утверждено будетъ перемиріе на пять, но дастся и на пятнадцать лѣтъ.

Эрцъ-Бишевъ Дукусъ видя такія данныя ему тяжкія кондиціи, продолжалъ какъ можно время до времени, но уже усмотрѣлъ, что отъ Россіи хощетъ возстати грозная туча, вѣдая, что учинилъ Царь Россійскій съ Татарскими Царствы Казанью и Астраханью, того ради собравъ со всего владѣнія Дерптскаго не малое число денегъ, и оставя свое Эрцъ-Бискупство, пойде тайно во градъ Минстревъ въ Вестфаліи лежащій, но и тамо оставя свой каноничеcкой чинъ, учинился человѣкомъ свѣтскимъ и понялъ себѣ жену, а на его мѣсто въ Дерптѣ Эрцъ-Бископомъ учиненъ Германъ, человѣкъ сребролюбивой, которой не за достоинство, но за деньги избранъ, и учиненъ Эрцъ-Бископомъ, и оной въ 1555 году такожъ искалъ съ Россіею о продолженіи мира, но тяжело уже стало склонить положенное намѣреніе Царя Іоанна Васильевича. Лифляндцы уже не зная себѣ какого спасенія великими домогательствы возбудили Короля Шведскаго Густава съ войною про-

тивъ Россіи, и отъ того возбудилась жестокая война и пограничнымъ мѣстамъ великое раззореніе, но Россіяне Шведовъ превосходительнѣе явились, съ великимъ устремленіемъ нападоша на Лифляндію, градъ Вейбурхъ въ осадѣ содержаху; и еще имѣли Россіяне претензію требовать отъ Шведовъ часть земли Лифляндскія, которую въ прежнихъ лѣтѣхъ на миру Россіянъ съ Магнусомъ Королемъ Шведскимъ обѣщано было Россіяномъ отдати, но не исполнено; въ тожъ время Король Польскій Сигисмундъ по прошенію Шведа приставъ къ нимъ въ Алліанцію противъ Россіи. Густавъ Король Шведскій въ наступающее лѣто съ великою арміею въ Лифляндію вниде, а Поляки также съ Лифляндіею противъ Россіянъ во оружіе стали, но Король Шведскій видя не малое раззореніе земли Финляндской, учинилъ съ Россіяны миръ въ 1556 году, и по сочиненіи мира, Царь Іоаннъ Васильевичь со всѣми своими силами нападе на Лифляндію и великое раззореніе всей Лифляндіи учинилося и междоусобіе, которое Лифляндію въ наибольшее бесчастіе и раззореніе привело. Гермейстеръ Гвилнемусъ фонъ Финстербергъ съ Эрцъ-Бишевомъ Рижскимъ великую ссору про-

извелъ о начальствѣ земли Лифляндскія, а наипаче о томъ, что Бишевъ избралъ Герцога Христофора Мекленбургскаго, чтобъ онъ защищалъ во всемъ Лифляндію и принялъ бы подъ свое охраненіе, а Гермейстеръ тому сопротивился и подъ власть чужестранную идти не восхотѣ; къ томужъ Гермейстеру зѣло противно учинися, что Бишевъ во всякія управленія сталъ вступаться, чего ему и не надлежало, и отъ того произошла междоусобная война; Эрцъ-Бишевъ отъ Гермейстера побѣжденъ и въ плѣнъ взятъ въ 1556 году, но возстали войски Прускія и Польскія, и паки принудили Гермейстера Эрцъ-Бишеву подать свободу; и тако паки усмирися въ Лифляндіи междоусобіе.

Лифляндцы паки послали просить къ Царю Іоанну Васильевичу о мирѣ, но Царь Іоаннъ Васильевичь о томъ и слышать не хотѣлъ, отвѣтствовалъ имъ съ поношеніемъ и укоризною, что они Лифляндцы всегда съ обманнымъ миромъ хотятъ отъ руки ево отбыти, надѣяся на Нѣмецкую помощь. Царь Іоаннъ Васильевичь паки посылаетъ къ Цесарю Пословъ; въ грамотѣ своей пишетъ тако: что онъ Царь Іоаннъ Васильевичь и всѣ подданные его Россіяне

суть истинные Христіяне, имѣемъ вѣтхой Законъ по Библіи, и новую Благодать по правиламъ семи Соборовъ, крещеніе и безкровныя жертвы приношенія всѣ исполняемъ, какъ сущимъ Православнымъ Христіяномъ надлежитъ, такожъ и Святое причастіе по преданію на тайной вечери Христовой всѣ содержимъ. Еще до нынѣшнихъ временъ за 140 лѣтъ Георгій Архіерей нашъ Новогородской со другими пятію Епископы на помѣстномъ Соборѣ Костницкомъ были, такожде и отецъ его Царь Василій съ Цесаремъ Максимиліаномъ и съ Папою Андріяномъ о соединеніи Православныя Христіянскія вѣры сношеніе имѣлъ: такожде какъ я, такъ и отецъ мой Царь Василій Ивановичь много варварскихъ народовъ яко Скиѳовъ, Пермовъ, Югровъ, Кондорцовъ, Лукоморье, Черемисы и Лопанъ побѣдили, и многихъ въ вѣру Христіанскую обратили, которые прежде поклонялись солнцу и мѣсяцу и нынѣ въ Москвѣ и во всей Россіи нѣтъ ни одного младенца, которой бы не носилъ на персѣхъ своихъ знаменія Креста Святаго. И того ради желая Царь Іоаннъ Васильевичь всегда своего Резидента имѣть въ Нѣмецкомъ Государствѣ, и къ тому обѣщанныя чрезъ

двадцать лѣтъ деньги на вспоможенiе Турецкой войны исполнять обѣщается, и къ тому нѣсколько тысящь Московскаго войска на своемъ коштѣ можетъ послать въ Нѣмецкую землю противъ Турка; а напротивъ того просилъ Царь Iоаннъ Васильевичь, чтобъ ему повелѣно было въ Нѣмецкой землѣ изъ Нѣмецкаго народа навербовать къ себѣ въ Россiю во услуженiе регулярнаго войска баталiонъ пѣхоты и швадронъ конницы, которыхъ онъ людей не для чего иного, только для главныхъ Христiанскихъ непрiятелей Турковъ и Татаръ содержать хощетъ для охраненiя границъ своихъ, а со всѣми Христiанскими сосѣды своими, яко съ Польшею, съ Литвою, со Шведы и Лифляндцы будетъ постоянной миръ содержать; а къ тому хотѣлъ изъ наилучшихъ своихъ Княжескихъ и дворянскихъ дѣтей оставить въ Нѣмецкой землѣ, и къ тому всякими мѣрами хотѣлъ вспомоществовать противъ Турка, въ тѣ времена имѣющаго брань съ Нѣмцы, упоминая имъ, чтобъ надъ ними отъ несогласiя Христiанъ не учинилось то, какъ Турки какое раззоренiе сдѣлали Восточному Христiанству въ Грецiи, въ Палестинѣ, въ Сирiи, въ Египтѣ, въ Халдеи, въ малой Азiи, въ Трацiи, Маке-

доніи, такожъ предлагалъ о заблуждающихъ Армянѣхъ, и желалъ привесть въ соединеніе вѣры, и чтобъ какъ можно въ соединеніи свободить преждебывшее Восточное Царство отъ рукъ невѣрныхъ Турковъ. Такое памяти достойное письмо въ тѣ времена было писано отъ Царя Іоанна Васильевича къ Цесарю Нѣмецкому, чтобъ тѣмъ наилучше привесть въ охоту Нѣмецкихъ солдатъ, чтобъ шли во услуженіе въ Россію, однако все оное на ничто воспослѣдовало.

Лифляндцы паки посылаютъ пословъ своихъ къ Царю Іоанну Васильевичу просить о мирѣ, и егда они прибыли въ Москву, и хотя долго тамо были задержаны, однако съ не малою честію, яко здѣ узриши. Въ самое то время родися у Царя Іоанна Васильевича сынъ и во знакъ къ нимъ Лифляндцемъ милости, учреждены оные Послы быти пріемниками при крещеніи сына его, и по крещеніи сына своего, повелѣ Лифляндскимъ Посламъ къ себѣ на аудіенцію быти, и какъ они предъ него предстали, Царь Іоаннъ Васильевичъ вопросилъ ихъ: привезлиль они наложенную на ихъ дань съ города Дерпта? Послы отвѣтствовали тако: что мы со всякимъ прилѣ-

жанїемъ искали въ городовыхъ Лифляндскихъ запискахъ и книгахъ, когдабъ Лифляндїя Россїяномъ дань давала, и того нигдѣ не нашли. Царь Iоаннъ Васильевичь зѣло на нихъ разгнѣвался, чрезъ толмача сказуетъ имъ сице: вижду я, что вы завсегда мою милость къ вамъ ни во что вмѣняете, колико времени лестїю своею вы у меня продолжили, однако вѣдайте, что нынѣ пришло время мнѣ надъ Лифляндїею показать всякую немилость по желанїю самихъ васъ: я мню, что вы имѣете надежду на Цесаря, но всуе льститеся, ни кто не можетъ васъ отъ моея руки укрыти, и потомъ повелѣлъ ихъ отпустить и вести чрезъ Россїю не прямою дорогою, что они едва въ Февралѣ мѣсяцѣ въ 1558 году въ Лифляндїю возвратилися. Лифляндцы услышавъ такое на себя устремленїе Россїйское, учинили крѣпкой союзъ съ Литвою противъ Россїи.

Царь Iоаннъ Васильевичь тогожъ лѣта нападе съ великою силою на Лифляндїю во стѣ тысячахъ войска своего; Дерптской дистриктъ безъ милости огнемъ и мечемъ посѣче и плѣни, и нѣсколько тысящь Лифляндцовъ въ плѣнъ въ Москву отведено и Татаромъ продано, и такое неслыханное раззоренїе

и мученіе всей Лифляндіи учинися, что и описати здѣ не можно, такожде въ то время не малое учинилося раззореніе и Рижскому дистрикту; и тако узнали Лифляндцы, что сами надъ собою зло учинили; не зѣлобъ было имъ тяжко, чтобъ заплатить въ годъ пятдесять тысящь талеровъ подати по требованію Царя Іоанна Васильевича, но казалося имъ то за великое безчестіе, чтобъ имъ у Россіяновъ миръ купить деньгами, и быть въ подданствѣ; въ то время такъ разсуждали о Россійскихъ людѣхъ, что всякому Нѣмчину и Лифляндцу безчестно есть изъ одного сосуда пищу вкушать, или пить питіе; и тако на Лифляндцовъ найде великій страхъ и ужасъ; и къ тому во единъ день было явленіе одной страшной кометы, предвозвѣщающей наибольшее еще раззореніе. И тако стали искать многіе совѣты: едины хотяху ополчитися, а инніи совѣтоваху дарами утолити Царевъ гнѣвъ, и тако собравше тритцать тысячь дукатовъ послали къ Его Царскому Величеству, просяще мира, и дано имъ бысть перемиріе на четыре мѣсяца и еще, когда Послы Лифляндскіе въ Москвѣ пребываху, въ Нарвѣ учинися между жительми

Иванъ города Россійскаго, которой стоитъ чрезъ Нарову рѣку противу Нарвы, ссора такая: нѣкогда какъ Россійскіе, такъ и Нарвскіе жители на едино мѣсто снидошася для забавы, и по забавахъ учинися ссора, гдѣ не малое и смертное убійство учинилось, и вскорѣ о семъ къ Его Величеству въ Москву вѣсть пріиде, тогда Его Царское Величество зѣло разгнѣвася и жестокими поношеніями поносилъ Пословъ Лифляндскихъ, имѣющихся тогда въ Москвѣ, и обѣщалъ имъ вскорѣ мечемъ свою обиду заплатить, паки повелѣлъ имъ деньги присланныя возвратить, и имъ въ скорости изъ Москвы выѣхать. Тогда Послы Лифляндскіе пріѣхали въ Лифляндію, и о несчастіи мира своимъ возвѣстили. Царь Іоаннъ Васильевичь послалъ армію свою триста тысячь подъ командою Петра Сисегалердіи славнаго морскаго разбойника, бывшаго при Понтѣ Евксинскомъ, то есть при Черномъ морѣ, которой вшедъ въ Нарвской дистриктъ, все плѣнилъ мечемъ и огнемъ, атаковавъ же градъ Нарву въ девятой день взялъ; оттуда пошедъ градъ Дерптъ осадилъ; въ Дерптѣ тогда несогласія ради жителей вѣры Католицкія и Лютерскія не могли настоящаго дать от-

пору, здаша градъ и сами себя въ плѣнъ Россіяномъ; и тако Россійское войско, какъ въ Нарвѣ, такъ и въ Дерптѣ многое множество людей мечемъ посѣкоша, и неисчетное богатство взяша, и тако Россіяне большую часть Лифляндіи всю пусту сотворили; уже и Ревельскіе жители пришли въ великой страхъ, посылаютъ къ Герцогу Мекленбургскому Христофору просяще помощи и заступленія: но онъ и самъ въ несостояніи былъ удержать такое великое войско Россійское, и въ томъ имъ отказалъ; такожде Гермейстеръ Рижской Готгартъ Кетлеръ посылаетъ съ великимъ моленіемъ, и отдаетъ себя въ защищеніе Королю Дацкому Христіану третьему, чтобъ онъ ихъ заступилъ и избавилъ отъ того раззоренія, и тотъ имъ такожде отказалъ отъ части для старости своей, а отъ части несостоянія такой тяжелой войны съ Россіею, но помогъ имъ тогда пороховою казною, въ которой Лифляндцамъ не малая нужда находилася, такожде и деньгами.

А въ то время Любчане великой торгъ съ Россіею чрезъ Ригу и Ревель имѣли, того ради Его Величество изволилъ учредить Любчанѣмъ, чтобъ они прямо съ товары пріѣзжали въ завое-

ванной его городъ Нарву, и тутъ свои торги отправляли; и тако Любчане начаху въ Нарву пріѣзжати и привозити всякіе товары, и военные инструменты. Гермейстеръ Рижской посылаетъ къ Цесарю Пословъ, просити помощи, такожъ и жалуется на Любчанъ, что они къ Россіянамъ возятъ всякіе военные припасы на раззореніе ихъ Лифляндцовъ: того ради Цесарь Любчанамъ запретилъ такую торговлю, и къ Шведскому Королю Густаву писалъ, чтобъ онъ, аки господинъ Остзейскій, чрезъ море въ Россію не пропускалъ съ такимъ торгомъ, но Король Шведской для своей древности за оное дѣло не взялся, не хотя вступить въ войну съ Россіею. Тогда Лифляндцы сами Любчанъ на пути ѣдущихъ стали брать, нѣсколько судовъ взяли и заарестовали: Любчане жаловались Цесарю о вольномъ ихъ торгу, и повелѣно отъ Цесаря Лифляндцомъ все отдать, кромѣ оружія и впредь повелѣно въ Россію имъ съ товарами ѣздить, выключая всякіе воинскіе припасы.

Густавъ Король Шведскій умре, по немъ принялъ Корону и Державу сынъ его Юрикъ, и при тогдашней церемоніи на погребеніи отца своего, имѣющимся тамо Посламъ Россійскимъ выго-

вариваль, чтобъ Россіяне престали Поляковъ и Лифляндцовъ, яко его подданныхъ воевать, и море Остзейское или Варяжское обезпокоивать, но въ то время и Швеціи не весьма было свободно вступиться за Лифляндцовъ. Цесарь по совѣту со своими, далъ Лифляндцомъ помочь сто тысячь гульденовъ на войну Россійскую, но ничто имъ то не способствовало, и совѣтовали со всѣмъ Лифляндцы подвергнуть себя подъ Корону Польскую въ 1560 году въ защищеніе.

Московская армія собрався со многими войски, третіе жестокое нападеніе учинила на Лифляндію; городъ Маріенбургъ взявъ раззорили, и жителей немилостиво порубили, Рижской уѣздъ въ великое раззореніе привели мечемъ и огнемъ, а Ревельской дистриктъ даже до самыхъ вратъ градскихъ весь выжгли и плѣнили, Гермейстера Рижскаго Вильгельма фонъ Вирстейнберга въ плѣнъ взяли и въ Москву во оковахъ бѣдне послали, гдѣ онъ въ темницѣ и жизнь свою скончалъ; потомъ градъ Витезбергъ осадили, Лифляндское рейтарское войско все побили и въ плѣнъ побрали, знатныхъ Офицеровъ во узахъ для посрамленія въ Москву послали, и чрезъ

Москву съ прежде полоненными Царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ по улицамъ водили для показанія народу и съ поношеніемъ имъ говорили такія слова: вы собаки Нѣмцы, вы дали намъ въ руки лозы, чтобъ мы ихъ боялися, нынѣ тѣми самихъ васъ наказуемъ. Во оное время Бишевъ острова Езеля Бископство свое, войны Россійской опасаяся, продалъ Дацкому Королю Фридриху, которой купя отдалъ брату своему Магнусу Герцогу Голштинскому, и тако многіе изъ наилучшаго Лифляндскаго Шляхетства отдали себя подъ владѣніе тому Князю Голштинскому, разсуждая, что лучше быть подъ властію такого Великаго Князя, нежель не имѣющаго дати намъ помощь Гермейстера, но по жестокимъ поступкамъ онаго Герцога, паки у Лифляндцовъ любовь отъ него отпала. Ревельцы выбрали себѣ защитителя Короля Шведскаго, и ему въ подданство отдалися, а иные себѣ Дацкаго Короля въ защищеніе желаху. Потомъ и Рижское Шляхетство и гражданство видя, что отъ Гермейстера малая имъ надежда, присовѣтовали послать къ Шведскому Королю Юрику, чтобъ онъ ихъ принялъ во свою Державу и оборонялъ бы ихъ отъ Россіянъ,

также, чтобъ запретить и Любчанамъ имѣть въ Нарву Россійскую дѣла торговыя, чтобъ оные Любчане паки въ Ревель съ торгами и товарами своими пріѣзжали. Король Юрикъ видя Лифляндію всю возмущенну, восхотѣ, что ниесть, присовокупить къ Коронѣ Шведской, вскорѣ послалъ свою армію въ Естляндію, подъ командою Полководца Класа Гобна съ такимъ повелѣніемъ, ежели Рижской Гермейстеръ градъ Ревель и Шляхетство Естляндское въ наступающую весну не возметъ во охраненіе, тобъ принять ихъ вѣчно подъ Корону Шведскую; и какъ скоро Шведская армія въ Естляндію вступила, то со всякою радостію Рыцарство Естляндское, и градъ Ревель всѣ единодушно подвергнулися вѣчно подъ Корону Шведскую. Король Шляхетство Естляндское милостиво принялъ и деревнями надлежащими ихъ жаловалъ. Гермейстеръ Рижской видя такое дѣло, самъ себя отдаде въ подданство къ Коронѣ Польской, а чтобъ ему только быть уже послѣднему Гермейстеру, а по смерти его Ригѣ граду со всѣмъ дистриктомъ быть подъ властію Короны Польской, а Курляндію, аки бы закладъ данной содержать Королю Польскому

Сигисмунду подъ протекціеюжъ Польскою; такожъ и не мало искалъ Польской Король, чтобъ и Ревель съ дистриктомъ къ себѣ присоединить, и новой Герцогъ Курляндской хотѣлъ было и войною погрозить, но отъ Шведовъ воспященъ остася.

Царь Іоаннъ Васильевичь видя въ Лифляндіи толико оберегателей вступившихъ, помышлялъ, какъ ему съ такими Королями войну имѣть, но счастіе ево всегда возбуждало, чтобъ не чинить мира съ Лифляндіею. Король Шведскій Юрикъ послалъ Пословъ къ Царю Іоанну Васильевичу утвержденной миръ между Россіею и Швеціею, отца его Густафа Короля съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ подтвердить, да къ томужъ въ томъ миру градъ Ревель съ дистриктомъ, яко его подданной, выключить. Его Величество съ Швеціею миръ подтвердя, а о Ревелѣ съ дистриктомъ на два года перемиріе учинилъ въ 1563 году, разсуждая тако, егда Шведы съ Поляки о владѣніи Лифляндіи въ войну вступятъ и войско свое утрудятъ и обезсилѣютъ, то я могу съ моими свѣжими силами, у обѣихъ любимой ихъ кусокъ изо рту отнять, но къ тому то ему было противно, что въ данные

два года перемирія могутъ Шведы разоренныя, принадлежащія мѣстечка къ Ревелю исправить и въ состояніе привести.

Король Польскій Сигисмундъ, имѣлъ у себя сестру Екатерину еще дѣву; Царь Іоаннъ Васильевичь желая съ нею вступить въ союзъ брака, понеже преждебывшая его супруга преставися, и уже было все къ сочетанію брака въ готовности, только съ обоихъ сторонъ единымъ пунктомъ препятствовало, понеже Польской Король Сигисмундъ желалъ, чтобъ по смерти Царя Іоанна Васильевича были наслѣдники дѣти его, рожденные отъ сестры его съ нимъ Царемъ Іоанномъ, а отъ первой его Царицы дѣтей чтобъ лишить наслѣдія Царственнаго; но Царь Іоаннъ Васильевичь на оное невѣстѣ своей Королевнѣ Екатеринѣ Польской отказалъ, и собравъ потомъ великое войско Россійское, немилостивно Польшу мечемъ и огнемъ повоевалъ и опустошилъ, и многія тысячи Поляковъ мечемъ посѣкъ, а Королевна Польская Екатерина отдана въ супружество Лифляндскому Князю Іоанну, брату Короля Шведскаго Юрика, того ради, чтобъ лучшее надѣяніе Королю Польскому имѣть отъ Короны Шведской

по ихъ свойству: но оной союзъ засѣялъ потаенную искру, которая между ими братьями произвела велій пламень въ 1563 году, понеже Іоаннъ Князь Лифляндской далъ заимообразно шурину своему Польскому Королю сто двадцать тысячь и закладъ взялъ; а Поляки въ то время учинили алліанцію съ Датчаны противъ Шведа; и тако Юрикъ Король Шведской брата своего Іоанна Князя Лифляндскаго объявилъ себѣ непріятелемъ и пошелъ съ великою на него войною, и по взятіи въ Лифляндіи города Абова, брата своего Князя Іоанна въ плѣнъ взялъ и въ темницу вверже. Царь Іоаннъ Васильевичь осадилъ Полоцкъ и взявъ раззорилъ; Король Шведской, того ради не вступилъ съ войною противъ Россіянъ, пріобщая ихъ въ алліанцію противъ Поляковъ; но Царь Іоаннъ Васильевичь на то не соизволилъ, кромѣ того, ежели ему прислана будетъ Екатерина Королевна Польская въ Москву, мня, яко и одинъ онъ имѣетъ столько силы, чтобъ ему съ Польшею управиться, а къ тому утверждалъ то, когда Шведъ столько себѣ непріятелей будетъ имѣть, то такъ не можетъ крѣпко себя въ Лифляндіи утвердить; но оное его мнѣніе обольстило, ибо фортуна

уже не такъ ему поспѣшествовать стала.

Его Царское Величество изволилъ употребить двѣ арміи противъ Поляковъ, и обѣ оныя арміи великое несчастіе отъ Поляковъ понесли, первая армія состоявшая въ двадцати тысячахъ человѣкъ, въ 1564 году Генваря 26 дня, недалече отъ Полоцка побита отъ Поляковъ, а другая армія, состоявшая въ шести тысячахъ человѣкъ, услыша побѣду своей арміи и приближеніе къ нимъ Поляковъ, отступила, и возвратилась въ Россію. Царю Іоанну Васильевичу донесено, что вся сія вина произошла отъ Иноземцовъ, которыхъ много при его войскѣ было и служили особливыми командами, яко бы они Нѣмцы не крѣпко стояли на войнѣ противъ Поляковъ, и по тому въ 1565 году, Августа 29 дня, чрезъ Нѣмецкихъ Рейтеровъ городъ Перновъ измѣною отъ Поляковъ достался Шведамъ. Того ради Царь Іоаннъ Васильевичъ всѣхъ своихъ Нѣмцовъ въ Москву призва и всегда имъ въ Москвѣ быти повелѣ, и уже Нѣмцамъ стало быть въ службѣ Россійской противно, и для того многія тайныя интриги, или умышленія злыя противъ Царя Іоанна Васильевича искаху, и нѣ-

которые по своимъ дѣламъ подвергли себя жестокому истязанію и наказанію въ 1566 году.

Великій Государь Царь Іоаннъ Васильевичь имѣ много при дворѣ своемъ чужестранныхъ людей, съ которыми онъ обхожденіе не малое имѣлъ, а особливо съ Посломъ Аглинскія Королевы Елисаветы всегда разговаривалъ о знатныхъ и важныхъ дѣлахъ, видя его ума достойнаго быти, призывалъ его во всякіе свои Царскіе совѣты; и понеже Его Величество зѣло былъ изученъ и твердъ во своемъ Греческомъ законѣ, и острую память имѣлъ сказывать отъ Божественнаго писанія, и всѣ Греческія писанія были ему небезъизвѣстны, хотѣлъ вѣдать и слышать и разумѣть прямо другіе законы, а особливо Лютерской; повелѣлъ учителя Лютерскаго къ себѣ призвать, и довольное время съ нимъ разговаривалъ почасту и слушалъ съ прилѣжаніемъ ученіе Лютерскаго закона и другихъ многихъ правъ гражданскихъ, и сталъ выбирать изъ нихъ многое, чтобъ внести въ свои гражданскіе правы, и представлялъ Боярамъ такіе порядки, и на оное представленіе единъ Россійской Бояринъ Димитрій Овчининъ ему Царю Іоанну

Васильевичу нѣчто противное намѣренію его предложилъ; но Царь Іоаннъ Васильевичь потомъ усмотря на немъ вину, яко бы онъ презрилъ нѣкогда пить за здоровье Царское поднесеннаго ему питія, и подъ тѣмъ претекстомъ его Овчинина казнилъ смертію, и по смерти его многія Россійскія старинныя права и порядки сталъ премѣнять и вводить новыя со всякою въ судахъ жестокостію, истязаніями и штрафы, на что нѣкоторые Россійскіе знатные особы и чужестранные, къ томужъ нѣкоторые изъ свойственниковъ его Царевыхъ согласяся въ Литвѣ собрали себѣ не малую партію народа, чтобъ хотя и съ оружіемъ противъ Царя стати. И егда Царю сіе донеслося, тогда Царь Іоаннъ Васильевичь видя въ Россіи такое смятеніе, повелѣлъ всѣмъ своимъ Боярамъ и всему народу собратися къ своему Царскому двору, и говорилъ всѣмъ публично тако: Вижду я, что всѣ вы мои подданные уже болѣ не желаете меня и фамиліи моей имѣти на престолѣ Царства Россійскаго, чтобъ быть подъ моимъ управленіемъ; и на другой день повелѣлъ изъ Соборной Церкви Чудотворныя Иконы въ домъ свой Царской принести и молебное пѣніе отправлять,

и потомъ ѣздилъ по всѣмъ церквамъ въ Москвѣ на поклоненіе Святымъ Иконамъ и Святымъ мощамъ, прося прощенія, яко бы онъ изволилъ отправляться въ такой путь дальной, что уже болѣе и въ Москвѣ быть не надѣялся; потомъ повелѣлъ всѣмъ Духовнымъ собраться въ Соборъ Успенской, гдѣ повелѣлъ совершать Литургію и молебное пѣніе въ путь свой, и по скончаніи службы простился со всѣми своими Бояры и съ народомъ, взявъ съ собою много Чудотворныхъ Иконъ и обѣихъ сыновей своихъ, сказалъ: Оставляю градъ Москву подъ сохраненіе Господа Бога нашего, а самъ сѣлъ въ карету съ дѣтьми, и поѣхалъ изъ града Москвы во градъ Коломну. Въ Москвѣ было всѣмъ великой страхъ и удивленіе, и вси людіе желаху знати, куда Царь изволилъ ѣхать. По нѣсколькихъ дняхъ Царь Іоаннъ Васильевичь имѣющихъ при себѣ нѣсколько знатныхъ Бояръ послалъ въ Москву сказать Патріарху и Бояромъ, что онъ изволитъ ѣхать туда, куда ему Господь Богъ путь укажетъ, а васъ аки предателей своихъ оставляетъ, но надѣется жъ быть впредь въ Москву, а къ тому, чтобъ вы обо всемъ могли ему отвѣтъ дать, и потомъ поѣхалъ въ Александрову Слободу,

и повелѣлъ всѣмъ знатнымъ Духовнымъ чинамъ и Боярамъ своимъ, ежели желаютъ, къ себѣ въ Александрову Слободу прибыть; Духовныежъ и Бояре съ великою жадностію и страхомъ къ нему пріѣхавше, какъ предъ лице его сташа, падоша вси и поклонишася ему по обычаю, и со слезами прошаху его, рекоша: О Великій Государь нашъ, за что ты насъ и столичной свой градъ оставляешь, яко пастырь свои овцы на расхищеніе хищнымъ волкамъ предаешь! за что такой твой великой Царской гнѣвъ на насъ твоихъ подданныхъ, просимъ раби твои смиренно, да возвратится Ваше Царское Величество во свой настольный градъ Москву, и кто Вашему Величеству противенъ, и тѣ да пріимутъ возмездіе по дѣламъ своимъ, а другихъ вашихъ вѣрныхъ, и всего народа Россійскаго не остави въ такомъ смятеніи напрасно похищеннымъ быти. Царь Іоаннъ Васильевичь видя ихъ слезное прощеніе, испросилъ у нихъ на единъ день времени, какой имъ на то отвѣтъ изволитъ дати, и по прошествіи того дня, егда пріидоша къ нему вси, тогда Царь Іоаннъ Васильевичь нача рѣчь свою сице: Вы сами извѣстны болѣе, нежель я, что нынѣ скажу о состояніи нашей

Россіи, какія въ Москвѣ издревле дѣла ужасныя произходили, чтобъ нашъ Великой Княжеской родъ весь искоренить! Сами вы знаете, что со мною чинилось по смерти моего родителя и со всѣми отъ крови его произшедшими, какъ Саладинъ и Горбатой и другіе многіе желали погубить нашу Царскую Корону, и всегда вамъ надобно полагать предъ свои очи, какія вы обиды и досады въ тѣ времена чинили, соглашаяся тайно съ Поляками, Татарами и Турками, и не устыдились вы показать обиду толико смиренной Царицѣ, оставшей послѣ отца моего, и съ дѣтьми ея, ежелибъ Божеская милость отъ того ея не защищала и все зло не отвращала; также и я въ какомъ опасеніи своего здоровья завсегда былъ, когда сталъ на себя принимать Корону и Державу Россійскую и вами управлять; то по истиннѣ завсегда вы искали случаю надо мною, и я былъ завсегда готовъ на жертву вашу. И по многимъ такимъ разговорамъ, Царь Іоаннъ Васильевичь обѣщался паки ѣхать въ Москву, и принять свою Державу по прежнему; и егда прибылъ въ Москву, то собравъ весь народъ, объявилъ публично, для чего онъ хотѣлъ Престолъ свой и Державу оставить, и потомъ

имѣющихся сыновей своихъ учинилъ, аки бы судіями надъ противящимися ему, и по суду нѣкоторыхъ изъ знатныхъ казнилъ смертію. Потомъ Царь Іоаннъ Васильевичь выбравъ изъ войска своего двѣсти человѣкъ отборныхъ людей для охраненія своего здравія, именовалъ Опричными, яко бы особливо повѣренными ему людьми; оные были люди выбраны не изъ знатныхъ, и запрещено имъ ни съ кѣмъ, а особливо со знатными никакого чрезъ браки свойства не чинить, на что они жестокою присягою себя утвердили, чтобъ имъ быть во всякой вѣрности для обереженія Его Царскаго здравія, однако Царь Іоаннъ Васильевичь завсегда былъ опасенъ въ животѣ своемъ отъ большихъ Бояръ Московскихъ.

Въ 1567 году Великій Государь Царь Іоаннъ Васильевичь послалъ Пословъ своихъ въ Англію, чтобъ какъ можно сдѣлать компанію торговую въ Россію; Королева Аглинская, то охотно учинила, что Агличане подъ провожаніемъ Рихарда Канцлера въ 1568 году чрезъ Бѣлое море къ городу Архангельскому ходъ сыскали, и тако въ то время было дано позволеніе Агличанамъ безпошлинно торговать въ Россіи, чтобъ какъ наилучше

онуюторговлю устроить и укрѣпить, чтобъ чужестранные надобные Россіи товары могли прямо въ Россію привозить, которые прежде всегда съ великимъ коштомъ чрезъ Нарву съ убыткомъ отъ Шведа приходили, или чрезъ издавна ненавидящихъ Россію Поляковъ доставали. И тако учинилось, что изъ Англіи для вольнаго торгу зѣло много стало въ Россію дорогихъ и добрыхъ товаровъ отправляться. Королева Аглинская Елисавета просила въ 1569 году Царя Іоанна Васильевича, чтобъ у города Архангельскаго ни съ кѣмъ инымъ не былъ торгъ содержанъ, токмо съ сущими Агличаны изъ одного города Лондона посылаемой компаніи, того ради Царь Іоаннъ Васильевичь съ Послами Аглинскими послалъ въ Лондонъ изъ Москвы природою Агличанина Антона Нескинзона съ инструкціею ему данною, чтобъ Королева съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ учинила аффенсивъ и дефенсивъ алліанцію, дабы противъ всѣхъ враговъ другъ другу вспоможеніе чинить, и чтобъ въ Россію прислать изъ Англіи мастеровъ кораблестроителей, корабельную аммуницію и мастеровыхъ, и что къ военнымъ кораблямъ надлежитъ. И егда ему Царю Іоанну Ва-

сильевичу паче чаянія ежелижъ случится быть отъ своихъ подданныхъ изъ Россіи изгнанну, котораго онъ на себя несчастія зѣло опасался и ожидалъ, тобъ Королева Аглинская Его Величество съ фамиліею его пріяла во свое Королевство: Королева хотя и отвѣтствовала ему, но не вскорѣ.

Въ то самое время, когда оная грамота къ Елисаветѣ Королевнѣ отправлена была, бесчастный Король Шведскій Юрикъ отъ своего несчастія хотѣлъ подъ охраненіе къ Царю Іоанну Васильевичу ѣхать: о несчастіижъ его здѣ описати не облѣнимся. Въ прошедшихъ лѣтѣхъ Король Юрикъ искалъ алліанціи у Царя Іоанна Васильевича противъ Поляковъ, но Царь Іоаннъ Васильевичь на то просилъ Катерины Королевны Польской, чтобъ ему прислана была въ Москву, но такого стыда Король Юрикъ надъ собою не могъ, учинить, чтобъ брата своего жену къ нему послать на поруганіе; и тако за тѣмъ у Россіянъ въ то время со Шведы алліанцъ не укрѣпися, однако послѣ Утальской ексекуціи, въ которой Король Юрикъ своею рукою одному знатному Министру Шведскому голову публично отрубилъ, писалъ Юрикъ тайно къ Царю

Іоанну, что какъ скоро Царь Іоаннъ Васильевичь пришлетъ въ Стокгольмъ Пословъ и съ ними триста человѣкъ, то онъ Катерину, жену брата своего Іоанна ему съ ними въ Москву пошлетъ. Въ то время оное дѣло требовало скорости, понеже Датская армія стала уже на границѣ Шведской, того ради Юрикъ бывъ опасенъ въ Стокгольмѣ возмущенія, и не смѣлъ такъ долго брата Іоанна держать въ заключеніи, повелѣлъ брата своего сидящаго въ темницѣ въ тѣ времена въ Грипсголмѣ, послать его оттуда подъ карауломъ въ Ейтеголмъ, гдѣ онъ Іоаннъ письменно брату Юрику утверждалъ, что ему быть завсегда къ нему вѣрну.

Егда Король Шведской Юрикъ отъ Датчанъ свободился, и войско ихъ изъ Швеціи выгналъ, тогда послалъ къ брату своему Іоанну сказать, что онъ его свобождаетъ изъ темницы, и даетъ ему въ Лифляндіи мызы и вотчины, также и обѣщанныя ему Вифляндію и Ингерманландію во владѣніе, толькобъ онъ со всѣмъ изъ Шведскія земли выѣхалъ и никакой претензіи на Швецію не думалъ, понежеде обѣимъ намъ во Швеціи быть невмѣстно, и на оное братъ его Іоаннъ не приклонилъ къ слышанію уши

свои, а на томъ и Юрикъ Король положилъ, чтобъ конечно брата Іоанна лишить своего владѣнія, и жену его Катерину отдать въ полонъ Россійскій, уже ожидающимъ того въ Стокгольмѣ.

Герцогъ Іоаннъ услыша такое о себѣ несчастіе во всемъ градѣ Уталѣ о томъ возвѣстилъ, и егда Шведы услышали безчеловѣчество Короля Юрика, что онъ хощетъ учинить такое зло надъ братомъ своимъ, восташа вси и взявше оружіе, пойдоша на Короля Юрика, дабы атаковать его въ Стокгольмѣ; но Юрикъ услыша о томъ, забравъ неисчетныя богатства, взыти хотя на корабль и пуститься въ море, желаніе имѣя идти опять въ Нарву подъ охраненіе Россійское, но удержаху его жители и граждане и не отпустиша. И егда Іоаннъ Князь обступилъ со арміею Стокгольмъ, граждане безо всякаго противленія отворивъ врата съ честію Князя Іоанна встрѣтиша, тогда Шведскіе солдаты съ яростію нападоша на домъ Пословъ Россійскихъ, хотяху ихъ всѣхъ смерти предати, но Герцогъ Шведской Карлъ пришедъ укроти ихъ и соблюди животъ Пословъ Россійскихъ. На другой день всѣмъ Шведскимъ народомъ отъ вышшаго и до нижняго, Король Юрикъ

лишенъ Короны, а на его мѣсто коронованъ братъ его Князь Іоаннъ.

И егда Іоаннъ Королемъ учинился, тогда писалъ въ Москву къ Царю Іоанну Васильевичу, возвѣщая ему о возшествіи на Престолъ Шведскаго Королевства и о учиненномъ мирѣ съ Королемъ Датскимъ, такожде просилъ и Царя Іоанна Васильевича, чтобъ изволилъ своихъ Пословъ на границу прислать для сочиненія мира, а онъ охотно того желаетъ, такожде возвѣщаетъ, что Послы его бывшіе въ Стокгольмѣ въ такое смутное время, никакого зла не получили, хотя въ то время ваше намѣреніе и было, чтобы меня разлучить отъ Бога дарованной мнѣ супруги. Нынѣ уже все то я вамъ оставляю, желая съ вами добраго союза. И егда оная Королевская грамота ему вручена, и по прочтеніи оной Царю Іоанну Васильевичу не мало досадно учинилося долгое задержаніе Пословъ его и желанное лишеніе Катерины Королевны Польской, къ томужъ соболѣзнуя, что надежной его другъ Король Юрикъ въ томъ пострадалъ и въ такое несчастіе впалъ, однако онъ отвѣтствовалъ Королю, хотя и не за истинну, что онъ мира съ нимъ желаетъ и поздравляетъ его съ Королевскою Коро-

ною Шведскою, упоминаяжъ и о Катеринѣ, что она ему болѣе неугодна, понеже уже не учинилъ бы, чтобъ ея послалъ къ брату ея Королю Польскому; а ежели Ваше Королевское намѣреніе есть прямо къ миру, то изволь уже и такъ долго задержанныхъ моихъ у васъ Пословъ ко мнѣ отпустить и съ ними своихъ Пословъ ко мнѣ прислать для сочиненія мирныхъ договоровъ. Царь Іоаннъ Васильевичь не положи въ забвеніи древнихъ своихъ непріятелей Поляковъ, собравъ свою армію, пойде къ Польскимъ границамъ; но и Король Польской такожъ со своею арміею пойде противъ Россіянъ, но однако уже походы ихъ зачало свое воспріяли къ приближающейся осени, къ тому Поляки не такъ скоро на встрѣтеніе Россіяномъ вышли, упражняяся болѣе во всемъ походѣ прохладами и роскошами, и во оной походъ со обѣ стороны ничего знатнаго не учинено, токмо Поляки раззорили два замка прежде взятые у нихъ отъ Россіянъ Улу и Сузу; а Царь Іоаннъ Васильевичь въ посмѣяніе имъ послалъ къ нимъ Полякамъ въ лагерь одну отрубленную голову Россійскаго человѣка, обрѣтенную на полѣ, чтобъ они на ее глядя веселились; и какъ Царь Іоаннъ

Васильевичь изъ похода въ Москву пріиде, поручилъ надъ полками команду Боярину Ивану Петровичу. И егда ему донесено на него, яко бы онъ съ войсками нѣчто противъ Царя умышляетъ, тогда онъ призвавъ его къ себѣ, положилъ свою Царскую предъ нимъ Державу, и велѣлъ его посадить на высокое мѣсто, и самъ пришедъ его поздравилъ, и потомъ взявъ ножъ, прободе его въ самое сердце, и повелѣлъ своимъ караульнымъ его взявъ изнести вонъ. Царь Іоаннъ Васильевичь много неспокойства въ то время въ Москвѣ имѣлъ, но онъ управлялся съ ними болѣе такими обычаи, нежели продолжительными судами.

Вскорѣ потомъ прибылъ его посланной Посолъ изъ Англіи, привезъ ему договоръ и кондиціи о торгу Агличанъ въ Россіи, а объ алліанцѣ съ Королевою никакого отвѣтствія не получилъ, а о торговлѣ такъ положено, что вольно Агличаномъ заморскими товары вездѣ въ Россіи во всѣхъ городахъ торговать, хотя и до границъ Персидскихъ и Мицкихъ, а до сего времени не можно было никакому чужестранному ни въ тысячѣ шагахъ отъ Москвы торгу производить, и въ такую милость допустилъ Аглин-

ской народъ, что именовалъ ихъ отъ другихъ чужестранныхъ народовъ опричными, яко въ то время сіе слово содержало въ себѣ великую силу. Посла Аглинскаго богатыми дарами одарилъ и отпустилъ, и съ нимъ къ Королевнѣ своего Посла послалъ Андрея Григорьевича Савинова о заключеніи съ нею прежней отъ его персоны алліанціи, которая грамота была писана на Россійскомъ діалектѣ; и чтобъ Королева на то присягала, что ей исполнить во время его нужды, и къ немубъ Іоанну Васильевичу послать Посла, то и ей онъ також де будетъ присягать при цѣлованіи Святаго Креста. Королева Елисаветъ по прочтеніи грамоты обѣщала ему Царю Іоанну во всемъ при случаѣ давать помощь и отпустила Посла его Савинова и съ нимъ къ Царю Іоанну писала, что она при случившейся ему нуждѣ во свое Королевство всегда принять охотна съ надлежащею честію, какъ Великому Князю надлежитъ, и вольно ему въ моемъ Королевствѣ со всѣми своими содержать будетъ законъ свой и всегда пребывать во своей вольности житіемъ и отъѣздомъ изъ Англіи: но Царь Іоаннъ Васильевичь не весьма доволенъ былъ Королевною, что

она къ нему своего Посла не прислала, чтобъ отъ его онъ взялъ вѣрную присягу Королевѣ своей, и писалъ Царь Іоаннъ Васильевичь къ Королевнѣ Елисабетѣ тако: Вижду я, что вы изволите мою прозьбу презирать и торги не изволите припомнить, что я ваше желаніе все исполняю, какъ Аглинскому Королю мою особливую милость являю, даннымъ имъ въ моемъ Государствѣ вольнымъ торгомъ, что я никакому иному народу того дать не могу, и не буду, и то чиню ради того токмо, что желаю съ вами и съ Англіею добраго пріятствія. Королеважъ, по прочтеніи грамоты его, вскорѣ отправила къ нему Антона Нейскимзона со своею грамотою, извиняя себя и утверждая во всякой къ Россіи вѣрности, а особливо къ Его Царской Персонѣ по его желанію, что будетъ исполненіе чиниться неотмѣнно.

Въ 1570 году Шведы прежде задержанныхъ Россійскихъ Пословъ одаря честно, отпустили и своихъ Пословъ къ Царю Іоанну Васильевичу съ ними послали договариваться о мирѣ, и чтобъ въ Лифляндіи, отдавшейся подъ Корону Шведскую городъ Ревель съ протчими къ нему мѣстечки утвержденъ былъ за

Шведы; но какъ Россійскіе Послы возвратилися, и съ собою Пословъ Шведскихъ привезли, то Царь Іоаннъ Васильевичь повелѣлъ ихъ столькожъ лѣтъ, дней и часовъ удержать въ Москвѣ подъ крѣпкимъ охраненіемъ и скуднымъ пропитаніемъ, токмо на единомъ хлѣбѣ и водѣ; и тако *многіе Исторій Писатели* писаху о Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ описываючи его жестокимъ, а не зная истиннаго дѣла, яко бы онъ безо всякой вины своихъ подданныхъ и чужестранныхъ такъ наказывалъ, а того иные описатели не знаютъ, что онъ месть Шведамъ чинилъ, возвращая свои обиды; такожъ порицаютъ его зѣло напрасно жестокою его суровостію учиненною надъ Новымъ-градомъ, и надъ всею тою Новогородскою землею, не вѣдая и не разумѣя ихъ Новогородцевъ къ нему противности; ибо Новогородцы съ ихъ надлежащими землями самовольно хотѣли себя отъ подданства Россійскаго отвергнуть и къ Польшѣ пріединиться, а къ тому склонили и Великаго Князя Георгія, брата Царя Іоанна Васильевича, чтобъ ему Георгію быть особливымъ Княземъ надъ ними Новогородцы и Псковичи: то за то оный Царь такія наказанія имъ имѣя резонъ показывалъ, а не

напрасно (отъ брата своего Георгія въ измѣнѣ Новогородцевъ). Его Величество взявъ войска пятнадцать тысячь, пойде съ яростію на Новогородцевъ, на пути лежащія Новогородскія мѣстечки раззориль и порубилъ, и пришедъ въ Новгородъ, повелѣлъ съ жестокостію Новогородцевъ наказать, и приставилъ къ ихъ наказанію Боярина Малюту Скурбатова, которой отъ природы своей человѣкъ немилостивой, жестоко Новогородцевъ мучилъ и умерщвлялъ, монастыри всѣ ограбилъ, Архіерея, которой былъ противенъ Царю Іоанну Васильевичу, взявъ, одѣлъ его въ дураческое платье на позоръ всему народу, и посадя на кобылу, чрезъ градъ по улицамъ возилъ, потомъ его и въ Москву послалъ, гдѣ ввержень онъ въ темницу. Въ Новѣгородѣ была дана воля Московскимъ служивымъ людемъ, которые немилостивыя жестокости надъ Новогородцами чинили и умерщвляли. Повѣствуютъ Писатели, что во градѣ убито людей три тысячи человѣкъ, а иные повѣствуютъ, даже до двадцати пяти тысячь человѣкъ; и тако и въ двухъ мѣстахъ лежащихъ около Новаграда, чинено тожде съ не малымъ пролитіемъ крови, такожде въ то время и гладъ зельной озло-

бялъ страны Новогородскія, отъ чего они великое зло тогда претерпѣть имѣли, еще много другіе Исторій Писатели показали, яко бы о немилостивыхъ дѣлахъ и удивленію достойныхъ Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича, но не истинну, и тако оставляется.

Великій Государь Царь Іоаннъ Васильевичь въ тѣ времена имѣлъ не малыя дѣла, и въ Лифляндіи смотря на дѣйствія Шведовъ противъ Датчанъ и Поляковъ, когда они утрудятся, чтобъ ему свое намѣреніе исполнить. Въ 1570 году Шведской Генералъ, имѣющійся въ Ревелѣ Класъ Курсель уже немирно глядѣлъ на Короля Шведскаго Іоанна, понеже онъ зѣло подъущенъ былъ отъ Датчанъ, искалъ у Ревельцовъ, чтобъ ему быть надъ ними особливымъ господиномъ, и дабы отрѣшиться отъ подданства Шведскаго, а подъ протекціюбъ отдаться Полякамъ или Россіянамъ, за которой онъ предъявляемъ, говорилъ, что можетъ не малую сумму достать денегъ для роздачи солдатамъ и прочимъ, и въ такое уже состояніе оной Генералъ привелъ, что согласяся со Шляхетствомъ Ревельскимъ, а болѣе по наученію Голстинскаго Герцога Магнуса, пришедъ съ солдатами, Губернатора Ре-

вельскаго Гаврилу Оксенштирну съ женою и съ дѣтьми аки плѣнника взялъ и градомъ Ревелемъ обладати сталъ, и на то Ратуша Ревельская послала къ нему Генералу Курселю спросить о настоящей причинѣ. Онъ имъ отвѣтствовалъ, что онъ градъ Ревель нынѣ имѣетъ, яко закладъ надежной отъ Короны Шведской, чтобъ ему и солдатамъ его было заплачено какъ надлежитъ, и чтобъ они о томъ Короля увѣдомили, а онъ будетъ замокъ Ревельской содержать и ожидать резолюціи до Троицына дни. Царь Іоаннъ Васильевичь зѣло старался, чтобъ Генерала Курселя съ арміею къ себѣ склонить, но не возможе, и къ тому зналъ онъ, что Лифляндцы правленія Россійскаго надъ собою имѣть не желаютъ и пренебрегаютъ, но желаютъ всегда быть подъ властію Нѣмецкою, или Датскою: того ради онъ къ нимъ Ревельцамъ писалъ, что онъ Царь Іоаннъ Васильевичь желаетъ только завсегда града Ревеля быть защитникъ отъ всѣхъ враговъ его безо всякаго надъ нимъ начальства, а господство да будетъ надъ ними имѣть Герцогъ Голстинской Магнусъ, братъ Короля Датскаго, котораго и могу объявить и титуловать Королемъ; но фун-

даментальное его Царя Іоанна мнѣніе *было*, чтобъ какъ *ни есть* Лифляндію пріединить къ Россійской Коронѣ.

И такое увѣдомленіе Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича Герцогу Магнусу зѣло понравилось, чтобъ Лифляндію къ Датской землѣ пріединить, и многіе Лифляндцы тому радовались, думая себѣ получить златое время подъ Державою Нѣмецкаго правленія новаго своего Короля Магнуса и брата Короля Датскаго, чая себѣ всякаго вспоможенія; и для того Лифляндцы частыми послами съ Царемъ Іоанномъ переписывались и договаривались, дабы привесть ко окончанію. И какъ Магнусъ Герцогъ Голстинской какъ отъ Россіи, такъ и отъ Лифляндцовъ благую себѣ надежду воспріялъ, уготовяся поѣхалъ самъ въ Москву, проѣзжаючи Ревель отъ Генерала Шведскаго Курселя такожъ обнадеженъ и на то поощренъ. Шведскіе солдаты, имѣющіеся въ Ревелѣ, видя худое намѣреніе Генерала своего, и между ими былъ единъ Капитанъ Никласъ Дубларъ, многихъ солдатъ къ своей партіи привлекъ и храбро и отважно поступилъ; во едину нощь въ нѣкоторую тайную и малую имѣющуюся скважню въ замкѣ тихо съ солдатами

со оружіемъ вниде, въ совѣтѣ имѣющихся съ Генераломъ отъ части порубили, а другихъ аки злодѣевъ арестовали, а Генерала Курселя аки главнаго злодѣя въ темницу всадили, а потомъ оной Курсель со всѣми своими единомышленники казненъ смертію; Губернатора Шведскаго Оксенштирна на Губернаторство возвели. Лифляндское Шляхетство, которые съ Курселемъ были въ согласіи, всѣ себя отдали подъ охраненіе Россіи. Герцогъ Магнусъ по прибытіи въ Москву, великою честію почтенъ, и отъ Царя Іоанна Васильевича Королемъ Лифляндскимъ публикованъ, съ такимъ договоромъ, что Царю Іоанну Васильевичу всегда быть защитителемъ Лифляндіи и имѣть только тотъ титулъ, а власти никакой надъ Лифляндіею не содержать, но быть довольну нѣкоторымъ небольшимъ годовымъ сборомъ съ Лифляндіи деньгами на персону Царя Іоанна Васильевича. Оной договоръ всѣмъ Лифляндцамъ былъ угоденъ, чтобъ Шведовъ, какъ можно изъ земли ихъ выгнать, также бы алліанцію имѣть съ Цесаремъ и Нѣмецкому народу въ Россіи всегда показывать милость, а новому Королю Магнусу Королевство Лифляндское содержать вѣчно

въ родъ и родъ по мужескому колѣну; а когда оной Магнусъ безъ наслѣдія преставится, чтобъ быть въ Лифляндіи Королемъ всегда изъ Голстиніи или Датской земли фамиліи Королей тѣхъ, и Россійскому въ Лифляндіи никакому правленію ни вышнему ни нижнему быть не позволяется. Царь для любви къ Лифляндцамъ имѣющихся у себя въ прежде бывшихъ войнахъ плѣнниковъ Лифляндцовъ повелѣлъ свободить; и тако Магнусъ Король Ревельскихъ и прочихъ Лифляндцовъ сталъ приводить въ свою вѣрность великими дарами, аки златыми горами, а на противящихся обѣщалъ жестокіе штрафы, но не могъ ихъ всѣхъ въ вѣрность къ себѣ добровольно привести. Того ради Царь Іоаннъ Васильевичь собралъ великія свои силы и послалъ, чтобъ выгнать Шведское войско изъ Лифляндіи и привесть подъ прямое владѣніе Короля Магнуса, яко и обѣщалъ ему, къ чему Датской Король еще зѣло тому доволенъ былъ, чтобъ Шведу связать сею войною руки, чтобъ онъ скорѣе договоръ учинилъ о градѣ Штетинѣ, тогда дѣло имѣющемъ; и какъ Магнусъ пришелъ съ арміею въ Лифляндію и атаковалъ Ревель и Витенштейнъ съ великою силою и наглостію,

послалъ письмо къ Ревельскимъ жителямъ въ такой силѣ, что онъ пришелъ подъ градъ Ревель въ такомъ намѣреніи, что они суть люди Нѣмецкіе и желаетъ ихъ свободить отъ ига Польскаго и Шведскаго, и ихъ раззоренныя Провинціи во едино Нѣмецкое великое Княженіе собрать и подъ своею Нѣмецкою властію имѣть, а Царь Россійской въ такомъ дѣлѣ только да будетъ ему и имъ защититель, и далъ ему такой договоръ подъ крестнымъ цѣлованіемъ, что ему Герцогу одному владѣть Лифляндіею въ родъ и родъ, и по немъ, ежели бездѣтенъ умретъ, тобъ отъ Голстинской, или Датской фамиліи Королей всегда въ Лифляндіи быти Королю, а ему Царю только имѣть одно титло защитителя Лифляндскаго, и всегда ему то отправлять, и отъ всѣхъ враговъ Лифляндскихъ защищать; того ради со мною и войско свое послалъ, чтобъ Шведовъ, какъ древнихъ вашихъ непріятелей, изъ земли Лифляндскія выгнать. Сего ради совѣтую вамъ меня, аки Нѣмецкаго Князя принять изъ доброй вашей воли и подъ Державу мою подклониться; и отъ того его писанія въ Ревель жители въ разныя хотѣнія себе предаваху, иніи за добро сіе быти по-

ставляли, а иніи сего отрицахуся пребываху несогласни, но Комендантъ Габріилъ Деморби сообщася съ жительми, заклялися, чтобъ ни кому себя не отдавать въ подданство, представляя прочимъ, яко Царь Россійской поступать будетъ съ нами такожъ, какъ со градомъ Смоленскимъ и съ Михайломъ Глинскимъ. А Король Шведской прислалъ кораблями въ Ревель все надлежащее, что надлежитъ атакованнымъ имѣти во свое защищеніе. Король Іоаннъ къ Царю Іоанну Васильевичу дважды чрезъ письма писалъ о мирѣ, но не получилъ желаннаго, ибо къ тому болѣе Датчане поощряху Россіянъ на войну, чтобъ имъ Штетинъ, какъ наилучшее подъ себя укрѣпить; и тако Шведы были отъ того въ немаломъ утѣсненіи и желали хотя и съ убыткомъ, толькобъ мирные трактаты учинить. Въ то время Цесарь Нѣмецкой тутъ же вступилъ, что безъ воли его Князь Голстинской учиняется Королемъ и Лифляндію подъ власть Датскую присвояетъ: къ тому и Польской Посолъ Крамерусъ описуя, говоритъ про Лифляндцовъ, что имѣютъ съ Россіянами нехристіанскими людьми алліанцію, однако получилъ такой отвѣтъ, что Поляки съ Турками

и Татарами алліанцію имѣютъ, которое зѣло противно Христіанству, а что съ Россіею имѣть алліанцъ, и то дѣло не пребеззаконно, ибо наши праотцы завсегда съ ними имѣли алліанцію и согласіе. Описатель Польской Крамерусъ въ одномъ описаніи своемъ показуетъ, что Россіане еще лучше Христіане, какъ нѣкоторые имѣющіеся подъ закономъ Западныя Римскія церкви. И какъ Король Шведской учинилъ миръ съ Датчаны, то уже обратился со всѣмъ противо Россіянъ, хотя отмстити и прежнія свои обиды, которыя ему были показаны отъ брата его Короля Юрика чрезъ желаніе Царя Іоанна Васильевича въ Россійской арміи облежащей Ревель, дѣла ихъ непоспѣшны и несчастливы быть стали, а Король Шведской моремъ Ревель всемъ удовольствовалъ; къ томужъ въ войскѣ Россійскомъ учинилась моровая язва, отъ которой множество Россійскаго войска померло: того ради Магнусъ отъ Ревеля отступилъ и блокаду свою покинулъ, и къ томужъ чрезъ измѣну одного Лифляндца Россіане въ то лѣто едва не потеряли крѣпости Дерптской. Шляхтичи Лифляндскіе Рейнолдусъ, Роза и Дубно и Крусно пріяша службу у Царя въ Дерптѣ,

которые своимъ лукавствомъ городъ Дерптъ умышляху сдати Шведамъ, но мѣщанство града Дерпта того умысла не знали, и егда оные Шляхтичи съ войскомъ своимъ подошли подъ Дерптъ, то мѣщанство имъ никакого способу не дали, и отъ Россійскихъ войскъ съ немалымъ урономъ они отбиты и прогнаты, а зачинатель сего дѣла бѣжалъ въ Польшу.

Въ самое то время по возбужденію Польскому Татары нечаянно въ семидесяти тысячахъ войска напали на Россійскія границы, и великое раззореніе учинили; перебрався чрезъ Оку и Волгу, тѣ Татара подъ приводомъ Польскаго Князя Варадинскаго великое въ Россіи учинили раззореніе, и уже за осмнадцать миль до Москвы вездѣ раззоряху. Царь Іоаннъ Васильевичь оставя Москву, взявъ съ собою обѣихъ своихъ сыновъ и лучшее сокровище, и въ провожденіе свое двѣ тысячи человѣкъ своихъ выборныхъ воиновъ, пойде въ Монастырь зѣло укрѣпленный, и Татара услышавъ о томъ, обратились на Москву градъ, и пришли въ день Праздника Живоначальныя Троицы. Въ восьмомъ часу дни надъ Москвою учинилося злое несчастіе, великою жестокою громовою погодою

учинился пожаръ, которой добрался до пороховыхъ погребовъ, и тако такой крѣпкой, утвержденный стѣнами замокъ на пятьдесятъ саженъ до фундамента сокрушило, и всю Москву тотъ пожаръ въ девять часовъ въ пепелъ претворилъ. И такъ великой оной градъ имѣющій въ окруженіи своемъ на девять миль Нѣмецкихъ, претерпѣлъ такое бѣдство, что сто двадцать тысячь человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей, людей сгорѣло, и такое страшное было время, что и самихъ злодѣевъ Татаръ въ то время стоящихъ подъ Москвою въ немалой страхъ привело; однако Татары безчисленно обогатившеся Московскими корыстьми, не оставили похитить и въ замкѣ имѣющихся сокровищь, а Царь Іоаннъ Васильевичь ретировался въ Ярославль градъ, и по отшествіи его Татара къ тому крѣпкому Монастырю хотя и приступали, но взять его не могли; потомъ пришло извѣстіе, что войско Россійское подъ командою Герцога Магнуса идетъ въ Россію, того ради Татары болѣе не согласились медлить въ Россіи, но возвратились съ корыстьми своими и со многими тысячи плѣнниковъ въ свои мѣста; а Князь Врадинскій послалъ къ Царю Іоанну

Васильевичу саблю въ знакъ того, со объявленіемъ, что онъ оставляетъ Россію, яко настоящій непріятель, и обѣщаетъ паки притти и болѣе того въ Россіи учинить: того ради Царь Іоаннъ Васильевичь, по созваніи всѣхъ своихъ Бояръ и войска, воинской совѣтъ повелѣлъ учредить, неимѣющихъ охоту крѣпко на брани стояти, отъ службы безчестно отставить, а Начальниковъ такихъ и Полководцевъ казнилъ мечемъ и колесовалъ, имѣнія ихъ и помѣстья отобравъ, весь ихъ родъ искоренити повелѣлъ.

Его Величество всегда имѣя мысль противъ Короля Шведскаго, въ то время съ Поляками онъ имѣлъ перемиріе на три лѣта; того ради восхотѣ оружіе свое противъ Шведовъ обратити, писалъ онъ къ Королю Іоанну зѣло уничтожительныя письма, повелѣвая ему о воинскихъ дѣлахъ договариваться чрезъ Намѣстника своего Новгородскаго, которые договоры тако и сочинилися, что послѣ того и во обыкновеніе пришло, что Шведскіе Короли о всякихъ дѣлахъ договаривалися съ Намѣстники Новгородскими, и хотя отъ Шведскаго Короля также не съ почтеніемъ ему отвѣтствовано, но Царь Іоаннъ Васильевичь

ни во что то поставляя, представилъ Посламъ Шведскимъ тогда удержаннымъ въ Москвѣ, жестокіе пункты о мирномъ договорѣ, сказуя имъ, ежели на тѣхъ пунктахъ Король вашъ не учинитъ со мною мира, то я Швецію и Финляндію всю покрою моими войски. Король Шведской брата своего Юрика, посаженнаго въ темницу изъ Абова, въ Гриптьгольмъ, а оттуда въ Дебію послалъ, мня, яко Царь его ради избавленія, хочетъ нападеніе учинить на Финляндію; а понеже Царь Іоаннъ Васильевичь еще желая по намѣренію своему Герцога Голстинскаго Королемъ учинить въ Лифляндіи, призываетъ его паки въ Москву на совѣтъ, какъ бы наилучшее учинить нападеніе на Лифляндію. Въ тожъ время въ Польшѣ Король Сигизмундъ умре, и не малое смятеніе въ Польшѣ о томъ учинися, то и способнѣе уже Царю Іоанну Васильевичу стало противъ Шведа оружіе взяти, не опасаяся отъ Поляковъ себѣ никакого нападенія. Собравъ свои великія силы, одну армію послалъ въ Финляндію, а другую въ Лифляндію: въ Лифляндіи Россійская армія все раззоряла и пустошила, не имѣя себѣ противника, и насытяся Финляндскими корыстьми, возвратилась въ Россію,

а въ Лифляндію Царь Іоаннъ Васильевичь пойде своею Особою и со двумя сынами своими и съ восемьюдесятью тысячами войска своего, и атаковалъ городъ Витенштейнъ въ 1573 году, и въ недѣлю Рождества Христова приступомъ взялъ, жителей и гарнизонъ безъ разбору всѣхъ порубилъ. Оттуда пошелъ въ Ненговъ и замокъ Каргаузенъ взялъ и также опустошилъ; а потомъ съ большею своею арміею возвратился въ Новгородъ; въ Эстляндію для раззоренія послалъ шестнадцать тысячь войска. Шведской Генералъ Класъ-Аскесовъ пошелъ на встрѣчу, имѣя 600 человѣкъ конницы и 1000 человѣкъ пѣхоты, и сошедшеся напалъ на Россійское войско, и все оное разогналъ и порубилъ даже до 7000 человѣкъ, а оставшихъ изъ Эстляндіи выгналъ и въ плѣнъ получилъ болѣе 1000 возовъ съ провіантомъ и съ другимъ богажемъ, о которомъ уронѣ своей арміи, егда услышалъ Царь Іоаннъ Васильевичь, зѣло усумнился, писалъ къ Королю Шведскому Іоанну, желая съ нимъ мира, а Герцога Голстинскаго Магнуса совокупилъ бракомъ съ племянницею своею, произшедшею отъ крови Георгія Князя, брата Царя Василія Іоанновича; и во время ихъ брака Царь

Іоаннъ Васильевичь зѣло себя веселилъ со всѣми своими Бояры Россійскими, и при отпущеніи жениха съ невѣстою во уготованную имъ ложу, самъ съ пѣвчими пѣлъ на голосахъ Символъ вѣры Христіанскія.

Шведской Король Іоаннъ Маниръ съ Его Царскимъ Величествомъ отъ мира не отказался, и зѣло того давно желалъ. Въ 1574 году писалъ къ Царю Іоанну Васильевичу, чтобъ съѣзжаться Посламъ на Сестру рѣку для договора о мирѣ, а между тѣмъ умыслилъ, и послалъ въ Лифляндію подъ командою Пойта де ла Гарди своего Генерала пять тысячь войска провинціи Шотской, чтобъ они знатныя дѣла чинили противъ нападенія отъ Россійскія страны, мысля, чтобъ тѣмъ болѣе привесть къ миру Царя Іоанна Васильевича, но еще до съѣзда Министровъ къ миру учинилась въ Лифляндіи между Россіянъ и Шведовъ война. Шведскій Генералъ съ войски пришелъ къ Вейзенбурху и Тельсбурху, но ничего тамо Россіяномъ не учинилъ, только много войска своего потерялъ, и оные Шотскіе люди всегда у Шведовъ имѣются въ посмѣяніи, зане они не имѣютъ добраго сердца къ баталіи, просили они, чтобъ у нихъ былъ команди-

ромъ Шотской ихъ Графъ Архибалди, и егда онъ съ Россіяны сразися, не може устояти, гдѣ ихъ тысяча пять сотъ побито, и восемдесять человѣкъ въ плѣнъ взято. И тако Шведы съ немалымъ стыдомъ положили оставить Вейзенбурхъ на раззореніе Россіаномъ. Шведы потщилися имъ отмстить тако: понеже Россіяне съ Любчаны не малой торгъ содержаху, тогда Король Іоаннъ повелѣлъ въ морѣ судовъ Россійскихъ смотрѣть и шестьдесять нагруженныхъ судовъ съ товарами взялъ въ плѣнъ, напротивъ того Россіяне нечаянно нападоша на стоящій Шведской лагерь, и много Шведовъ побиша, между тѣмъ уже съ обѣ стороны было къ миру готово, уже и Послы Шведскіе поѣхали чрезъ Лифляндію къ миру, Россіяне учиниша жестокое нападеніе на Лифляндію въ 1575 году, и чрезвычайной страхъ и ужасъ, раззореніе и опустошеніе Лифляндіи сотвориша, и градъ Перновъ взята по договору, и многія мѣстечка и замки подклонили подъ Державу новаго Короля Магнуса; къ томужъ продали Нѣмецкіе Рит̃перы и Лифляндскіе Шляхтичи Королю Датскому въ Эстляндіи замки, яко Газельлое и Легалъ за восемдесять тысячь гульденовъ, кото-

рые чрезъ Датскаго Штадтгалтера, бывшаго въ Эзелѣ къ Аренсбурху причислены и соединены. Въ 1575 году Герцогъ Магнусъ фонъ Саксенъ Лаунбурхъ, которой имѣлъ женою Софію сестру Іоанна Короля Шведскаго, и ему въ приданое отданы нѣкоторыя близъ Эзеля лежащія мѣста, и между тѣмъ у Герцога съ Датскимъ Штадтгалтеромъ учинилась ссора объ островѣ Монѣ; Штадтгалтеръ взятъ въ полонъ, но отъ Герцога паки свобожденъ. Въ то время Россіяне насытяся пожитками Перновскими, пошли возвратно, но отъ войскъ Герцога Саксенъ Люксенбургскаго разбиты и ограблены, и многіе въ плѣнъ взяты, и невольниками во Швецію посланы. И по отшествіи Герцога Саксенъ-Лаунбургскаго паки Штадтгалтеръ Датской пришедъ, осадилъ Соненбургъ и взялъ. Царь Іоаннъ Васильевичь послалъ своихъ Пословъ на Сестру рѣку къ Посламъ Шведскимъ, и тако утвердили перемиріе на два года, чтобъ не быть войнѣ въ Финляндіи, а о Лифляндіи никакого договора не учинили, размышляя то, что ему Царю Іоанну Васильевичу лучше Лифляндію подъ свою Державу подклонить, когда не будетъ имѣть отъ Финляндіи опасенія. Вскорѣ

потомъ Цесарь Максимиліанъ вторый, которой назначенъ былъ и Королемъ Польскимъ, послалъ Пословъ къ Царю Іоанну Васильевичу, желая вѣдать о войнѣ и мирѣ у Россіянъ со Шведы, на что и отвѣтъ получилъ отъ Принца Даніила Бухау, что хотя у Россіянъ нынѣ со Шведы состоитъ и тихо, однако не будетъ такъ долго, такожъ и Ревельской миръ какъ долго простоитъ, о томъ неизвѣстно. Егда Великій Государь Царь Іоаннъ Васильевичь получилъ неопасность отъ земли Финляндскія, послалъ войска въ Лифляндію и замки Леаолде и Габзель, которые въ то время были отъ Шведа взяты и отданы Датчанамъ, оныя повелѣлъ войною взять, которые Россіяне пришедъ на договоръ, и взяли со отпущеніемъ Датскаго въ немъ гарнизона; и егда Датскіе офицеры и солдаты стали отъѣзжать изрядно, Россіяне съ тѣми малодушными и женскаго сердца людьми Датчаны веселились, на что одинъ Россійской Полковникъ Князь Сергій зѣло дивился и говорилъ имъ Датчаномъ при прощаніи: когдабъ мы Россіяне такой изрядной замокъ своего Государя безъ нужды кому отдали, тобъ уже мы не могли болѣе честными людьми считаться,

и никаковагобъ отвѣта не сыскали о животѣ нашемъ отъ Государя нашего, илибъ наконецъ съ сего свѣта былибъ засланы. О томъ Датчане жаловались Царю Великому Іоанну Васильевичу, на что Его Величество изволилъ имъ отвѣщать, что то учинилося невѣдѣніемъ, яко бы Россіяне думали, что тутъ Шведы гарнизонъ содержатъ. Въ то время въ Польшѣ выбрали на Королевство Воеводу Семигальскаго Стефана Батова къ войнѣ мужа обыкновеннаго и вскорѣ его короновали, чтобъ Цесарь въ то ихъ дѣло не вмѣшался.

Царь Іоаннъ Васильевичь Пословъ Цесарскихъ одаря великими дарами отпущаетъ, и съ ними съ великою славою Царскую свою грамату къ нему посылаетъ, представляя ему о Новопольскомъ Королѣ Степанѣ, что онъ безъ его воли учинился Королемъ по приговору главнаго Христіанскаго непріятеля Турецкаго Салтана Амурата, и обѣщавая всегда Цесарю противъ Поляковъ вспоможеніе давати. Цесарь имѣлъ намѣреніе воевать Польшу, и завоевалъ часть Лифляндіи, дабы Россіяномъ отдати, но неизвѣстно за чѣмъ не учинися; и ежелибъ въ то время пошелъ съ войною противъ Польши, тобъ все-

конечно Королю Стефану было трудно противъ Россіи и Цесаря во оружіе стати, всеконечнобъ Стефанъ Король Польскій потерялъ свою Корону съ немалымъ убыткомъ всея Польши.

Егда Стефанъ Король Польской пріялъ Корону, тогда послалъ Пословъ къ Великому Государю Царю Іоанну Васильевичу, возвѣщая ему, что Божіею милостію и всего Польскаго народа по избранію и прошенію принялъ онъ Корону Польскую, того ради усердно онъ желаетъ со всѣми Христіанскими Государи въ мирѣ и тишинѣ пребывати, а особливо съ вами Великимъ Государемъ Царемъ Россійскимъ, яко съ своимъ сосѣдомъ всегда въ союзѣ и пріятствѣ пребывать, и многолѣтныя и тягчайшія кровопролитныя брани прекратить, когда ваше Царское склоненіе на то да будетъ. Царь Іоаннъ Васильевичь на то ему отвѣтствовалъ тако: Хотя мнѣ небезызвѣстно, что Цесарь Максиміліанъ былъ на Польской престолъ избранъ, съ которымъ я завсегда имѣю пріятство, но однако и то не весьма мнѣ противно, что и съ вами миръ содержать, и мнѣбъ зѣло пріятно было, како бы вы ко мнѣ своего Полномочнаго Посла прислали о мирныхъ договорахъ. Король Польскій

Стефанъ уже хотѣлъ посылать Посла своего въ Москву, но Царь Іоаннъ Васильевичь вскорѣ паки нападеніе на Лифляндію учинилъ, сперва послалъ только 1500 человѣкъ Татаръ въ Лифляндію, съ фальшивымъ нападеніемъ, яко бы все его войско въ Лифляндію будетъ; которые пришедъ не малое раззореніе въ Лифляндіи учинили, но 500 ихъ человѣкъ въ рѣкѣ потонуло, а прочіе съ корыстьми возвратились въ Россійской лагерь въ Лифляндію; а потомъ Царь Іоаннъ Васильевичь пойде съ арміею своею съ пятьюдесятью тысячьми человѣкъ и осадилъ городъ Ревель. Исторіи Писатели сказуютъ, что градъ Ревель въ такой былъ страхъ приведенъ, шесть недѣль день и нощь всѣ люди на стѣнахъ и воротахъ стояху, ожидаху приступу, крѣпко творяху отпоръ Россіяномъ жестокими изъ града вылазками и пушечною стрѣльбою, и на приступѣ застрѣленъ ядромъ пушечнымъ Россійской Князь Иванъ Кольцовъ, которому было отъ Царя приказано либо градъ взять, либо назадъ не возвращаться: того ради Царь и нехотя обleженіе града оставилъ, но не хотя, чтобъ сей его походъ безъ какого плода былъ, и Поляки въ то

время имѣли дѣло съ городомъ Данцигомъ; того ради сталъ съ войскомъ своимъ недалече отъ Пскова, и призвалъ къ себѣ Короля Магнуса Лифляндскаго, и рекъ ему: ты самъ извѣстенъ, что я съ тобою въ любезное свойство вступилъ, а нынѣ вижу тя измѣнна ко мнѣ. Великій Государь Царь Іоаннъ Васильевичь мнилъ на Магнуса, что онъ при себѣ имѣетъ вѣрнаго своего Совѣтника и Предиканта Христіана Шрепфера, уповая, яко онъ его послалъ къ Королю Польскому и къ Герцогу Прусскому и Курляндскому, яко о тайныхъ совѣтахъ, понеже онъ о томъ нѣкако слышалъ; и егда Царское Величество изволилъ его о Предикантѣ спросить, то онъ его къ нему представилъ. Тогда Великій Государь видя его истинну, зѣло учинился милъ ему, и милостивно его трактировалъ, и тутъ имѣлъ Царь Іоаннъ Васильевичь съ Магнусомъ расположеніе о землѣ Лифляндской, которыми мѣстами ему Магнусу владѣть, а которое оставить къ Россійскому Царству, яко градъ Венденъ и всѣ подъ одну сторону лежащія мѣста; Аль рѣка ему Магнусу во владѣніе, а другую, чтобъ пріединить Россійскому Скипетру.

И потомъ Магнусъ возвратился въ Лифляндію, и егда къ мѣстечку Еримису прибылъ, послалъ ко граду Венгдену, чтобъ безсорно отдался ему, и тако граждане съ великою честію пріяша Магнуса и градъ ему отдаша, гдѣ было нѣсколько Поляковъ, которыхъ всѣхъ тамо умертвиша; и Царь Россійскій отъ Пскова съ арміею своею пошелъ въ Лифляндію, и вездѣ милостиво прималъ и не раззорялъ Лифляндскихъ жителей, кромѣ Господства Фондаубенъ, которой хотѣлъ Дерптъ лукавствомъ похитить, и самъ бѣжалъ въ Польшу, но оные замки восхотѣлъ Царь Іоаннъ Васильевичь подъ свое оружіе устроить и Капенгаузенъ подъ свою Державу взять; того ради послалъ къ Магнусу, чтобъ онъ объявилъ своимъ людямъ тамъ бывшимъ, такожъ и другимъ своимъ замкамъ и мѣстечкамъ, чтобъ они не опасалися раззоренія отъ Россіянъ. Король Магнусъ хотя и довольно зналъ, что онъ утвердилъ договоръ во Псковѣ съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, напротивъ того предъ нимъ погрѣшилъ, хотя онъ и послалъ Переводчика своего Каспара Гоперна объ ономъ просить, но не дождавъ резолюціи, возбуждалъ Капенгаузенъ и другія

кругомъ его облежащія мѣста, чтобъ не отдаваться Россіяномъ. Жители бѣдные имѣя на него надежду тако и творили, но къ тому посланной его Переводчикъ къ Царю Іоанну Васильевичу еще злѣе того учинилъ. Не поѣхалъ туда, куда ему повелѣно, но въ Карнгаузенъ къ невѣстѣ своей проѣхалъ для свиданія: и тако Царь Іоаннъ Васильевичь прежде пріѣхалъ на раззореніе тѣхъ мѣстъ, нежель просительныя письма Магнусовы получилъ. Пришедъ къ Капенгаузену, оной оружіемъ взялъ и у Литовцевъ всѣхъ повелѣлъ все имѣніе обрать: гражданъ, какъ плѣнниковъ содержать, Магнусовыхъ людей со оружіемъ свободилъ, кромѣ писарей, которыхъ и не надлежитъ. Оттуда пойде Царь Іоаннъ Васильевичь назадъ къ Вендену, чтобъ увидѣться съ Магнусомъ, а къ Волмеромъ послалъ для взятья того града Князя Александра Полубенскаго; и тако ему къ Вендену идущу, встрѣтилъ нѣкоторыхъ служителей Короля Магнуса, и сказывалъ имъ, какую ему обиду учинилъ Господинъ ихъ Магнусъ въ Капенгаузенѣ, что двоихъ главныхъ его враговъ Дауба и Краусена отъ рукъ его исхитилъ, также и о арестѣ Князя своего. Магнусовы служители съ вели-

кимъ страхомъ ему извинялися, и нѣкоторыми драгими дары сердце его усмирили.

Царь Іоаннъ Васильевичь пришедъ, осадилъ Венденъ. Король Магнусъ видя злое состояніе, отважа себя съ двадцатію тремя человѣки двора своего изыде изъ града въ срѣтеніе Царю Іоанну Васильевичу, и паде на ноги Царю поклонися, прося о себѣ и о градѣ милости. Царь Іоаннъ Васильевичь, какъ скоро увидѣлъ его себѣ поклоншася, слѣзъ и съ сыномъ своимъ съ коня на землю, повелѣлъ Магнусу встати, и рекъ ему: понеже ты великаго и знатнаго отца сынъ еси, того ради отпускаю тебѣ вину сію, только впредь сего да храни себя; и какъ Царь съ нимъ оную рѣчь разговаривалъ, нечаянно изъ града излетѣла пуля уже безсильнаго дѣйства, и упала въ самую голову Цареву. Тогда Царь разъярився, и сяде на коня своего, заклялъ себя Святымъ Чудотворцомъ Николаемъ и рекъ: какъ я есмь Царь, что не останется ни единъ человѣкъ въ градѣ Венденѣ, и самъ въ ярости сердца поѣхалъ отъ Магнуса. Канцлеръ Царевъ взялъ у Магнуса вѣрющее письмо, что ему Царскія деньги сорокъ тысячь Унгарскихъ гульденовъ, взятыхъ у Князя По-

лубенскаго возвратить на срокъ, а ежели срокъ пройдетъ, то ему въ Москвѣ заплатить въ двое со временемъ; и потомъ Король Магнусъ посаженъ подъ арестъ и сидѣлъ въ одной мужичьей банѣ, во градѣжъ жители Венденцы видѣвше, что отъ Магнуса имъ никакого отвѣтствія нѣтъ, а ко граду Россіяне жестокой приступъ чинятъ, снидошася вси и причастившеся святыхъ таинъ, зажгоша пороховую свою казну, и вси и съ градомъ сами себя погубиша, а которые люди отъ разорванія города и спаслися отъ смерти; но Царь Іоаннъ Васильевичь, и тѣхъ повелѣлъ повѣсить, о которыхъ въ Ригѣ учители на предикахъ часто упоминали, порицая ихъ, что они злѣ предъ Богомъ согрѣшиша, сами себѣ убійцами учинишася. Волмеръ такожъ отъ Россійскаго Князя Богдана Бельскаго взятъ приступомъ, и жители всѣ немилостивыми мученіями умерщвлены; и тако Царь Іоаннъ Васильевичь однимъ своимъ походомъ всю Нордную сторону по Двинѣ лежащую, кромѣ Риги, Ревеля и Трейдена, завоевавъ, раззорилъ и плѣнилъ; но Курляндія и Семигалія во оной походъ никакого зла не имѣла. Многіе разсуждаютъ, что Курляндской Князь имѣлъ съ Царемъ Іоан-

номъ тайно договоръ о сохраненіи земли своея, а особливо зѣло то памяти достойно, что Царь Іоаннъ Васильевичь въ одномъ письмѣ къ Герцогу Курляндскому, написалъ, что онъ Царь Божіей землицѣ никакого вреда учинить не хочетъ, по прочтеніи онаго письма Герцогъ отъ великой радости вскочилъ, и рекъ, что мое Герцогство есть Божія землица.

Царь Іоаннъ Васильевичь по такой своей побѣдѣ, возвратися въ Дерптъ, и Короля Магнуса аки плѣнника съ собою взялъ, и потомъ восхотѣ къ нему аки свойственнику своему милость показати, призвавъ его къ себѣ, рече ему: вѣмъ яко ты зло согрѣшилъ предо мною, но яко ты чужеземецъ и бѣднаго отца сынъ, и мнѣ свойственникъ: того ради отпущаю тебѣ неправду твою, и прощаю и свобождаю тя, и отпустивъ его къ супругѣ его въ Капенгаузенъ съ подтвержденіемъ, да впредь завсегда ему вѣренъ будетъ. Потомъ Царь возвратился въ Россію, понеже Крымскіе Татары чинятъ нападеніе на Россію, и по отшествіи Россіянъ изъ Лифляндіи, и Лифляндцы вздумали нѣчто мало себя укрѣпить. Градъ Венденъ и Денебургъ съ нѣкоторыми замками отъ страсти

Россійской самовольно отдались въ подданство Шведамъ, которые Венденъ нарочито укрѣпили, но въ прошедшее лѣто паки пришедъ Россіяне, Денебургъ приступомъ взяли, понеже Шведы изъ Ревеля опоздали дать имъ помочь, и того ради отъ Короля Шведскаго, и не безъ гнѣва на Ревельскихъ командировъ было: того ради Шведы стали искать и примѣчать, дабы какъ можно какой поискъ сыскать надъ Россійскимъ войскомъ. Тогда съ осмнадцатью тысячью при Венденѣ градѣ пребывающе чрезъ всю зиму, хотяху паки его отъ Шведовъ взяти. Въ то время нѣсколько тысячь Польскаго войска къ тѣмъ мѣстамъ пришло подъ командою Андрея Сапеги, которой недалече отъ Вендена въ лагерѣ сталъ, но не могъ себя отважить, чтобъ нападеніе учинить на Россіянъ; но Шведской Генералъ Георгій Боя къ нему Сапегѣ писалъ, чтобъ онъ не боясь ничего на Россіянъ пошелъ, гдѣ и онъ ему помощь со своими учинитъ; и тако Поляки и Шведы нападоша на Россіянъ и до шести тысячь убиша, и нѣсколько въ полонъ взяша, и не малую добычу получиша и по себѣ раздѣлиша, а прочее Россійское войско прогнаша изъ Лифляндіи. И егда Царь Іоаннъ Василье-

вичь о томъ услыша, гнѣва и ярости исполнися, положилъ намѣреніе не токмо Лифляндію, но Курляндію и Пруссію атаковать, и въ то время Царь Іоаннъ Васильевичь не токмо съ Татарами миръ утвердилъ, но и съ Датчаны бывшія ссоры чрезъ Іакова фонъ Уфельда Датскаго Посла прекратилъ счастливо, и для того Датчане всегда отъ другихъ націй поношаеми были.

Царь Іоаннъ Васильевичь собравъ войска сто тысячь, которые при градѣ Псковѣ всѣ соединилися. Магнусъ Король Лифляндской видя то, что паки въ землѣ его будетъ раззореніе, умыслилъ приклонить себя подъ защищеніе Королю Польскому Стефану, понеже онъ то предразумѣлъ, что Царь желаетъ самовластенъ надъ Лифляндіею быти, послалъ о томъ Христіана Шрепфера къ Королю Польскому, чтобъ его онъ со всѣми Провинціями Лифляндскими принялъ въ защищеніе. Король Стефанъ долго отрицался сего, понеже онъ Магнуса за непріятеля себѣ имѣлъ, но потомъ послалъ Польскаго Воеводу Николая Родивилла, чтобъ Магнусъ съѣхався съ нимъ въ Курляндію и о томъ договоръ имѣлъ. И тако учинили тотъ договоръ, что Король Магнусъ всѣ свои лежащіе

въ Лифляндіи замки отдаетъ Королю Польскому Стефану въ защищеніе, и тако Король Польскій зѣло былъ жаденъ, чтобъ Россійскія границы устрашить, и Лифляндію отъ Россійской руки подъ свою Державу изторгнуть. Царь Іоаннъ Васильевичь послалъ Посла къ Королю Польскому, и егда къ Королю приведенъ бысть, Король ничего болѣе не вопрошалъ, какъ о здоровьѣ Царя Іоанна Васильевича, а о мирѣ безъ знатнаго дѣла никакихъ договоровъ чинить не соизволилъ, и отпустилъ Посла безо всякихъ договоровъ; потомъ былъ присланъ Посолъ къ Царю Іоанну Васильевичу отъ Цесаря Адольфа въ 1579 году именемъ Пернистеніумъ съ великою славою, которой имѣлъ совѣты о Польской и Турецкой войнѣ съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. Царь Іоаннъ Васильевичь уже давно въ Москвѣ пребывающаго Посла Гарабурдама отпустилъ въ Польшу безо всякой резолюціи, только хотѣлъ за нимъ въ слѣдъ послать Посла Россійскаго, которой будетъ о мирѣ договариваться; потомъ прибылъ Россійской Посолъ въ Польшу, чтобъ о Лифляндіи сдѣлать перемиріе, и чтобъ опредѣлить на то особливыхъ коммисаровъ. Король Польскій Стефанъ о мирѣ уже

и слышать не хотѣлъ, понеже онъ уже со своими сосѣды Нѣмецкими Князьми совѣтъ положилъ, и не малою помощью отъ нихъ обнадеженъ, а отъ Турковъ онъ себѣ опасенія тогда не имѣлъ и съ Татарами также миръ учинилъ, и послалъ Посла именемъ Лапатинскаго въ Москву Царю Іоанну Васильевичу войну объявить, которой егда позванъ къ Царю Іоанну Васильевичу, то онъ съ необыкновеннымъ смѣльствомъ обнажа свой мечь предъ Царя пріиде, показуя знакъ войны Польскія, и читалъ ему все еще свыше Королевскаго писанія, что Польша и Лифляндія какія злыя обиды претерпѣли отъ Россіянъ; но Царь Іоаннъ Васильевичь нимало на гнѣвъ не подвижеся, велѣлъ Лопатинскаго честно трактировать и милостиво принялъ: того ради отъ Поляковъ война Царю Іоанну Васильевичу объявлена, что Царь Іоаннъ Васильевичь по обѣщаніи мира Лифляндію раззорилъ, и прежде посылаемыхъ Польскихъ Пословъ съ посмѣяніемъ принималъ, а послѣди два договора о мирѣ уничтожилъ, и снова Венденъ осажалъ.

По объявленіи отъ Короля Польскаго Россіяномъ войны, Поляки осадили Полоцкъ, а Россіяне перебрався

чрезъ Двину, учинили нападеніе на Семигаллію, которую безъ милости опустошили, и съ великими корыстьми возвратились; напротивъ того Поляки Полоцкъ взяли. Царь Іоаннъ Васильевичь возвратися съ войсками своими отъ Пскова въ Москву, и понеже Царь Іоаннъ Васильевичь всегда имѣлъ обычай, егда какія побѣды получалъ надъ Поляками, то всегда посылалъ со увѣдомленіемъ къ Королю Польскому о своемъ счастіи, потогда и Король Польскій по взятіи Полоцка послалъ въ Москву со увѣдомленіемъ къ Царю Іоанну Васильевичу. Царь Іоаннъ Васильевичь Посла Польскаго милостиво принялъ и богатымъ платьемъ пожаловалъ, таже видя непріятелей своихъ умножающихся, посылалъ письмо къ Генераламъ Польскимъ и къ самому Королю о сочиненіи мира, но ничто не воспослѣдовало. Между тѣмъ Поляки умыслили, чтобъ Шведы и Датчане послали свои флоты чрезъ Бѣлое море къ лежащему тамъ Россійскому монастырю имянуемому Бѣлой Царь, предъявляя, что тамъ великія Царскія богатства обрѣтаются, и можно легко тотъ монастырь атаковать и взять; и посланъ отъ Поляковъ о томъ къ Шведамъ и Датчанамъ Посолъ Лаврентій Миллеръ.

5.

Датчане сказали, что они войны съ Россіяны не имѣютъ и впредь не желаютъ; Шведы хотя на то и хотѣли себя употребить, къ томужъ хотѣли имъ съ кораблями способствовать, и на то опредѣленъ Георгіусъ Іоаннъ Плацъ Графъ Рейнской, въ то время бывшій своякъ Короля Шведскаго; но оное намѣреніе свое отмѣнили, понеже путь дальной, а въ ѣздѣ убытокъ не малой, такожъ и корабли и безъ того къ войнѣ надобны, понеже Шведы въ то время уготовя войско, послали съ войною на Россійскія въ Корелію и Ингерманландію, которые немалое раззореніе въ тѣхъ провинціяхъ учинили и немалую добычу получили; такожъ Шведы послали флотъ свой къ Нарвѣ, которые пришедъ гавань и посадъ Нарвской пограбили, и немалой убытокъ учинили. Противъ того отъ Россіи посланы были Татара на Шведскія границы для раззоренія, но не много что успѣвше, отъ Шведовъ отбиты и отвращены. Король Шведскій Іоаннъ посла великое войско подъ Нарву, чтобъ его атаковать и симъ взять, которые пришедъ жестокую атаку учинили, но за неимѣніемъ тамъ отъ Татаръ раззореной земли лежащаго хлѣба, и съѣстныхъ при-

пасовъ, такожъ и за неприсылкою изъ Швецiи провiанта учинился въ войскѣ гладъ и моръ; къ томужъ и осеннiе походы и дожди великiе Шведовъ принудили атаку оставить, и возвратиться въ Ревель съ немалымъ убыткомъ. Царь Iоаннъ Васильевичь посылалъ Посла въ Польшу о сочиненiи мира, и тутъ же показывалъ древнiя нѣкоторыя записки и доказательства, что Лифляндiя издревлѣ принадлежитъ быть подъ Его Царскимъ владѣнiемъ; но Поляки въ томъ отказали, и войну противъ Россiи продолжить укрѣпили, и въ самое то время нѣкоторыя мѣстечки, Великiе Луки и Заволочье атакованы были. Царь Iоаннъ Васильевичь бысть въ немаломъ сумнѣнiи о такой войнѣ, и въ тотъ самый годъ сочеталъ бракомъ сына своего большаго, такожде и самъ сочетался бракомъ. Царь Iоаннъ Васильевичь много трудился о заключенiи мира, и о защищенiи подданныхъ своихъ старанiе имѣлъ, но Короли Шведскiй и Польскiй положили о Россiйской войнѣ тако: что кто изъ нихъ какую провинцiю или градъ возметъ, томубъ тѣмъ владѣть, дабы изъ нихъ всякой на раззоренiе Россiи охотнѣе тщанiе прилагалъ. Король Шведскiй послалъ великую армiю подъ

командою Понта де ла Гарде къ городу Кексгольму, которой пришедъ, тотъ крѣпкой городъ съ его дистриктомъ Ноября 4 дня взялъ, а въ Лифляндіи такожъ замокъ Падисъ взятъ Шведами; Россійской обрѣтающійся тамо Капитанъ отъ гладу принужденъ былъ оной замокъ отдать, такъ что онъ самъ отъ гладу и неядѣнія чрезъ нѣсколько дней отощалъ, егда Шведовъ стали пущать во градъ, то онъ не могъ отъ безсилія своего до воротъ градскихъ въ срѣтеніе Шведамъ дойти.

Въ началѣ 1581 года, городъ Рига въ содержаніи своего закона и прочихъ привилегій, отдалась подъ охраненіе Королю Польскому. Король Польскій по ятіи одного мѣстечка пойде съ великою арміею подъ градъ Псковъ, оной осадою добывать, но градъ Псковъ зѣло былъ укрѣпленъ, того ради граду осада продолжалась; командиръ надъ атакою Пскова былъ Польскій Канцлеръ Замоокижъ, которой былъ незаобыкновененъ къ войнѣ и ко оружію, но болѣ все его искуство было на перѣ, а не на шпагѣ, яко такимъ людямъ и обычайно есть. Понто де ла Гарде по взятіи Кексгольма, пойде незнаемою дорогою чрезъ озера и лѣса великіе, гдѣ немало претерпѣла

армія его нужды, такожъ и Россіяне напали на него и цѣлую роту пѣхоты порубили; потомъ вскорѣ Шведы пришедъ и Дерптъ со всѣмъ взяли, потомъ и Тельсбурхъ сдался Шведамъ на акордъ; а Поляки въ то время ничего прибыли не получили. Шведы съ арміею своею пошли въ Финляндію паки въ наступающее лѣто вооружитася, и тояжъ зимы Татара по прозьбѣ Поляковъ и Шведовъ со своей стороны немало Россіяномъ обиды показали, а Шведы подъ командою Карла Гейндрика взяли Соделебалъ и Гапсаль. И тако Царь Іоаннъ Васильевичь жестокою тою войною приведенъ на то, что многими Послами просилъ у Короля Польскаго миру, а между тѣмъ еще употреблялъ тайно съ Польскими Магнаты, какъ бы Польшѣ отмстить свою обиду, и чтобъ они какъ могли Стефана Короля отъ намѣреннаго пути отвратить, но оное тамо стало быть извѣстно и все уничтожилось. Царь Іоаннъ Васильевичь послалъ Пословъ къ Папѣ Григорію третьемунадесять, такожъ и къ Цесарю Рудолфу Второму, что онъ никакъ не можетъ дать вспоможенія имъ противъ Турка, пока не укротится война у него съ Поляки, и просилъ вспоможенія къ тому

миру Папы и Цесаря. Папа для того послалъ Езуита Антонія Поссевинова съ Россійскими Послами въ Москву, и отъ Царя Іоанна Васильевича принятъ честно; Езуитъ въ сочиненіи контрактовъ къ миру описалъ и весь Россійской штатъ того обычая. Папа тогда думалъ, что Царя Іоанна тѣмъ можетъ склонить къ закону Римскія Церкви. Понтусъ де ла Гарди 4 Сентября съ великою арміею въ Лифляндію внидѐ, и пришедъ къ Нарвѣ чрезъ два дни въ 24 часа пушками разбивъ стѣну городовую, взялъ градъ Сентября 6 дня, и дано солдатамъ Шведскимъ въ двадцать четыре часа городъ Нарву и жителей грабить; и тако Шведы семь тысячь Россійскихъ людей старыхъ и малыхъ оружіемъ умертвили, а Сентября 17 Иванъ городъ на акордъ сдался и взятъ отъ Шведовъ. Потомъ Октября 18 дня городъ Копорье и Витенштейнъ отъ глада сдалися же, и до самаго Новаграда воевали Шведы; тогда Офицеры Шведскіе и солдаты многіе отъ Ревеля во Швецію поѣхали и отъ погоды въ морѣ потонули 22 Ноября. Въ то время много Езуитъ Папской старался о мирѣ Россіянъ съ Поляками, и въ то время уже съ самою истинною Царь Іоаннъ Ва-

сильевичь желалъ мира, видя такихъ двоихъ непріятелей, къ томужъ и отъ Татаръ всегда имѣлъ опасеніе, такожъ и Лифляндію уже увидѣлъ потерянну; къ тому во время мору не малое число войска его убыло, также и ключь Государства Россійскаго городъ Псковъ былъ отъ Поляковъ въ осадѣ въ немалой опасности, уже хотяху Поляки въ Россійскія границы вступити ко граду Старицѣ, но ожидали взятья города Пскова. Король Польскій Стефанъ зѣло принуждалъ свое войско, чтобъ Псковъ взять, и тѣмъ онъ всю Лифляндію Шведу въ руки отдалъ. Поляки думали, что Россіяне нарочно всю Лифляндію Шведу отдали, чтобъ имъ не досталося. Тогда еще Шведы Вильдпредъ взяли, а въ Польскомъ войскѣ возстало несогласіе, едини хотяху воевати, а другіе желаху въ домы возвратитися, къ томужъ и Езуитъ многими домогательствы склонилъ Поляковъ къ миру; и тако въ 1582 году Генваря 15 дня, учиненъ у Россіянъ съ Поляками миръ. Царь Іоаннъ Васильевичь уступилъ 52 мѣстечка въ Лифляндіи Полякамъ возлѣ Литовской границы; и что къ Полоцку принадлежитъ, то назадъ отъ Поляковъ въ Россію возвращено Великіе Луки, Заволочье, Не-

вила, Островъ со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами. Оной миръ учиненъ на десять лѣтъ, когда оные оба Потентанты будутъ живы, и ежели которой изъ нихъ преставится, то другой воленъ, какъ хочетъ войну зачинаетъ; которымъ миромъ великіе Послы другъ друга поздравили и присягами укрѣпили, а Шведы въ тотъ миръ были не приглашены и не вступили. Они Шведы въ то время приступили къ Пернову и атаку свою оставили, смотрѣли того, что въ миру у Поляковъ съ Россіею учинится.

И егда оной Перновъ по мирѣ сталъ быть въ сторонѣ Польской, тогда Поляки прислали къ Шведамъ одного Доминика, представляя, что имъ Полякамъ надлежитъ Нарва, Везенбурхъ, Тельсбурхъ, Витенштейнъ, Лоделегалгаталъ со всѣмъ градомъ Ревелемъ, которое Королю Шведскому Іоанну зѣло дико показалося, въ томъ и Полякамъ отказалъ, и доказалъ, что они никакой претензіи на Эстляндію не имѣютъ. Сегожъ года, состоящій въ командѣ Понта де ла Гарде, Германъ Флемангъ безъ ордера его де ла Гарде атаковалъ Россійской, городъ Нотенбурхъ, но не взялъ, и раззорялъ Россійскую границу

многими нападеніями, а Россіяне въ то время имѣли войну противъ Татаръ.

Еще не задолго предъ миромъ учинилось у Царя Іоанна Васильевича отъ жестокаго его сердца надъ сыномъ его большимъ Іоанномъ зѣло несчастливая причина: Царевичь Іоаннъ рожденный еще отъ преждебывшей его Царицы Анастасіи: Царь Іоаннъ Васильевичь восхотѣ противъ Поляковъ на войну идти, тогда сынъ его Іоаннъ съ покорностію его просилъ, чтобъ того не чинилъ, но старался бы уже зачинающій миръ во окончаніе приводить, объявя отцу своему, что намъ не помогутъ никакія наши богатства, на которыя Царь Іоаннъ Васильевичь надѣялся, понеже, какъ мнѣ извѣстно, что у Короля Польскаго богатство его все состоитъ въ храбрости и силѣ, и къ тому уже назначенной нашъ миръ изволите сами опровергать, и отъ того воспослѣдуетъ ничто иное, какъ Государству раззореніе, а и впредь потомкамъ твоимъ оставите послѣ себя такихъ непріятелей; и на то Царь Іоаннъ Васильевичь зѣло разгнѣвался, жезломъ своимъ, у котораго конецъ былъ оправленъ острымъ желѣзомъ, на сына своего съ яростію нападе; онъ же хотя ему по-

клонитися по обычаю, но Царь упредилъ жезломъ, въ самую гортань его прободе, и тако Царевичь паде на землю, его же вземше отнесоша въ свои покои, и къ тому припала къ нему смертная лихорадка, преставися. Царь Іоаннъ Васильевичь зѣло опечалился, даже до смерти съ великою жалостію и слезами плакавъ по сынѣ своемъ неутѣшно; а Капитанъ Маргаретъ повѣствуетъ, что сынъ его Іоаннъ натуральною смертію умре, и тако многія несогласія и лжи имѣются у Исторій Писателей на Царя Іоанна Васильевича. Царь не хотя утѣшитися о смерти сына своего, пребывая въ рыданіи и слезахъ, видя другаго сына своего Ѳеодора Іоанновича ко управленію Царства быть неспособна, а третій сынъ его Димитрій во младенческихъ лѣтѣхъ; и бяше уже отъ той печали уразумѣлъ скорое свое отшествіе, а комубъ по себѣ Царство вручилъ, того не знаетъ, въ такую печаль по сынѣ своемъ вдадеся, всегда пребывая въ слезахъ и въ постѣ, прося у Бога о грѣхахъ своихъ прощенія, и всегда приходя къ мертвому тѣлу припадая и на землю себя повергая, изобличая свое жестокое сердце. Послалъ онъ къ Греческимъ Патріархамъ: къ Кон-

стантинопольскому, Александрійскому и ко гробу Господню семдесять семь тысячь гульденовъ на поминовеніе сына своего Іоанна; тогдажъ чрезъ Посла писалъ и къ Королю Польскому о невозбранномъ проѣздѣ сквозь Польшу Посла его до Константинополя, такожъ писалъ Царь Іоаннъ Васильевичь къ Королю Польскому о размѣнѣ въ бывшей войнѣ плѣнниковъ, о которыхъ на мирныхъ трактатахъ не могли сговориться, такожъ писалъ о сочиненіи мира и къ Цесарю Рудольфу второму; съ Антономъ Поссевиномъ послалъ Царь и къ Римскому Папѣ свои писанія благодарныя; присланной Езуитъ много трудился въ Москвѣ о соединеніи Римскія вѣры съ Греческою, надѣяся на нѣкоторыя слова Царя Іоанна Васильевича, а по заключеніи мира уже получилъ отъ него противные отвѣты и отъ Греческой Церкви, понеже нѣкогда Аглинскіе Послы доносили Царю Іоанну Васильевичу, что Папа такой гордой обычай имѣетъ, что повелѣваетъ приходящимъ къ нему Царямъ и Королямъ ноги его туфлю цѣловати, о которомъ Царь Езуиту говорилъ довольно; и тако дѣло о соединеніи закона все уничтожилось. Въ тожъ время Король Швед-

скій Іоаннъ между прочими посылаетъ къ Королевѣ Аглинской, чтобъ она чрезъ Пословъ своихъ приводила Царя Россійскаго съ нимъ къ миру; на что Королева охотно обѣщалась, понеже въ то время Царь Россійской искалъ новой алліанціи со Агличаны, и желалъ одну Аглинскую знатную даму имѣть себѣ женою для прибѣжища своего въ Англію, ежель ему и случатся какія несчастія, какъ выше о семъ упомянуто, а и Короля Шведскаго Іоанна самаго принуждали многіе резоны къ миру, отъ части о содержаніи ихъ закона Католицкаго во Швеціи, и отъ того опасался неспокойствъ, такожъ имѣлъ невѣрность и на брата своего Карла, такожъ примѣчалъ и то, что показуется скоро быть война противъ Польши, и потомъ Королева Аглинская Елисавета послала въ Москву Посла своего Гіеронима Бевка, чтобъ онъ сочинилъ мирные договоры; оной Гіеронимъ человѣкъ былъ великаго смѣльства; по пришествіи къ Царю Іоанну Васильевичу по должности и обыкновенію тогда Россійскому зѣло невѣжливо противъ Царя поступалъ, не снявъ съ головы своей шапки, и хотя ему и сказано, чтобъ онъ снялъ шапку, но того онъ не исполнилъ,

отвѣщая, что онъ такого повелѣнія не имѣетъ отъ своей Королевы, и на то ему объявлено, когда онъ не скинетъ шапки, то оная будетъ прибита гвоздемъ въ его голову, но онъ и то презрилъ; на что Царь съ великимъ удивленіемъ оставилъ его въ томъ, и повелѣлъ Царь Іоаннъ Васильевичь послать Послу нѣсколько паръ соболей, которыебъ онъ принялъ для презента Королевѣ своей; Посолъ съ яростію присланнаго обнаженною шпагою отъ себя выгналъ, сказуя, что его Королева отъ такихъ рукъ мышьихъ мѣховъ употреблять не соизволитъ; но оной Посолъ (Мусилъ) обнадежилъ Царя Іоанна Васильевича о совокупленіи бракомъ съ дамою Аглинскою, имянуемою Гунгтингтонъ, но Королева услышала о томъ, что Царь Іоаннъ Васильевичь имѣетъ Царицу, для того хощетъ ея отъ себя отрѣшить; то она премѣнила о бракѣ договоръ и извинилась Царю Іоанну Васильевичу, что на такое дѣло не весьма склоненъ братъ невѣсты тоя госпожи Графини Гунгтингтонъ, и къ томужъ представляя тяжелые Россійскіе регулы, что не могутъ въ Россіи дѣти въ супружество по любви своей и охотѣ вступить, ежель не будетъ родитель-

скаго и другихъ родственниковъ позволенія; но однакожъ Царь имѣлъ надежду о сопряженіи съ Аглинскою Графинею, чтобъ ему произвесть отъ нея новое себѣ чадородіе, на что было Царь положилъ намѣреніе въ знакъ своей вѣрности послать къ Королевѣ вручить наилучшія свои Царскія сокровища: но духовные чины едва отъ того его удержали. Посолъ Аглинской еще получилъ предложеніе о вольномъ въ Россіи торгу Агличанамъ, такожде и миръ со Шведскимъ Королемъ чрезъ онаго Посла Маія 9 дня учиненъ на два мѣсяца, а потомъ продолженъ и на три года въ такой силѣ, чтобъ всякому у себя удержать то, что имѣетъ, и торгъ между Россіею и Швеціею происходилъ бы по прежнему безъ опасенія.

Царь Іоаннъ Васильевичь восхотѣ подъ Державою своею имѣющихся Татаръ, которые въ прошлыя лѣта противъ его бунтовали наказать при войскѣ его: того ради онъ ихъ отпустилъ въ домы своя, и собралъ армію, и повелѣлъ разгласить, что будто на Шведа паки идетъ, а самъ пойде на Казань градъ, но Татара уже горячій духъ услышали, вси соединишася, и хотя походъ у Россіянъ и учиненъ, но зимнее время

Татаръ сохранило, что Россіяне конницею въ такихъ тамо глубокихъ снѣгахъ, и въ стужѣ противъ пѣшихъ Татаръ ничто же успѣвшу. Царь Іоаннъ Васильевичь желалъ далѣе произвесть надъ Татарами наказаніе, но все прекратилося Его Царскою кончиною, и не за долгое жъ время кончины житія его въ Москвѣ явися чудная комета, или знаменіе на небеси; тогда Царь Іоаннъ Васильевичь повелѣ собрати къ себѣ многіе Астрономы, которыхъ въ то время въ Россіи за чародѣезъ и злыхъ людей почитали, когда видѣли отъ нихъ какія удивительныя дѣла чрезъ науку учинившія, причитали имъ то, яко бы они чрезъ діавола тако творяху, омрачающе зрѣнія. Царь Іоаннъ Васильевичь вопрошалъ Астрономовъ о знамени семъ, Астрономы по искуству своему все истинно возвѣщающе ему разлученія отъ сего свѣта и сказаша ему день той, въ которой ему та его кончина случится. Царь видя свою кончину приближающуюся, не показалъ въ томъ себя ни кому, яко бы онъ того опасенъ, но всегда во своей смѣлости пребывалъ, какъ о томъ заподлинно объявилъ Аглинской Капитанъ Георгій, которой былъ къ нему Царю Іоанну Васильевичу присланъ отъ Ко-

ролевы Аглинской, и уже аки Резидентъ въ Москвѣ пребывалъ. Онъ только за два дни до смерти Царской съ нимъ разговаривалъ изрядно, и Астрономамъ тѣмъ ничего онъ не вѣрилъ, даже до послѣдней своей жизни; хотя уже его болѣзнь и принимала, и конецъ приближался, и уже онъ сталъ часто въ затмѣніе и забытность приходить, то онъ часто сталъ осматривать свои драгія Царскія сокровища, повелѣвая себя на стулѣ къ нимъ носити и Аглинскому Резиденту далъ знакъ своею рукою, чтобъ онъ за нимъ послѣдовалъ, куда его понесутъ, которой съ другими за нимъ пошелъ. Царь повелѣлъ принести предъ себя драгія вещи, яко магниты, яшмы, діаманты и смарагды, и Царь самъ натуральнаго великое искуство въ ихъ качествѣ зналъ и много объ нихъ разсуждалъ, не забылъ при томъ же и сына своего Царевича Ѳеодора Іоанновича, чтобъ онъ съ опредѣленными ему четырмя Государственными Совѣтники къ нему предстали, гдѣ тѣмъ Совѣтникамъ изрядную рѣчь говорилъ, чтобъ они ему Царевичу Ѳеодору Іоанновичу спомоществовали, а особливо подтверждалъ, чтобъ съ сосѣдьми своими содержались мирно, приказывалъ же, чтобъ

по смерти его облегчить подданныхъ данію на десять лѣтъ, и чтобъ сынъ его Государь Царевичь Ѳедоръ Іоанновичь въ началѣ своего Царствованія восприялъ къ себѣ любовь отъ подданныхъ своихъ, такожъ чтобъ плѣнникамъ дать волю жить въ Россіи, или куда они желаютъ ѣхать невозбранно, напослѣди повелѣлъ себѣ доктору своему уготовать одну удивительную баню для облегченія отъ болѣзни своей, и потомъ ему учинилося гораздо свободнѣе отъ болѣзни его, на что онъ говорилъ предстоящимъ, смотрите какъ тыя Астрономы меня въ страхъ привели, а все напрасно, единъ Бояринъ именемъ Бельскій ему отвѣчалъ, что Великій Государь еще день той наступаетъ, а не прошелъ. Царь нѣсколько времени послѣ той бани покоился на своей постелѣ, потомъ велѣлъ принести шахматы, и самъ по обычаю возставилъ по мѣстамъ и въ одномъ легкомъ полотняномъ кафтанѣ сѣлъ на постелѣ своей, и съ нимъ Бояриномъ зачалъ игру шахматную и не окончавъ игры, внезапу назадъ на постелю свою упалъ, и преставися Марта 26го, 1584 года. Нѣкоторые повѣствуютъ, яко бы не задолго предъ кончиною восприялъ на себя чинъ монашеской, и

по завѣщанію его самаго, тѣло его съ обыкновенною тогдашнею церемоніею принесено въ церковь Соборную Святаго Архистратига Михаила, которое не малое время стояло наружѣ съ надлежащею ему Царскою честію. И егда о смерти Царской во уши людей слухъ промчеся, тогда плачь и рыданіе зѣльно во всемъ градѣ бысть о лишеніи такого Великаго Государя. Еще Царь Іоаннъ Васильевичь при жизни своей повелѣлъ принести изъ Лифляндіи на свою границу единую великую плиту, длины оныя тринадцать ступеней, ширины осмь, а толщины въ едину ступень, которая людьми была несена уже до села Хотилова сорокъ миль отъ Новаграда къ Москвѣ лежащаго, но по преставленіи его аки бы тамо оставлена; и тако такого въ свѣтѣ Великаго Монарха, какого имѣла Россія, лишилась, но дѣла его великія и славныя въ другихъ Государствахъ изъ памяти людей въ родъ и родъ не забыты будутъ, яко такой раздраннаго Государства тогда бывшимъ своевольнымъ Россійскимъ народомъ воедино обладаніе въ самодержавную свою власть и силу пришелъ, и вымышляемыя на него отъ подданныхъ всякія измѣны своимъ остроуміемъ превзошелъ

и уничтожилъ, и долго протяженныя брани съ Татары и прочими народы убо; коимъ о немъ что могу. Что же о его персонѣ принадлежитъ, онъ былъ человѣкъ зѣло видной, высокаго и крѣпкаго корпуса, и всѣ члены его тѣла зѣло были изрядны и препорціональны, лице его ни малаго на себѣ свирѣпства не казало, но самой Высокодержавнаго Монарха видъ казало, очи имѣлъ не весьма великія, но свѣтлыя и проницательныя; носъ не малой выгнутой, взгляды его всякой живости наполнены, памяти особливо былъ острой, плѣнниковъ всѣхъ у себя имѣющихъ поимянно зналъ, которыхъ у него множество было людей разныхъ Государствъ, такожъ и разумомъ былъ одаренъ высокимъ отъ природы; политикъ былъ не бѣдной, какъ о немъ и сія исторія объявляетъ, Бояръ своихъ въ великомъ страхѣ содержалъ, которыхъ разными манерами муштровалъ и пробовалъ; имѣющійся при войскѣ его Маргаретъ, которой былъ при ротѣ Бориса Годунова рейтарской Капитанъ и при первой ротѣ Царевича Димитрія Іоанновича Гвардіи, и во всякомъ благополучномъ счастіи находился, и Дворъ Царской обстоятельно зналъ, повѣствуетъ за истинную правду тако:

въ одно время Царь Іоаннъ Васильевичь самовольно сложилъ съ себя Корону, и вручилъ то взятому въ плѣнъ Татарскому Царю Симону, что Капитанъ Маргаретъ подлинно видѣлъ, что Царь Симонъ, и носилъ на себѣ оную Корону, и титулы Всероссійской Монархіи ему Симону предалъ, а противъ замка повелѣлъ палаты построить и на нихъ назначить, что тутъ живетъ Великій Князь Московскій, и цѣлыя два лѣта Царь Симонъ государствовалъ надъ Россіею, и о всякихъ тайнахъ и чужестранныхъ дѣлахъ имѣлъ доброе попеченіе, и управлялъ, яко Царю надлежитъ, но только, что Царь Іоаннъ Васильевичь въ то время именовалъ себя Московскій: того ради перваго совѣта отъ него требовалось, а совѣтъ тотъ, аки бы тожъ повелѣніе было; а по прошествіи двухъ лѣтъ паки Царь Іоаннъ Васильевичь принялъ Корону владѣнія Царства, а Царя Симона оставилъ, одаря многими помѣстьями и вотчинами: но въ то время никто не дерзнулъ никакого умышленія сотворити, или чѣмъ поиграти. Онъ Царь Іоаннъ Васильевичь штрафовалъ всѣхъ злопреступниковъ жестоко, не смотря на честь и богатства, но по качеству и

по дѣлу смотря, такожъ и въ милость свою принималъ по достоинству его дѣла; того ради многіе подданные его о томъ и негодовали; онъ многихъ знатныхъ батожьемъ и кнутомъ за преступленія наказывалъ, а иныхъ Бояръ обнажа отъ драгоцѣннаго платья и одѣвъ въ худыя ризы, и чрезъ профосовъ пьяныхъ вмѣсто лошадей повелѣвалъ ихъ возити по улицамъ, а потомъ паки къ себѣ ихъ призывалъ и на словахъ жестоко наказывалъ, чтобъ впредь того не чинили и его на гнѣвъ, а себя на большее безчестіе не приводили, а которые Господа, илибъ кто ни былъ не въ указной день обличится въ пьянствѣ, тѣ на указное время ввергалися въ темницу, а которые чрезмѣрно одолжаютъ, что они долговъ своихъ заплатить не могутъ, тѣхъ повелѣвалъ публично обругавъ изгнать изъ града; о такихъ людяхъ онъ разсуждалъ, что они всегда будутъ склонны къ какому ни есть злу и возмущенію, и къ тому есть безчестіе Государству. Было у его положенное время, что онъ допущалъ до себя челобитчиковъ, и самъ принимавъ челобитье и слушалъ ихъ жалобы и всѣмъ резолюцію непродолжительную чинилъ. Министровъ и Губер-

напторовъ и прочихъ судей, ежели приличапися въ отягченіи и раззореніи подданныхъ людей, подлыхъ и бѣдныхъ, тѣхъ онъ Министровъ безъ всякой надежды живота лишалъ, и тѣ его поступки Боярамъ его всегда были противны; онъ у народа своего всякими образы того искалъ, чтобъ онъ отъ нихъ былъ знатенъ и особливою честію почитаемъ, какъ то надлежитъ. Чужестранные люди многіе имѣли отъ него себѣ милость, которые слышавъ о его жестокости, тому немало дивились, но все то на него отъ разныхъ людей объ его жестокости напрасно составлено. Онъ въ Праздничные дни всегда въ Монастыряхъ съ Монахами отправлялъ пѣніемъ службу Божію, вѣрою своею къ Богу зѣло былъ горячъ; егда молился, то свои поклоны до земли челомъ своимъ творилъ, и отъ того на челѣ своемъ знакъ имѣлъ часто кровавой; онъ построилъ много Церквей Божіихъ, не жалѣя своихъ на то сокровищь; нѣкогда онъ самъ говаривалъ, что онъ имѣетъ то по откровенію Божію, чтобъ ему свой народъ въ муштукѣ содержать твердо. Церковныя правила и обряды зналъ, что ни лучшій Патріархъ ему сравнятися не могъ: онъ когда

по обѣщанію своему въ слободу Александрову со Святыми Иконы ходъ устроилъ, то онъ первой изо всѣхъ Духовныхъ на той трудъ себя поощрялъ и лѣнивыхъ къ тому принуждалъ; въ четвертомъ часу по полуночи приходилъ всегда въ церковь, пѣлъ и прилѣжно молился три часа, а потомъ паки въ девятомъ часу приходя продолжалъ молитву до первагонадесять часу, а потомъ къ столу своему Царскому на обѣдъ уготовлялся, и всегда по прочтеніи Отче нашъ и при благословеніи трапезы садился кушать, и тогда имѣлъ охоту разговаривать о законахъ Греческаго исповѣданія и о прочихъ, и имѣлъ особливую остроту и память отъ Божественнаго писанія; онъ не изгонялъ никакихъ вѣръ людей, кромѣ Жидовъ, которыхъ онъ зѣло ненавидѣлъ, а другихъ Христіанъ оставлялъ всякаго по своей волѣ. Онъ Езуита Поссевиніуса часто въ Церковь Россійскую съ собою бралъ, а потомъ онъ и отъ Езуита былъ упрашиванъ его службы видѣть; но все то было втунѣ. Нѣкогда Поссевиніусъ просилъ, чтобъ его Царь посѣтилъ въ его киркѣ, Царь же не отказалъ ему въ томъ, пойде къ нему, но Поссевиніусъ усмотрѣлъ, что Царю

то было противно, то онъ изъ церкви своей пошелъ вонъ и укрылся во своей палатѣ, гдѣ онъ свои тайныя дѣла отправлялъ. Царь уже былъ на пути, и видя его то дѣло, изумился, остановяся мало и потеръ рукою своею чело свое, и потомъ безъ гнѣва въ кирку пойде, а его повелѣлъ сыскать и ему отправлять дѣла свои. Поссевиніусъ съ великимъ страхомъ вниде со своими совѣтники въ палату, и для такой своей случившейся причины со всѣми вставъ на колѣни, приносилъ молитву Богу.

Сей Царь Іоаннъ Васильевичь зѣло Жидовъ ненавидѣлъ, и многихъ смерти повелѣ предати, которые не хотѣли принять крещенія, съ такимъ доказаніемъ, какъ можно Государю такимъ злымъ людямъ вѣрить, которые Спасителя всего міра умертвили. Штатъ сего Государя былъ зѣло памяти достойной, а особливо онъ былъ Государь славной; внутри палатъ его всѣ каморы были убраны златыми и серебреными сосудами, превысоко дражайшими, одежду на себѣ носилъ пурпуровую, всю унизанную драгими каменьями. Корона его была истинно неоцѣненное сокровище, сапоги безмѣрно дорогіе украшенные и высокіе, въ лѣвой рукѣ носилъ всегда Державу, которая

аки солнце отъ драгоцѣнныхъ бриліантовъ сіяла, въ правой рукѣ Государственной шаръ или яблоко, и часто въ такомъ уборѣ всѣмъ себя показывалъ, Россійской гербъ Орелъ двоеглавный всегда предъ нимъ носимъ бывалъ, которой еще отъ отца его Василія въ Царской его печати употреблялся; у рукъ персты его по тогдашнему обычаю были всѣ многими чрезвычайно богатыми перстнями убраны. Въ безсчастіи своемъ былъ постояненъ и крѣпокъ въ сердцѣ, какъ можно казалъ на себѣ веселой образъ, и когда ему какая печаль приключится, то онъ повелѣвалъ себѣ всякія дѣлать забавы, чтобъ никто его печали не дознался, какъ надъ нимъ то было во время обложенія Казани отъ несогласія его войска, также и въ послѣдней войнѣ противъ Шведовъ и Поляковъ, что онъ уже все завоеванное, яко Лифляндію и Литву паки потерялъ, но всегда казалъ себе непечальна, и такъ какъ бы онъ еще всегда во своемъ счастіи; правда, что онъ былъ зѣло скоръ къ разгнѣванію, но умѣлъ онъ въ томъ себя всегда и воздержать, ежель надлежитъ, какъ учинилось въ дѣлѣ Езуита Поссевиніуса. Но когда Царь Езуита Поссевиніуса стадъ отпускать

къ Папѣ и объявилъ, что Папы происхожденіе свое имѣютъ отъ Петра Апостола, Поссевиніусъ сказалъ такъ: они какъ вы отъ Князя Владимира. Царь ему сказалъ, что Папа нѣсть пастырь церковный; Поссевиніусъ отвѣщалъ, для чегожъ онъ къ вамъ меня и послалъ, дабы онъ признаваемъ былъ за одного пастыря; на то Царь жестоко прогнѣвался, и вста съ мѣста своего съ яростію, взявъ Поссевиніуса за грудь и рекъ: истинно ты учился философіи на площади, гдѣ мужики сбираются, или въ торговой банѣ, что ты со мною какъ съ мужикомъ ведешь свои разговоры. Многіе думали, что Царь на Поссевиніуса далѣе свой гнѣвъ произведетъ, но удержавъ сердце, сяде паки и зачалъ говорить о другихъ дѣлахъ, а при прощеніи Езуита цѣловалъ, и извинялъ себя, что онъ о законахъ не умѣетъ высоко диспутоваться.

Царство Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича.

Въ лѣто отъ созданія міра 7092, по Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи, воспріимъ Царство и Скипетръ Россійскаго Государства

Благородный сынъ его Государь Царь и Великій Князь Θеодоръ Іоанновичь, всея Россіи Самодержецъ, ему же по благословенію и по приказанію отца его Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи, ближніи пріятели быша, Бояринъ Никита Романовичь, братъ Царицы и Великой Княгини Анастасіи Романовны, иже бысть Государю Царю и Великому Князю Θеодору Іоанновичу дядя родной по матери, да Князь Иванъ Петровичь Шуйской, понеже Государь Царь Іоаннъ Васильевичь познавъ еже ко Господу свое отшествіе, и тогда имъ приказалъ правити по себѣ Великія Россіи Царство Державы своея, и сына своего Благовѣрнаго Царя Θеодора Іоанновича въ Самодержавствѣ его утвердити и умудрити, и во всемъ благопріятельствѣ снабдити, се бо умна и смыслена и разумна зѣло, яко могуща управити Россійскаго Царства Державство; тогда во всемъ Государствѣ его благочестіе бысть и крѣпцѣ содержашеся все Православное Христіанство безмятежно и въ тишинѣ пребывающе, ему же всечестная и предобрая бысть супруга Царица и Великая Княгиня Ирина Θеодоровна, дщерь нѣкоего отъ Вельможъ велика Боярина,

именемъ Ѳеодора Годунова, яже всѣми благонравными добротами точна бысть и тезоименита Евдокіи Царицѣ, супругѣ Ѳеодосія юнаго Царя Греческаго; Благородный же и Благовѣнчанный Государь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоанновичь всея Россіи Самодержецъ, не точію убо въ тѣлесныхъ добротахъ сіяше, но и душу мужественну являя и благодатьми цвѣтящеся отвсюду, и правдою и цѣломудріемъ присно украшаше себе, лсти же и лукавства и всякаго зла отнюдь всяко ненавистенъ бысть, и сихъ весьма удаляяся и не храня вражды всякія, ниже злобы, или гнѣва въ сердцѣ своемъ ниже мѣсто дающе, но ко всѣмъ бысть всегда тихъ, милостивъ и кротокъ во истинну, аще кто речетъ, не погрѣшитъ. Ограда бысть многихъ благъ, иже водами Божіими напояема, или рай одушевленъ, иже храня благодатная садовая; и тако ему пребывающу и Царство Державы своея присно неволнуемо снабдѣвающу, понеже и окрестныя языцы безъ кровопролитія вси повинующеся и служити ему покоряхуся и дары любочестніи приношаху ему. Преждереченный же Благовѣрный Бояринъ Никита Романовичь, не по мнозѣ времени отыде ко Господу, и по немъ

ближній Бояринъ бысть Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Іоанновичу всея Россіи, правитель Державы его Шталмейстеръ или Конюшій Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ, братъ Царицы Ирины Ѳеодоровны, Царю же Ѳеодору Іоанновичу всея Россіи шуринъ; и во знакъ его чести цѣпь златую ему дарова, и носилъ ея Борисъ для великой чести своея.

О Борисовѣ начинаніи, о возвышеніи и о согнаніи Митрополита Діонисія съ престола, и о убиествѣ и заточеніи Болярѣ и всенароднаго множества.

Егда же Борисъ пріятъ на ся правительство всея Россійскія Державы, единъ видя такое благополучіе, не забываетъ намѣренія своего о похищеніи престола Россійскаго, и тако прочихъ благоразумныхъ и великоименитыхъ древнихъ правителей отъ правительства отрѣшати помышляше, лестію же и милостивыми поступками привелъ весь народъ Россійкой въ любовь, что уже онъ самовластно все сталъ управлять въ Россіи, и всегда былъ готовъ къ пре-

столу Россійскому, градъ Смоленскъ нарочито укрѣпилъ, между Казани и Астрахани крѣпости построилъ, и сдѣлалъ имени своему не малую славу.

Не бываетъ же убо никто отъ земнородныхъ непороченъ въ житіи своемъ, аще и зѣло разсудителенъ нравомъ, мудро правительство показа, но обаче убо Царстѣй чести зависть излія, ибо видя себя отъ народа въ любви, сталъ быть благонадеженъ, и сего ради нетočію ближнихъ сродникъ Царевыхъ Царствующаго града Москвы отгнати сотвори, но и честь Царскую на ся привлече, и во всемъ Державному точенъ творящеся.

Въ лѣто 7093, отъ Рождества Христова 1588, Государь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоанновичь всея Россіи Самодержецъ, даде во одержаніе брату своему Царевичу Димитрію Іоанновичу градъ Угличь съ пригородки и уѣзды его, и повелѣ ему тамо быти съ матерью своею Царицею Марфою. Глаголютъ же нѣцыи, яко тако быти повелѣ Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоанновичь всея Россіи, совѣтомъ шурина своего Бориса Годунова.

Въ лѣто 7094, отъ Рождества Христова 1589, премудрый Грамматикъ

Діонисій Митрополитъ Московскій и всея Россіи, да Князь Іоаннъ Петровичь Шуйской и прочіи отъ большихъ Боляръ и отъ Вельможъ Царевы палаты, и угости Московскіе и всѣ купецкіе люди учиниша совѣтъ и укрѣпишася между собою рукописаніемъ бить челомъ Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Іоанновичу всея Россіи, чтобъ ему Государю Царицу Ирину пожаловать отпустить во иноческій чинъ, и бракъ учинити ему Царскаго ради чадородія въ наслѣдіе Превысочайшаго Россійскаго Государства и всей земли Державы своея, и таковый совѣтъ увѣдавъ шуринъ Царевъ Борисъ Годуновъ, и присовокупивъ себѣ многими дары зміеобразныхъ льсти злыхъ совѣтниковъ, да люто яко звѣрь разтерзаетъ ихъ совокупленіе. Діонисія Митрополита со Престола Московскія Митрополіи отгна, и повелѣваше ему быти въ Монастырѣ у Спаса на Хутынѣ, а на его мѣсто возведенъ бысть на Престолъ Московскія Митрополіи Іевъ смиренномудрый. Князя Іоанна Петровича Шуйскаго въ дальныя отоки сосла и съ братіею его по разнымъ мѣстамъ, и тамо ихъ злѣ умориша, такожъ и прочихъ чиновъ всякихъ Митрополичьихъ и Княжихъ Совѣтниковъ разо-

слати повелѣ, и яко буря зѣльная размета, и многихъ среди града смерти предаде, другихъ же домы опустоши и дѣтей осиротивъ, и многу кровь неповинну пролія.

Въ лѣто 7094, Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоанновичь всея Россіи Самодержецъ повелѣ на Москвѣ дѣлати градъ каменной около Бѣлаго посаду, подлѣ земляныя осыпи, а дѣлали его седмь лѣтъ, и нарекоша имя ему Царевъ градъ, а мастеръ былъ Рускій именемъ Кононъ.

О семЪ, когда вЪ ЦарствующемЪ градѢ МосквѢ Патріаршескій ПрестолЪ устроися.

Божіимъ промышленіемъ благочестію въ Велико-Россійскомъ Царствіи, яко солнцу посредѣ круга небеснаго сіяющу при Благовѣрномъ Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ всея Великія Россіи Самодержцѣ, въ лѣто 7096, отъ Рождества Христова 1591 пріиде въ Царствующій градъ Москву Святѣйшій Іеремій Архіепископъ Константинополя, новаго Рима и Вселенскій Патріархъ ради потребъ духовныхъ, и съ нимъ Митрополитъ и

два Епископа, его же пришествію пріснопамятный онъ Царь съ прочими подручными своими зѣло радъ бяше, и нача мыслити въ себѣ, како бы въ пришествіе сіе толикаго Первопрестольника устроился изъ Митрополіи Россійскія Превысокій Престолъ Патріаршескій, наипаче въ пріумноженіе почести Святыя Великія Соборныя Успенія Пресвятыя Богородицы церкви, и Первопрестольниковъ Россійскихъ Великихъ Святыхъ Чудотворцевъ: Петра, Алексія и Іоны, и во украшеніе Царствующаго града Москвы и всего Великороссійскаго Царствія, единаго Православнаго. Яви же тое помышленіе свое сигклиту своему Царскому и освященному Собору, потомъ и Святѣйшему Патріарху Іеремію. Онъ же слышавъ таковая отъ Благочестиваго Царя, воздаде хвалу ему въ Троицѣ Святой славимому, и со всѣми похвали ту Богомъ устроенную мысль, и изволеніе Царское о толикомъ преизящномъ дѣлѣ суди достойно быти Патріарху въ Великороссійскомъ Царствіи, аки въ третьемъ Римѣ, вмѣсто Папы ветхаго Рима, да оттуду совершенное благочестіе, наипаче во всей вселеннѣй прославляетъ. Тѣмъ же по благодати Пресвятаго и Животворя-

щаго Духа, желаніемъ Благочестиваго Царя, Святѣйшій Іеремій Патріархъ Константинопольскій, по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Богоносныхъ Отецъ, съ совѣтомъ всего освященнаго Собора Великороссійскаго и Греческаго Царствія, избралъ и возвелъ на превысокій Престолъ Патріаршества Царствующаго града Москвы Преосвященнаго Іова, Митрополита Великороссійскаго, въ лѣто отъ созданія міра 7097 Генваря въ 26 день, и отъ того времене, по смотрѣнію и строенію неизреченныхъ судебъ Божіихъ, въ Великороссійскомъ Государствѣ, въ Царствующемъ градѣ Москвѣ, въ велицѣй Соборнѣй Пресвятыя Богородицы церквѣ Патріаршескій Престолъ устроися, его же потомъ и прочіи Святѣйшіи Патріарси съ Константинопольскимъ Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій, грамотами своими укрѣпиша, и всѣ согласно то утвердиша, да Святѣйшій Патріархъ Московскій вмѣсто Ветхоримскаго будетъ пятый Патріархъ Московскій, всеконечнѣ Патріаршеское достоинство и честь равную съ прочими Православными Патріархами на вся вѣки, и сіе по смотрѣнію Божію бысть, да по Христѣ главѣ Царѣ изобразуется, аки пять

чувствъ, содержимыхъ наипаче во главѣ, пять Патріарховъ, иже проображаетъ древнѣйшаго языка Греческаго слово, знаменующее главу: КАРАІ. Въ немъ же сказуетъ Константинопольскаго, Александрійскаго, Россійскаго, вмѣсто Римскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ.

Таже и Новуграду, перваго поставиша Архіепископа Александра Митрополитомъ, втораго въ Ростовѣ, третьяго въ Казанѣ, четвертаго на Крутицы. При семъ Благочестивомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, преждереченный Борисъ Годуновъ не забылъ и чужестранныхъ дѣлъ; въ 1585 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ учинилъ миръ съ Поляки на два года, такожде и со Шведы всегда искалъ мира, хотя и съ уступкою, всегда искалъ своихъ, желая въ томъ мирномъ времени свое исполнить намѣреніе, и тако со Шведы учинилъ миръ на четыре года, Іюля 20 дня, 1586 года. Между тѣмъ уже было склонилась Россія со Шведы и вѣчной постоянной миръ учинить; но Борисъ, по древнему обычаю, хотѣлъ, чтобъ мирные договоры учинены были чрезъ Новогородскихъ Намѣстниковъ съ самимъ Королемъ Шведскимъ, не удостоя Короля

такой чести, чтобъ онъ могъ съ Царемъ Россійскимъ договоры чинить; того ради Король Шведскій съ крѣпкою противностію отвѣтствовалъ къ Царю Θеодору Іоанновичу, и вѣчный миръ не учинился, кромѣ того положеннаго перемирія на 4 лѣта.

Въ 1587 году, Сентября 27го дня, Король Польскій Стефанъ умре, то Борисъ Годуновъ искалъ у Поляковъ, чтобъ онъ Королемъ у нихъ учиненъ былъ, обѣщая Россію въ соединеніе съ Польшею подъ Корону Польскую привести, и многіе имъ къ пользѣ резоны предлагалъ: и еще, егдажъ паче чаянія, когда онъ и не будетъ Царемъ Россійскимъ отъ Россіянъ учиненъ, то однако всеконечно Смоленскъ градъ и всю Сѣверію безъ кровопролитія къ Польской Коронѣ присовокупить, и Литву отъ беспокойства Россійскаго свободить, обѣщавая всѣмъ милостивое Государствованіе надъ ними имѣти. Послы Россійскіе прежде прибыли въ Польшу, нежели Шведскіе, и дана имъ аудіенція, но учинилися не малые раздоры въ томъ, что Шведы претензовали о старшинствѣ своего Шведскаго и Готѳскаго Государства, указывая на древнія кондиціи Николая Ратволдуса, и по многимъ тѣмъ раздо-

рамъ привели на то Шведовъ, что Россіянъ изъ того выбора Короля Польскаго Поляки выключили, и единогласно избрали себѣ въ Короля, Шведскаго Кронпринца Сигизмунда; но какъ Россіяне безсчастны учинились въ выборѣ на Корону Польскую, то счастливѣе имъ учинилось въ тѣ времена въ подданство имъ пришедшимъ Государствомъ Сибирскимъ. Оное великое и пространное Сибирское Царство, даже до Китайскихъ границъ въ подданство Россійскаго Царства досталось безъ кровопролитія, снисканіемъ одного Момуча, Аники имянуемаго Строганса, и тамо бывшій Царь Сибирскій со своими знатными въ Москву привезенъ, и Сибирь учинися подъ Скипетромъ Россійскимъ. Такожъ Россіяне тогда вступили въ дѣла и со Шведами, но на договорахъ всегда требовали, чтобъ Шведы имъ отдали Иванъгородъ, Ямбургъ, Копорье и Кексгольмъ, и прочее, что въ прошедшую войну Шведы отъ Россіи отобрали. Шведы имъ отвѣтствовали, что они того учинить никакъ не могутъ; паки Россіяне просили у Шведовъ, чтобъ они за тѣ городы взяли не малую сумму денегъ, а имъ бы безъ кровопролитія возвратили, и вѣчной бы въ томъ миръ

утвердили; но Шведы имъ тако отказали: что Король Шведскій чрезъ оружіе и пролитіе крови тѣ города завоевалъ, и кромѣ оружія возвратить ихъ не хощетъ, къ томужъ и данный миръ у Россіянъ и Шведовъ окончался, того ради еще тотъ миръ продолжили на два мѣсяца, Генваря до 5 дня, и между тѣмъ писали Россіяне къ Шведамъ, чтобъ они прислали своего Посла съ резолюціею о мирѣ и о возвращеніи городовъ вышереченныхъ; но Шведы имъ на то скоро не отвѣтствовали, уже война приходила въ помышленіе ихъ. Тако Россійскій Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, собравъ свои войска, хотя оружіемъ отмщевати, но размышляху и то, первое: что Шведы нынѣ имѣютъ своего Принца Королемъ Польскимъ, второе, что противу такихъ великихъ Государствъ Шведа и Поляковъ, могутъ ли свою войну содержать? Въ то время Король Шведскій хотѣлъ паки сына своего Сигизмунда Короля Польскаго, взять въ Швецію, но Министры Шведскіе усовѣтовали Королю, что необычное дѣло то сотворити, понеже Поляки то вмѣнятъ себѣ въ безчестіе великое, и могутъ принять себѣ въ Короли кого изъ Россіянъ, или алліанцію противу

ихъ учинить; и тако то намѣреніе отложися. Царь Ѳеодоръ Іоанновичь точно безъ войны о возвращеніи градовъ своихъ обойтиться не могущь, собралъ великую армію, подъ командою Бориса Годунова, пойде въ Лифляндію, а Крымскихъ Татаръ упросили чрезъ дары Россіяне, чтобъ они нападеніе чинили на Польшу, чтобъ тѣмъ удержать Поляковъ, дабы не подвигнулись противу Россіи. Царь Ѳеодоръ Іоанновичь въ арміи своей самъ пойде, и напередъ себя послалъ къ Комисаромъ Шведскимъ на границу съ тѣмъ, егда они не возмутъ отъ него денегъ, и не отдадутъ градовъ, то онъ не виненъ будетъ въ зачатіи сей войны. Шведскіе Комисары пріѣхавши на границу зачали чинить договоры; но Россійское войско 12 Генваря, уже во время договора, мѣстечко Ямъ или Ямбургъ осадиша, и принуждали Шведовъ смѣлою рукою, чтобъ по волѣ ихъ и желанію учинили. Шведыжъ не хотяху договора учинити, разсѣяшася, и хотяху съ своею арміею на Россію нападеніе учинити, но не осмѣлишася, и Шведская армія возвратилася въ Ревель; и тако Россіяне взявши Ямбургъ Генваря 26 дня, а потомъ Россійская армія облегла Нарву осмью лагерями

февраля 4 дня, а Шведская армія, когда пришла въ Ямбургъ, Россіяне великою силою приступъ творяху къ Нарвѣ; и хотя гарнизонъ Нарвскій нарочито себя отъ Россіянъ защищаху и отгоняху приступающихъ, но уже болѣе половины своего гарнизона потеряше. По Лифляндіи Крымскіе Татары великое озлобленіе творяху, многія тысящи Шведовъ посѣкоша и плѣниша. И тако градъ Нарва видя себя въ худомъ состояніи, а защищенія ни откуда чая. Губернаторъ Нарвскій Карлъ Горнъ договорился съ Россіяны, чтобъ Иваньгородъ и Копорье Россіяномъ уступить, и перемиріе на годъ установить, и на тотъ договоръ утвердиться; но на томъ договорѣ цѣлые два дни былъ споръ о титулѣ Царскомъ, хотяху Россіяне, чтобъ Шведы написали въ договорѣ цѣлый титулъ Царя Θеодора Іоанновича, а Шведы того не хотяху; но Россіяне разсудивше, что слово *Царь*, не можетъ никакъ ниже быти Цесаря, но развѣ еще и свыше. По учиненіи мира, Царь Θеодоръ Іоанновичь чинилъ своею персоною съ церемоніею входъ въ Иванъгородъ, въ такой каретѣ, въ которой настоящій теплый покой былъ сдѣланъ, аки камера; а карета везена не лошадьми,

но людьми; и по пробытіи двухъ дней возвратися и съ арміею своею въ Россію. Шведская армія, которая стояла въ Визенбургѣ, зѣло соболѣзновала, что не могла дать свободы Нарвѣ и непріятелей отбить; того ради командиръ арміи Густавъ Банкеръ и Комендантъ Нарвскій Карлъ Горнъ въ немилость Королевскую впали.

Король Шведскій положилъ намѣреніе, чтобъ Иванъгородъ и Ямбургъ, какъ можно паки взять, послалъ въ Нѣмецкую землю нѣсколько тысячь навербовать войска, которое и собралось во градѣ Данцигѣ, но за неприсылкою денегъ паки всѣ разошлися. Герцогъ Карлъ вниде въ Ингерманландію съ арміею, наступилъ на Иванъгородъ, но ничего не успѣвъ, возвратися во Швецію. Во окончаніи того года учредили Поляки Государственный свой съѣздъ, на который прислали Шведы просить у нихъ помощи противъ Россіянъ; но въ самое то время, яко 1591 года, отъ Царя Θеодора Іоанновича къ нимъ Полякамъ писано о содержаніи между Россіею и Польшею мира, и тако Шведское исканіе ни во что обратилось. Шведы хотя имѣли въ то время въ Лифляндіи не малую моровую язву, однако сердца

своего противъ Россіянъ утолити не могли, творяху въ разныхъ мѣстахъ промыслы надъ Россіяны, возбудивше Татаръ, которые великое нападеніе на Россію учинили, но разбиты и прогнаны были отъ Россіи, и съ великимъ упадкомъ отыдоша.

Борисъ Годуновъ, видя свое во всѣхъ людяхъ счастіе, положилъ прямое намѣреніе, чтобъ получить Корону Царскую, и инако не можно никакъ того получити, токмо да искоренитъ весь родъ Царскій, и дабы отдаленнаго Димитрія Царевича какъ бы могъ прежде погубити, а Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, не имѣя у себя дѣтей, будетъ послѣдовать туда же вскорѣ. Такое намѣреніе получилъ Борисъ Годуновъ о возведеніи себя на престолъ Россійскій; Димитрій пріиде въ возрастъ осмилѣтній, по дѣтскимъ его лѣтамъ острый имѣлъ разумъ. Борисъ Годуновъ, какъ могъ старался, чтобъ имя его въ Москвѣ забыто было, но Бояре многіе о томъ разсуждали, и вѣдая, что Борисъ уже хочетъ послать въ Угличь тайныхъ на Димитрія убійцъ, по описанію нѣкоего Писателя, гдѣ объявилъ за истинную правду то утверждая, яко бы Бояре Московскіе упредя, послали въ Угличь

одного отрока, и тайно объявили Димитріемъ, а его самаго тайно индѣ содержаху; и егда отъ Бориса пришли убійцы для убіенія Димитрія Царевича, то яко бы не самаго Димитрія, но нѣкоего Секретарскаго сына, въ ночь положили на его постелю; а иные повѣствуютъ, яко бы одного поповича, который вмѣсто Царевича Димитрія и умерщвленъ отъ тѣхъ его убійцъ. Писатель Петреусъ повѣствуетъ, яко бы Борисъ Годуновъ подкупилъ деньгами Димитріевыхъ четырехъ Гофъ-Юнкеровъ, или двора его служителей, которые его и умертвили, и егда прибыли въ Москву для награжденія отъ Бориса за учиненную ему услугу, тогда Борисъ повелѣлъ ихъ казнить смертію въ тайнѣ, чтобъ было о томъ ни кому несвѣдомо; но всѣ оныя повѣсти о Димитріи Царевичѣ, не имѣютъ прямаго доказанія, и не утверждаются за истинну. Россійскій же древній Лѣтописецъ повѣствуетъ тако:

Въ лѣто 7099, Маія въ 15 день, на память Преподобнаго Отца нашего Пахомія Великаго, убіенъ бысть Благовѣрный Царевичъ Димитрій Іоанновичъ Углицкій, повелѣніемъ Московскаго Болярина Бориса Годунова. О злое сласто-

любіе власти великія и Престолъ высокій! О звѣрю страшный, вся поядаяй, и остатки ногами истребляяй! Ни милости внимая, ни будущаго прещенія помышляя, не щадитъ равныхъ, не устрашается великородныхъ, не милуетъ старости, не умиляется юности, но аки злый вранъ, иже злобою очерненный, доброцвѣтущую вѣтвь благоплоднаго древа сокруши, и пагубу злу и велику учини! Тогда же градъ Угличь возмятеся, и емше убійцъ его, Даніила Битяговскаго, Никиту Качалова и Думнаго Дьяка Михаила Битяговскаго смерти предаша. Борисъ же за тѣхъ Государевыхъ убійцъ Угличанъ болѣе 200 человѣкъ погуби, овіихъ въ Сибири умори; матерь же его Царицу Марію неволею постригщи повелѣ, а отца ея Θеодора въ нуждныя мѣста сосла, гдѣ даже и до смерти его въ нуждѣ пребысть.

Потомъ же Борисъ Годуновъ послалъ въ Угличь Боярина Василія Ивановича Шуйскаго, дабы тѣло Димитрія Царевича осмотрѣвъ, погребъ съ надлежащею церемоніею во всемъ томъ убіенномъ его платьѣ, которое тако и учинено. Борисъ Годуновъ послѣ сжалився о смерти Димитрія, предъ народомъ

нѣкогда прослезися, а болѣе для того, чтобъ народъ о смерти его на него Бориса не мыслилъ. Еще жъ Борисъ умыслилъ такое дѣло, что въ Москвѣ посылалъ по ночамъ вѣрныхъ своихъ людей знатные домы зажигать, а особливо торговыхъ людей, и которые сгорятъ, тѣхъ, яко бы сожалѣя, убытки ихъ награждалъ, домы имъ каменные строилъ, приводя народъ въ любовь къ себѣ, къ томужъ зѣло старался Борисъ, чтобъ имѣть миръ съ окрестными Государи; а все то чинилъ приводя себя въ любовь къ народу.

Въ 1592 году, Король Шведскій Іоаннъ умре, отъ чего немалая премѣна учинилась. Шведы выбрали себѣ правителемъ Іоаннова брата, Принца Карла, а Польскаго Короля оставили, понеже онъ писался, и имѣлъ титулъ Шведскаго Короля, но не управлялъ Швеціею, ради закона Католическаго, котораго Шведы зѣло ненавидѣли, того ради и ненависть возста между Поляки со Шведы. Хотяху Шведы паки грады на Россійской границѣ себѣ возвратити, чтобъ могли изъ нихъ на Лифляндію всякіе чинить противъ Поляковъ замыслы свои. Шведскій Герцогъ договоръ чинилъ съ Россіяны о мирѣ, а между тѣмъ крѣпко

подтвердилъ въ Эстляндiю къ Комендантамъ, чтобъ они крѣпости во опасности содержали отъ Россiи и Поляковъ, пока новое правленiе во Швецiи учинится. Комисары Шведскiе миръ съ Россiяны учинили на два года; между тѣмъ Царь Өеодоръ Iоанновичь посылалъ Пословъ въ Римъ къ Папѣ Клименту VIII, въ 1593 году, чтобъ Цесарской отъ него титулъ получить могъ; но яко бы Папа на то не соизволилъ для того, что Россiйская Церковь не почитаетъ Римскую за главу свою; но оная тако не вѣруется, понеже Цари Россiйскiе мало отъ Римскихъ Папъ себѣ чего искаху, и нужды въ титулѣ отъ Папы имъ Россiяномъ никакой не имѣется. Россiйскiе Цари получаху въ грамотахъ своихъ, яко отъ Елизабеты, Королевы Аглинской, и отъ Iакова, Короля Аглинскаго, и отъ Цесаря, и отъ Королей Датскихъ, и отъ Великаго Князя Флоренцкаго и отъ Персiи, всегда титулы Цесарскiе; Папы тогда присланныхъ Пословъ Россiйскихъ принимали и трактировали, аки Королевскихъ. Король Польскiй Сигизмундъ положилъ тако, чтобъ какъ можно помѣшать, чтобы Россiя никогда не учинила мира со Шведы, дабы изъ нихъ себѣ не достать

непріятелей на Польшу; но миръ Маія 18 дня, 1595 года, чтобъ Эстляндія осталась въ сторонѣ Шведской, а Кексгольмъ съ принадлежащими къ нему уѣзды къ Россійской Коронѣ, утвержденъ. Оный миръ Нарвскимъ жителямъ отворилъ паки въ Россію свободную торговлю, которой чрезъ тридцать семь лѣтъ былъ уничтоженъ.

Въ 1595. году Сентября 22. дня Царь Ѳеодоръ Іоанновичь послалъ Пословъ своихъ къ Цесарю Рудольфу во градъ Прагу о соединеніи войны противъ Турковъ, на что Цесарь и отвѣтствовалъ съ почтеніемъ къ Царю Ѳеодору Іоанновичу, благодарствуя ему и похваляя его намѣреніе, упоминая, что онъ Царь Ѳеодоръ Іоанновичь тѣмъ себѣ во всѣ времена у Христіанскихъ Государей получилъ не малую славу, а о походѣ на Турковъ отвѣтствовалъ Цесарь, что прямаго отвѣтствія не можетъ дати, понеже Испанскій Король, человѣкъ древній, а къ тому имѣютъ много дѣла съ Англіею и Франціею, но надѣется, что вскорѣ ему въ томъ будетъ перемѣна, и тако, какъ Испанскій, такъ и Польскій Дворы всѣ будемъ въ соединеніи, и къ тому просилъ Цесарь, чтобъ Персіанцовъ какъ можно въ союзъ съ Рим-

скимъ Цесарствомъ чрезъ Россію привести; и дабы увѣдомилъ, какъ можно имъ послать Посла въ Россію, и чѣмъ наилучше ихъ трактировать? благодарилъ въ заключеніи Царя Ѳеодора Іоанновича грамотою, что Татаръ, яко природныхъ враговъ Христіанскихъ побѣдилъ, и во время Шведскаго мира всегда исполнялъ, съ Цесаремъ согласіе имѣлъ; того ради и онъ Цесарь обѣщается всегда исполнять его Царское намѣреніе непремѣнно. Во время оныхъ происходящихъ дѣлъ, въ Москвѣ все обрѣталось тихо и смирно, даже до скончанія Царя Ѳеодора Іоанновича, который преставися въ 7106 году Генваря въ 7. день: и тако родъ Россійскихъ Царей отъ Великаго Князя Рюрика Московскаго здѣ ста, пребысть на Престолѣ Россійскомъ 736 лѣтъ. Еще Царю Ѳеодору Іоанновичу не у преставльшуся, но уже въ болѣзни великой бывшу, пріидоша къ нему вси Князи и Бояре Московскіе, вопрошаху его, кому отдастъ Корону и Державу свою, понеже по себѣ наслѣдника не имѣетъ? Царица, супруга его, сестра Бориса Годунова, желала и искала, чтобъ онъ отдалъ Державу брату ея Борису, но Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, егда позналъ, что вскорѣ

имѣетъ быть разлученіе души отъ тѣла его, повелѣлъ тогда предъ всѣми Бояры себе постричь въ монахи, и егда клобукъ на главу его возложиша, отдаде самъ изъ рукъ своихъ Державу Θеодору Никитичу Романову, племяннику родному матери своея Благовѣрныя Царицы и Великія Княгини Настасіи Романовны; но онъ не хотя ея приняти, сказалъ брату своему Александру, чтобъ тотъ принялъ, а Александръ сказалъ третьему брату Іоанну, чтобъ тотъ ея принялъ, а Іоаннъ указалъ на четвертаго брата своего Михаила, чтобъ тотъ принялъ, того ради уже кончающійся Царь Θеодоръ Іоанновичь, опустилъ Державу свою на землю, и рекъ: пускай кто хощетъ, тотъ ея и возметъ. Тогда Борисъ Годуновъ, по прошенію всѣхъ Бояръ, взялъ Державу лежащую отъ земли. Потомъ вскорѣ Царь Θеодоръ преставися, и погребенъ бысть по обычаю Царскому. Тогда знатные Бояре явно возстали противу Бориса Годунова, и народъ къ возмущенію старалися привесть; но Борисъ Годуновъ чрезъ Царицу, сестру свою, военныхъ знатныхъ людей и прочихъ служителей, которыхъ немалыми подарками и угощеніемъ уговаривала всѣхъ, объявляя имъ, какъ онъ ея братъ,

какую любовь имѣетъ ко всѣмъ военнымъ людямъ съ начала, даже и до сихъ временъ; какое награжденіе и милость отъ него имѣли, такожъ и впредь обѣщала имъ отъ него всякую милость: такожъ и духовныхъ знатныхъ всѣхъ привела къ себѣ въ склонность. И какъ по смерти Царя Ѳеодора Іоанновича печальныя шесть недѣль прошли, и собрались въ Москву и со всѣхъ градовъ знатные Князья, Бояре и Шляхетство, и прочіе знатные люди, и весь народъ; тогда Борисъ изшедъ къ нимъ, имѣющуюся у себя Державу Царскую предъ всѣми положилъ, и объявилъ, что онъ охоты не имѣетъ болѣе отправлять Государственную должность, и тѣмъ своимъ объявленіемъ всѣхъ привелъ во удивленіе, чего они отъ него и не думали; а того и не разсудили, что онъ того ради сіе учинилъ, желая, чтобъ его на то державствованіе просили, надѣясь, что кромѣ его быть не кому. Нѣкто тутъ отъ предстоящихъ издаде слово, да спрошены будутъ отъ всѣхъ градовъ сюда присланные для избиранія Царя, и что отвѣтствовать будутъ? И егда вопрошены были вси людіе о Царѣ, кто будетъ? тогда было голосовъ больше всѣхъ на Бориса Годунова.

Борисъ Годуновъ, яко бы не хотяше Царемъ быти, скрыся изъ Москвы къ сестрѣ своей вдовѣ Царицѣ, бывшей Царя Ѳеодора Іоанновича супругѣ, въ монастырь, отстоящъ отъ Москвы въ трехъ миляхъ, и яко бы желая монахъ быти, а самъ оставилъ въ Москвѣ вѣрныхъ своихъ, чтобъ они о возведеніи его на Царство стараніе имѣли, о чемъ и слухъ объ немъ раздася, что онъ Борисъ хощетъ пріяти чинъ монашескій, и еже бы по обычаю изъ монаховъ его не возможно Царемъ учинити. Къ тому жъ пришелъ слухъ отъ егожъ Борисовыхъ друзей, яко бы Татарскій Ханъ уже съ великими силами идетъ къ Москвѣ, и безъ главы обрѣтающуюся Россію хощетъ въ свое подданство привести. Сія вѣсть возбудила во всѣхъ великій страхъ и ужасъ; многія тысящи народа, и знатныхъ и другихъ всякихъ чиновъ людей пріидоша къ монастырю тому, и падоша вси на землю со слезами просяху Бориса, да пріиметъ Корону Царскую, и да царствуетъ надъ всею Россіею; онъ же вышедъ къ нимъ, рекъ имъ, чтобъ они выбрали изъ Князей и Бояръ себѣ Царя знатнаго рода, а я де человѣкъ рода не знатнаго, къ тому же старъ, и весьма недостоинъ; но на-

родъ многими гласы возглашаху со слезами его просиша, да будетъ Царь ихъ; и потомъ Борисъ вышелъ съ сестрою своею, вдовою Царицею, паки отъ всего народа взываемъ на Царство, къ тому й сестра его стала просить, да не оставитъ ихъ сирыхъ и пріиметъ Корону. Онъ же, яко бы не хотяше, но умоленъ отъ народа, сказалъ имъ, что онъ уже никакого намѣренія и охоты къ Престолу не имѣетъ, но ради прозьбы и слезъ народа обѣщался принять Корону и быти Царемъ Россійскимъ, и сказалъ: прежде пойду со арміею и побѣжду Татаръ, наступающихъ на насъ, тогда уже и Царь вашъ да буду; когда уже тако Богу изволившу, то и я всему народу прекословити и отрицатися не могу. И тако Борисъ послалъ свое повелѣніе, да вси войски пѣшіе и конные во градъ Серпуховъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ да соберутся противъ Татаръ воевати, потомъ и самъ къ нимъ прибылъ, и обрѣлъ Россійскаго войска пять сотъ тысящь во всякой готовности противъ непріятеля. И егда пошла армія, то встрѣтили Россіяне на пути Посла Ханскаго, идущаго въ Москву со ста человѣками о нѣкоторыхъ дѣлахъ договоръ учинить, а болѣе никакого непріятеля

не получили; и тутъ Борисъ сдѣлалъ съ Татарскими Послами договоръ. Пословъ Ханскихъ принялъ тако, что свою армію раздѣля на двое, поставилъ по обѣ стороны, а Посламъ велѣлъ средино ю идти; и въ то время вся армія палила изъ ружей, показывая Посламъ свою великую силу, и одаря тѣхъ Пословъ отпустилъ; а потомъ объявилъ въ арміи своей указъ, чтобъ они всѣ уѣхали въ домы свои, пожаловавъ ихъ жалованьемъ, по тогдашнему случаю милостію, за ихъ къ нему вѣрную службу, а потомъ трактировалъ столомъ и напитками чрезъ шесть недѣль, въ каждый день по десяти тысящь человѣкъ съ великою славою. Кушанье и питіе подавалось всѣмъ изъ серебреной посуды; а по веселіи томъ, пойде Борисъ Годуновъ съ великою славою, аки побѣдитель со знатными своими войски въ Москву, и отъ того прошла слава въ Москвѣ, что непріятель видя такую великую силу Россійскую и храбрость Царя Бориса, и умные его поступки, побоявся возвратились въ Крымъ. И для того ему народъ во всей Москвѣ многими гласы на улицахъ взываху, и поздравляху быти Царемъ Россійскимъ. И тако вскорѣ Борисъ Годуновъ чрезъ Патрі-

арха Сентября 1. дня, то есть въ день новаго лѣта 1594 вѣнчанъ на Россійскій Престолъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи, которое его возшествіе на Престолъ зѣло учинилось противно родственникамъ преждебывшихъ Царей Россійскихъ.

Царство Бориса, иже отъ сигклитскаго сана, рекомаго Годунова.

Въ лѣто 7106 по Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ всея Россіи Самодержцѣ, пріемлетъ Скипетродержавство Великаго Россійскаго Государства шуринъ его Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ, иже хитростными пронырствы Престолъ Царства Великія Державы Россійскія восхити, и Самодержецъ наречеся.

Сей въ свое царствованіе въ Россійскомъ Государствѣ градовъ и монастырей, и прочихъ достохвальныхъ вещей много устрои, ко мздоиманіюжъ зѣло бысть ненавистенъ. Разбои, татьбы и всякое корчемство много покушался, еже бы въ своемъ Царствѣ таковое неблагородное дѣло искоренити, но не возможе отнюдь; во бранѣхъ же не зѣло искусенъ бысть, время бо тому не на-

стояше и нужда; не зѣло изященъ свѣтлодушенъ и нравомъ милостивъ, паче же рещи и нищелюбивъ, отъ него же мнози доброкапленніи потоки пріемше, и отъ любодарованныя его длани въ сытость напитавшеся, всѣмъ неоскудно даяніе простираше, не точіюжъ своимъ ближнимъ и своимъ сыновомъ Россійскимъ, но и иностраннымъ дальнымъ иноплеменнымъ, аки море даянія и езеро питанія разливаше всюду, яко каменіе и древеса и нивы вси дарами его упокоишася. Ибо по возшествіи своемъ на Престолъ, цѣлые пять лѣтъ осужденныхъ и достойныхъ смерти не казняше, но въ Сибирь и въ другія мѣста посылаше въ ссылку, показывая себя народу милосердымъ, и тако убо цвѣтяся яко финикъ добродѣтельми, аще бы не терніе завистныя злобы цвѣтъ добродѣтелей того помрачиша, то моглъ убо всяко древнимъ уподобитися Царемъ, еже всячественнѣмъ благочестіи цвѣтущимъ; но убо да ни кто же похвалится чистъ быти отъ сѣти непріязнственнаго злокознствія врага, понеже сей перстною плотію недуговаше, и жизнь суетнаго сего вѣка зѣло возлюби, а къ себѣ вся приправливая, аки уже привлачаше; сего ради отъ клевещущихъ нѣкіе извѣты

нечестиваго совѣта, неповинныхъ въ ярость суетно пріимаше; и сего ради на ся отъ всѣхъ Русскія земли чиноначальниковъ негодованіе наведе, и многихъ напастныхъ золъ злобурные вѣтры возсташа нань, и доброцвѣтущую его Царства красоту внезапу низложиша.

Въ лѣто 7107 повелѣніемъ его поставленъ бысть градъ въ полѣ близъ Крыму на Татарской границѣ, а ставилъ его Богданъ Бѣльской, и нарекоша имя ему Новъградъ Борисовъ.

Въ лѣто 7109 преставися въ великомъ Новѣградѣ Варлаамъ Митрополитъ, а на его мѣсто поставиша въ Великомъ Новѣградѣ Исидора Митрополита, а былъ Игуменъ обители Святыхъ Чудотворцевъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ.

О Великомъ Бояринѣ Московскомъ Θеодорѣ Никитичѣ.

Тогдажъ въ Москвѣ отъ нѣкіихъ мужей злохитрыя козни на ничто же повиннаго Θеодора Никитича Великаго Московскаго Болярина сплеташеся, желаніемъ же и повелѣніемъ Царя и Великаго Князя Бориса Θеодоровича глаголютъ быти сему составленію. Понеже из-

давна Царь Борисъ нося язвы въ души своей лукавыя, аще бо разумомъ коварнымъ являшеся къ нему свѣтлодушенъ и любительствованъ, внутрь же уду имый великій огнь ненависти; бѣ бо ему мысль отъ сѣмене своего воцарити на Престолъ Царства Россійскаго; и сего ради Царскія природы вѣтвь сокрушити помысли, и низверже злый совѣтъ, аки ехиднино рожденіе; осуждаетъ убо того и посылаетъ въ Московскія страны, и тамо его постриши повелѣваетъ во обители Преподобнаго Отца нашего Антонія Кіевскаго Чудотворца; та же и единокровныхъ его братію, съ нимъ же и сына его Михаила, еще ему тогда зѣло юну сущу. Онъ же таковыя великія бѣды со всякимъ благодареніемъ въ подвизѣ своемъ претерпѣвая, и отъ случающихся ему не изнемогая, но о всемъ на Всесильнаго Бога уповая, и иноческаго образа одѣянія паче Царскія багряницы возлюби. Братію же его Великихъ Бояръ: Александра Никитича, близъ студенаго моря Океана на Двинѣ, въ малолюдномъ удоліи, нуждною смертію животъ его прекрати, другагожъ въ великую Пермію пославъ, и тамо скончася; такожъ и прочихъ знатныхъ и большихъ, которые ему были противны,

разославъ въ ссылки отъ Москвы въ дальнія страны, а другихъ знатныхъ Бояръ искалъ себѣ присвоить свойствомъ. Еще осталося въ Москвѣ знатныхъ фамилій пять или шесть, которыя ему свойствомъ не обязалися, тѣмъ онъ запретилъ между собою чрезъ браки чинить свойство, чтобъ они не усилилися родствомъ и не возстали на него, между которыми единъ Милославскій, который имѣлъ двѣ сестры дѣвицы, едину Царь Симонъ Казанскій себѣ въ жену поялъ, а другая еще дѣвицею остася, онъ Царь Борисъ неволею постригъ въ монахини, а Царя Симона послалъ въ ссылку, которому потомъ вскорѣ и письмо утѣшительное писалъ, обѣщая паки въ Москву возвратити, и прислалъ съ тѣмъ посланнымъ ему Симону нѣсколько вина Шампанскаго. И егда посланной вино къ нему принесъ, онъ Симонъ съ нимъ пилъ того вина за здоровье Царя Бориса; но тотъ служитель, который ему вино принесъ и съ нимъ пилъ, его Царя Симона взявъ силою и избоде ему очи.

Три брата Шуйскіе, Бояре знатные, которыхъ Борисъ старался въ свойство себѣ привлещи; того ради Димитрій Шуйскій принужденъ себѣ взять въ жену

сестру жены Бориса Царя, а большая ихъ сестра принуждена остаться отъ меншія. Царь Борисъ перемѣнилъ свой обычай, не сталъ къ себѣ людей допущать, и самъ слушать ихъ жалобы, но и мало сталъ себя народу оказывать, а когда и оказывалъ, то уже съ великою особливою церемоніею.

Онъ же восхотѣ въ Государствѣ своемъ учредити нѣкіе добрые порядки, чтобъ послать въ Нѣмецкую землю, въ Англію и во Францію, и оттудабъ выписать въ Россію всякихъ ученыхъ людей, чтобъ они въ Россіи молодыхъ людей всякимъ языкамъ и другимъ наукамъ обучали, но духовные въ томъ Царю Борису оспорили, что чужестранные языки и вѣры внидутъ въ наше Государство, и могутъ тѣмъ превратить издавна уставленную у насъ Божію службу, и законъ нашъ къ своему будутъ присвояти и соединяти, и того ради то уничтожися; но однако Царь Борисъ изъ знатнаго шляхетства послалъ 18 человѣкъ молодыхъ людей, для обученія языковъ въ разныя Государства, изъ которыхъ три персоны пріѣхали въ Швецію, и при дворѣ Короля Шведскаго Карла IX. служили.

Царь Борисъ имѣлъ у себя въ полону Лифляндцовъ, купецкихъ людей; онъ имъ далъ волю всюды ѣздить съ торгами своими и въ чужестранныя земли, и къ тому давалъ имъ по 300 червонныхъ золотыхъ безъ процента, дабы торговали, и по ихъ волѣ ему платили.

Онъ къ чужестраннымъ людямъ былъ зѣло милостивъ, для того, что чрезъ ихъ имѣющуюся у себя дочь, желалъ чтобъ она сопряжена была бракомъ чужестранному какому нибудь знатному Принцу. И тако Борисъ Царь въ 1599 году бывшаго Шведскаго Короля Юрика, отъ наложницы его сына, изъ града Тоора въ Москву призывалъ.

Въ то время Шведы совсѣмъ Финляндію отъ подданства Польскаго отказали, и подъ власть отца его брата Карла взяли подъ корону Шведскую. Эстляндія, которая уже Королю Польскому Сигизмунду присягала, чтобъ не досталася подъ корону Шведскую.

Понеже оная къ Швеціи принадлежитъ, того ради Карлъ, Герцогъ Шведскій, видя внутреннихъ и наружныхъ себѣ непріятелей, послалъ къ Царю Борису, прося его къ себѣ въ пріятство; на то Царь Борисъ къ Карлу Герцогу послалъ своего Посла учинить съ нимъ

алліанцію противъ общаго ихъ врага Поляка, а объ Густавѣ Царь Борисъ положилъ тако: чтобъ его содержать въ такомъ у себя содержаніи, какъ Царь Іоаннъ Васильевичь содержалъ Герцога Магнуса, чтобъ ему можно чрезъ его лучше протекцію имѣть, и воевать Лифляндію и Эстляндію; того ради Борисъ послалъ двухъ пословъ, одного въ Тоору, а другаго въ Ригу съ великою честію и дарами къ Густаву, просить его, чтобъ въ Москву изволилъ пріѣхать.

Сей Густавъ, егда былъ еще во отроческихъ своихъ лѣтахъ въ Швеціи, претерпѣль зла немало во время Короля Іоанна. Нѣкогда отъ одного двороваго Королевскаго служителя, по повелѣнію, всаженъ въ мѣшокъ и несенъ былъ онымъ служителемъ за градъ въ лѣсъ для убіенія, но нѣкоторый шляхтичь, прозваніемъ Шпаррейтъ на встрѣчу прилучился, вопросилъ служителя, что онъ несетъ въ томъ мѣшкѣ? И егда служитель добраго не могъ дать отвѣта, то Шляхтичь взявъ мѣшокъ, повелѣлъ развязать, и милосердовавъ объ немъ, взялъ сего Густава къ себѣ; а потомъ изъ Швеціи его препроводилъ, и тако оный Густавъ при многихъ Дворахъ преходя, препровождалъ жизнь свою, и потомъ

Царемъ Борисомъ приласканъ былъ и въ Россію. Царь Борисъ прислалъ ему одно вѣрное и надежное обѣщанное письмо, которое онъ у надежнаго человѣка въ Ригѣ оставилъ въ сохраненіе, а самъ поѣхалъ въ Москву, и по прибытіи принятъ въ Москвѣ съ великою, чрезвычайною честію и славою Княжескою почтенъ, а дарами аки Король надлежащими одаренъ, но честь ему та была не на долго, понеже Густавъ имѣлъ при себѣ одну матрессу, которую такъ любилъ безмѣрно, что ни для какого прошенія Царя Бориса не могъ отъ себя отрѣшить. Повѣствуютъ, яко бы она его Густава алхимическими искусствами къ себѣ въ любовь привела, яко онъ Густавъ иногда объ ней и безъ разума являлся. Царь Борисъ открылъ ему Густаву свое намѣреніе, чтобъ онъ принялъ законъ Греческаго исповѣданія, и отъ Шведовъ и Поляковъ Эстляндію и Лифляндію, яко природную ему, и обѣщалъ отдать дочь свою ему въ супругу, и вспоможеніе сильное ему учинить, дабы ему въ Лифляндіи и Эстляндіи быть обладателемъ. Но Густавъ на все оное Борису отказалъ, и сказалъ: хотябъ мнѣ въ томъ и смерть приключилась; и при томъ просилъ, чтобъ онъ былъ

отпущенъ паки изъ Москвы, но не учинися тако. Царь Борисъ чрезъ деньги склонилъ секретаря Густавова, чтобъ онъ его Густавовымъ именемъ и печатію писалъ въ Ригу, чтобъ его Царское письмо ему возвратить; и такъ оное письмо паки Царь къ себѣ получилъ, и потомъ часъ отъ часу сталъ Густава принуждать къ намѣренію своему, но никакъ его не могъ склонить. Нѣкогда Густавъ въ веселой компаніи при подпитіи сказалъ: что ежели его Царь не отпуститъ изъ Россіи, то онъ можетъ великой огонь въ Москвѣ учинить. Оное его слово донесено Царю Борису чрезъ Боярина Симеона Никитича, того ради Царь зѣло на него озлобися, и послалъ къ нему Густаву Боярина Стефана Васильевича, и обралъ у него всѣ вещи, которыми онъ былъ одаренъ отъ его Царя Бориса, а его Густава подъ крѣпкій караулъ посадилъ, чтобъ ему тамъ пребывая получать жалованья по 4000 рублей въ годъ; а потомъ былъ онъ и въ Ярославль градъ сосланъ, и содержанъ аки плѣнникъ, а потомъ уже отъ Василья Шуйскаго въ Касимовъ градъ отвезенъ, и тамо въ 1607. году умре, и въ одной березовой рощѣ за градомъ погребенъ. Все то онъ претерпѣлъ угождая своей

матрессѣ; и тако Царя Бориса надежда чрезъ Густава противъ Шведовъ и Поляковъ миновалась.

Въ то время Поляки не малое опасеніе имѣли, чтобъ Герцогъ Шведскій Карлъ не заключилъ договора противъ Польши, того ради Король Польскій послалъ Полномочнаго Посла въ Москву Льва Сопегу въ 1600 году, чтобъ миръ учинить съ Россіяны; но посолъ задержанъ былъ чрезъ цѣлый годъ, понеже Царь Борисъ въ то время былъ одержимъ болѣзнію, а потомъ желаемой миръ у Поляковъ съ Россіяны учинился на 20 лѣтъ. Сопега съ честію и съ дарами отпущенъ изъ Москвы въ Польшу, а о Шведахъ Царь Борисъ помышлялъ, чтобъ какой надъ ними поискъ могъ учинити: умыслилъ, чтобъ тайно въ Нарвѣ подговаривать Нарвскихъ жителей, и склонить ихъ къ Россіи, и тѣмъ бы тотъ градъ Нарву изъ рукъ Шведскихъ изторгнуть. Въ 1601 году единъ Нарвскій житель Конрадъ Бусъ на такое дѣло взялся, и обѣщалъ тайно градъ въ руки Россіяномъ отдати, но замыслъ его сталъ быть явенъ, и предатель Бусъ казненъ смертію.

Между тѣмъ еще учинился поискъ Царю Борису на Шведы такой, состоя-

щій въ персонѣ Герцога Датскаго Іоанна, брата Короля Датскаго Христіана IV; понеже Король Датскій всегда ждалъ случая, чтобъ зачать войну противъ Шведовъ, о извѣстной ссорѣ трехъ коронъ, о чемъ были опредѣленные на то Комисары, чтобъ тую ссору привесть къ миру, но тотъ миръ еще ни къ чему не воспослѣдовалъ; того ради Царь Борисъ увѣдомясь о томъ сталъ стараться, чтобъ учинить алліанцію съ Датчаны противъ Шведа, а и Датскому Королю то зѣло угодися, чтобъ Россіяне Шведа въ Финляндіи и Лифляндіи войною утруждали. Того ради Царь Борисъ съ Королемъ Датскимъ не токмо алліанцію утвердить, но и воинствомъ укрѣпиться обѣщались, чтобъ брату Короля Датскаго Герцогу Іоанну совокупитися бракомъ на дочери Царя Бориса Ксеніи Борисовнѣ.

Въ то время бысть въ Москвѣ презѣльной гладъ, каковаго никогда въ Россіи не бывало, что чрезъ цѣлые три года продолжался. Въ такое страшнаго глада время происходили неслыханныя и плача достойныя дѣла, что непонятно вѣрить и превосходительнѣе ума человѣческаго, какія бѣды отъ глада тогда были. Многіи тысящи людей лежаху по улицамъ града Москвы, и отъ

глада умираху. Сѣно, солому и другой прахъ и нечистоту всякую влажную употребляху ко утоленію глада, другіе лежаху при мясныхъ лавкахъ, лижуще и ссуще кровь изъ земли битой скотины, и утоляху свой голодъ, такожде и въ домѣхъ убиваху родители чада своя, и чада родителей, и ядяху; а инніи продаваху дѣтей своихъ и дѣти отцовъ, дабы чѣмъ могли гладъ утолити. Описатель Петрей, который самъ видѣлъ одну жену, носящую на рукахъ младенца, и которая отъ глада у младенца рамо его изъѣла; а Капитанъ Маргаретъ упоминаетъ, что четыре женщины одного мужика деревенскаго, сторговавъ у него дрова, привели его въ домъ и убили съ лошадью, и то въ снѣдь употребили. Во время такъ жестокаго глада повелѣ Царь Борисъ по утрамъ на извѣстной площади града Москвы бѣднымъ людямъ собиратся, и всякому велѣлъ жаловать по три гроша на день; того ради со всѣхъ странъ во градъ Москву всякой народъ приходили съ женами и съ дѣтьми, уже и такіе, которые бы въ такой гладъ и безъ того пробыть могли. Уже было отъ Царя въ милостыню выдано 30000 рублей, но гладъ той не преставаше, но еще умножашеся, такожъ и

деньги уже стали быть не въ состояніи, чтобъ ими пропитатися отъ глада. Въ Москвѣ была бочка, или четверть хлѣба девятнадцать рублей, которая прежде по двѣнадцати грошей продавалась. Того ради умножилось на улицахъ мертвыхъ тѣлъ; Царь повелѣ оныя собрати, и всякому тѣлу дать бѣлую рубаху и красную обувь калиги, и по сту тѣхъ въ одну яму зарывати. Слышавше Царь, яко изъ всей Россіи народъ оставя свои жилища прихождаху въ Москву, и уже во многихъ мѣстахъ все стало быть пусто; того ради оставилъ тую милостыню. Тогда была слезъ и жалости Россія наполнена, видя множество тѣлъ человѣческихъ, лежащихъ по стогнамъ града и на поляхъ, непогребенныхъ, а и живые тогожъ ожидаху. Повѣствуютъ, что Царь Борисъ неисчетную сумму денегъ для пропитанія глада роздалъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; во единъ градъ Смоленскъ 20000 рублей послано, и въ тотъ гладъ не токмо Государственной казнѣ учинилось истощеніе, но и народомъ Государство Россійское обезлюдѣло. Въ одной Москвѣ умерло отъ глада пять сотъ тысячь человѣкъ. Таково бываетъ худо состояніе во время безхлѣбія, или паче рещи,

гнѣва Божія; къ томужъ и просмотрѣніе самаго того Царя Бориса, понеже въ 1602 году, уже наступающу гладу, нѣсколько пришедшихъ чужестранныхъ судовъ во Ивань-городъ и въ Колмогоръ велѣлъ имъ за деньги наполнить суда хлѣбомъ, и отпустилъ, не думая, что такой великой будетъ гладъ, къ томужъ и для того, чтобъ не дать знать другимъ Государствамъ, что Россія имѣетъ нужду; а особливо надѣялся Борисъ, что можетъ онъ собрать изъ монастырей и волостей хлѣбъ для гладу, и отъ того времени начаша въ Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Россійскія державы всякой хлѣбъ, рожъ и жито и пшеницу четвериками покупати, торговати и мѣрити навыкоша; а прежнія мѣры, именуемыя четверти, то бывали четвертныя доли бочки, или кади, ихъ же и оковами звали, понеже оныя по верьху окованы были желѣзнымъ обручемъ, дабы ее урѣзати было не возможно; а осмину именовали осьмою долею бочки, а бочку или оковъ купливали по три алтына и по гривнѣ, а когда дорого, то и по пяти алтынъ. Во время того жестокаго глада прибылъ Герцогъ Іоаннъ, братъ Короля Датскаго въ Москву Сентября 28. дня, для соче-

шанія бракомъ съ Ксеніею, дщерію Царя Бориса, и съ нимъ Двора его прибыло 200 человѣкъ, и принятъ онъ былъ со особливою высокою честію, уже аки зять Царскій почиташеся; чего ради уготованъ былъ преизобильной столъ, по тогдашнимъ обычаямъ, гдѣ изрядно Царь Борисъ гулялъ и веселился съ Герцогомъ, и одарилъ Герцога многими дарами, яко бы уже своего любезнаго зятя. Герцогъ Іоаннъ за столомъ употребилъ въ снѣдь чрезъ мѣру необыкновенной яди противъ своей натуры, впаде въ болѣзнь, и хотя съ великими прилѣжностями пользованъ, но по нѣсколькихъ недѣляхъ, въ жестокой болѣзни бывъ, умре.

Царь Борисъ и съ сыномъ своимъ его въ болѣзни всегда посѣщалъ, и зѣло печалился о смерти его, и не далъ воли тѣла его бальзамировать, тогда то противно было обыкновенію Россійскому. Тѣло Герцогово погребено было въ Нѣмецкой слободѣ въ киркѣ съ великою церемоніею. Весь Дворъ Царскій печальное платье носилъ три дни; а Доктора и прочіе Медики впали въ Царскій гнѣвъ, понеже они крѣпко обѣщались Герцога отъ болѣзни излѣчить. Но паки пришли они въ его милость удивитель-

нымъ нѣкоимъ случаемъ: былъ между ими единъ выѣзжій нѣмчинъ, который еще до пріѣзда Герцога въ Москву, просилъ Царя Бориса, чтобъ онъ его отпустилъ въ Нѣмецкую землю, для свидѣтельства, чтобъ ему тамъ достать атестатъ и Докторское достоинство. Царь ему отвѣщалъ: что тебѣ въ томъ прибытка будетъ, что ты въ такую дальную страну поѣдешь, на что тебѣ надобно немало денегъ на содержаніе? А ежели хощешь быть Докторомъ, то излѣчи ты меня, одержимаго подагрою, то я тебѣ дамъ такой атестатъ, что тамъ твои Медики такого тебѣ дать не могутъ, и пожалую тебя Докторомъ; что оной Медикъ и учинилъ, и изрядно Царя отъ подагры излѣчилъ, за что и въ Докторы пожалованъ. А егда по смерти Герцоговой, отъ печали паки Царю Борису подагренная его болѣзнь отродилась, тогда повелѣлъ онъ того Доктора къ себѣ призвати, гнѣваяся на него, что онъ не прямо излѣчилъ отъ болѣзни его. Докторъ во ужасѣ и страха наполненъ, чая уже быти концу живота его, пойде предъ Царя въ старой раздранной одеждѣ, распустя власы своя, аки изумленный въ палату Царскую вшедъ, паде на землю, и нача свою рѣчь:

истинно я недостоинъ болѣе живъ быти, и на Пресвѣтлое Ваше Царское лице зрѣти за мое прегрѣшеніе! тогда единъ изъ Бояръ ударилъ его ногою въ голову такъ, что на головѣ ему Доктору рану учинилъ, и сказалъ, чтобъ его бросили собакамъ на съѣденіе. Тотъ Бояринъ думалъ тѣми своими словами угодить Царю, и оказать свою горячую услугу. Докторъ видя Царя не зѣло на него гнѣвна, съ глубокою покорностію сталъ приносить свое извиненіе тако: я вашъ всенижайшій и подданный рабъ впалъ въ такое прегрѣшеніе, что достоинъ злаго истязанія, но однако за послѣднее бы счастіе то себѣ нынѣ могъ признать, дабы повелѣніемъ Вашимъ Царскимъ сподобился умрети; а что я теперь претерпѣваю отъ сослужителей, и себѣ равныхъ людей напрасно, то мнѣ есть несносно и зѣло обидно. Царь Борисъ видя Докторское покореніе, обратилъ гнѣвъ свой въ милость, и 500 рублей Доктору пожаловалъ, такожъ и другихъ Докторовъ, бывшихъ у него во гнѣвѣ о неизлѣченіи Герцога Іоанна, пожаловалъ паки, и въ милость принялъ; а Боярина того за продерзость повелѣлъ бить нещадно дубиною.

Вскорѣ по смерти Герцога Іоанна, пріѣхалъ въ Москву Посолъ отъ Султана Турецкаго съ великими дарами къ Царю Борису, дабы установить дружество и согласіе съ нимъ Султаномъ противу Поляковъ и Цесаря; тогда войну ему Султану имущу съ ними. Но Царь Борисъ во всемъ томъ Султану отказалъ, и даровъ отъ него присланныхъ не принялъ, съ такимъ объявленіемъ, что онъ Царь, пока живъ, то всегда есть Турецкій главный непріятель, какъ противъ наслѣдственнаго, природнаго и общаго Христіанскаго врага, и завсегда онъ Царь готовъ помогати брату своему Цесарю, нежели на него воевать.

Въ то время Любскіе купцы прислали къ Царю Борису въ подарки двадцать бакаловъ драгой работы, и единъ вызолоченной корабль со всею къ нему принадлежностію, и одного сдѣланнаго изъ серебра Орла, наполненнаго двойными и одинакими червонными золотыми, чтобъ имъ имѣть торгъ вольной въ Россіи, во Псковѣ, въ Новѣградѣ и въ Москвѣ, которое прошеніе они и получили. А до того тѣми торгами только Агличане и Голандцы довольствовались.

Царь Борисъ зѣло озлобился на всѣхъ своихъ Бояръ, и возымѣлъ великое на

нихъ подозрѣніе, яко бы они ему учинилися невѣрны; и день отъ дня сталъ быть жесточае. Боярина Шуйскаго не однократно сажалъ въ темницу, на котораго большее подозрѣніе имѣлъ, а иныхъ многихъ казнилъ смертію. Въ 1600 году, яко бы они всѣ на него соглашалися, къ тому и слухъ промчася, что Царевичь Димитрій живъ, чего онъ зѣло опасался; и того ради старую Царицу, мать Димитрія Царевича, взявъ изъ Углича послалъ въ дальнюю ссылку, и въ томъ дѣлѣ многихъ казнилъ смертію, которые нималаго наказанія достойны не были, и ничего не знали. И такъ онъ звѣрски ожесточился, что ни единая знатная фамилія не остася, которая бы не понесла на себѣ какого несчастія отъ его ярости и злаго неистовства; но однако онъ такъ то скрыто умѣлъ сдѣлать, что всегда почитался отъ народа милостивымъ Государемъ, хотя онъ и много знатныхъ въ ссылки разослалъ, и другихъ везомыхъ въ ссылки, на пути повелѣвалъ ядомъ умерщвляти и въ водѣ топити. Тѣми своими жестокостьми Борисъ Царь не могъ сыскать ничего, но токмо получилъ такое извѣстіе, что два монаха изъ одного монастыря бѣжали въ Польшу, и изъ нихъ

единъ именемъ Гришка Отрепьевъ, которой назывался Царевичемъ Димитріемъ. Царь Борисъ приказалъ на заставахъ стоящимъ по границамъ Польскимъ, которыя были прежде поставлены для моровой язвы, чтобъ на тѣхъ заставахъ никого изъ Москвы и въ Москву идущаго не пропускать. И тако та застава была болѣе четырехъ мѣсяцовъ такъ, что никого и съ подорожными письмами не пропускали; но тѣмъ Борисъ ничего себѣ не учинилъ, кромѣ того, что возмущеніе въ народѣ умножилъ, и что болѣе о невѣрности къ людямъ помышлялъ, то болѣе она и стала въ силу приходить, и объявляться; а потомъ уже во всенародной гласъ произошло, что Царевичь Димитрій не убитъ, но аки бы преходя въ разныхъ монастыряхъ, животъ свой спасъ, и съ Гришкою Отрепьевымъ аки бы уже въ Польшѣ очутился; и другія многія разныя вѣсти стали въ людяхъ происходить. Быложъ и къ Царю Борису о томъ прямое извѣстіе, отъ чего онъ въ немалый страхъ пришелъ, и писалъ неоднократно въ Польшу къ Воеводѣ Вишневецкому, чтобъ онъ его ему отдалъ, и посылалъ казаковъ въ Польшу, чтобъ его какъ ни есть тайно убить, или застрѣлить; тѣмъ

онъ Борисъ и пуще привелъ Поляковъ на то, что они уже прямо почитали его за истиннаго Царевича. Таже въ Вишневцѣ Розстрига у Воеводы Вишневецкаго лѣтовалъ и зимовалъ; и послѣ Праздника Свѣтлыя Пасхи, Князь Адамъ проводилъ его до Кракова до Короля Сигизмунда, и объявилъ про него, яко онъ есть Царевичь Димитрій Іоанновичь Углицкій; такожъ и Розстрига проливая многія слезы предъ Королемъ, сказуя ему, како его хотѣли измѣнники убить, и яко бы его Богъ отъ того убійства сохранилъ, даже до лѣтъ возраста его и до нынѣ, таже и ина многа блядословилъ, самому діяволу на сіе учащу его; занеже словесенъ и скоромысленъ Розстрига въ словесѣхъ бѣ, къ томужъ засвидѣтельствовали, яко онъ есть Царевичь Димитрій Іоанновичь, пять братовъ Хрипуновыхъ, да Истомичь, сынъ Михеева Петрушка, да Ивашко Шваръ, и Ивашковъ, что имъ вождь изъ Россіи былъ, и другіе мужики Кіевляне. Король ему обѣщался на Московское Государство помогать, а онъ Королю въ то время поступался Смоленскимъ и Сѣверною страною земли, и казну многую обѣщался дати ему; и тако отпущенъ съ Княземъ Вишневец-

кимъ въ Самборъ. Старецъ Варлаамъ пришедъ Королю про того Розстригу извѣщалъ, что онъ не Царевичь Димитрій, но чернецъ Григорій Отрепьевъ, и что онъ шелъ съ Москвы съ нимъ вмѣстѣ. Король же, Паны и ратные люди ему не повѣрили, и послали его къ Гришкѣ въ Самборъ, и съ нимъ листъ о немъ писали. И какъ его привезли въ Самборъ, то Гришка повелѣлъ, совлекши съ него иноческую одежду, бити и мучити, яко исповѣдника, объявляя о немъ, яко бы онъ Варлаамъ и сынъ Боярской Яковъ Пыхачевъ, присланы отъ Царя Бориса для убіенія его Розстриги; и тако того Пыхачева оный Розстрига и Воевода Сандомиръ повелѣли казнить смертію, но оной Пыхачевъ и при казни называлъ его Гришкою Разстригою, а старца Варлаама по мукахъ узами оковати и въ темницѣ затворити повелѣ. Самагожъ самозванца, для лучшаго сохраненія отвезли къ Воеводѣ Сандомиру Георгію Мнишку. Сандомиръ же возмнѣвъ истинну быти, яко сынъ Царевъ, сего ради прилѣжа о немъ со всякимъ ласкосердіемъ, съ нимъ же сей самозванецъ, или паче рещи, Гришка Отрепьевъ, такой договоръ положилъ: ежели онъ Сандомиръ его какимъ спосо-

бомъ учинитъ на престолъ Россійскій, то онъ приметъ Католицкій законъ, и дочь его Сандомирову Марину себѣ въ жену поиметъ, и въ томъ утвердились письменно и присягою. Воевода Польскій Сандомиръ просилъ объ ономъ самозванцѣ Короля Польскаго, дабы его Королевское Величество своею высокою милостію вступился на возведеніе его на наслѣдный Россійскій престолъ; ибо де и Ваше Королевское Величество сами изволите быть извѣстны, каково ему зло нынѣ претерпѣвать, видя напрасно отъ него его наслѣдіе похищенное. Изволите припомнить, что и вы въ злоключеніи родились, однако Богъ васъ такожъ своею милостію обрадовалъ. Тѣмъ словомъ онъ Сандомиръ привелъ Короля въ великое къ тому самозванцу сожалѣніе и милость, что Король Польскій началъ то дѣло неослабною рукою производить; понеже въ то время у него было немалое дѣло съ Герцогомъ Карломъ Шведскимъ, и въ то лѣто онъ Король Польскій Шведской Короны лишился, умышляя то, когда онъ своею силою сего наслѣднаго Россійскаго Принца на престолъ возведетъ, то онъ помощію его отъ Шведа не токмо Финляндію и Эстляндію, но и Шведскую

Корону паки получить размышлялъ; и то, куда еще счастіе пойдетъ, и Россіяне къ которой сторонѣ будутъ имѣть склоненіе. Того ради онъ отвѣтствовалъ Воеводѣ Сандомиру и самозванцу Димитрію, что онъ Король желательно ему вспомогать потщится, когда всѣ Польскія Воеводства къ тому жъ охоту пріимутъ, и въ военномъ коштѣ его не оставятъ; такожъ разсуждалъ Король, прямой ли онъ есть Царевичь, чтобъ напрасно войны не произвесть съ Россіею? Но Воевода Сандомиръ для того своего зятя склонилъ другихъ Воеводъ и собралъ войско. И въ самое то время прибыли Послы Россійскіе къ Королю Польскому о утвержденномъ мирѣ для подтвержденія, а болѣе, чтобъ самозванца Димитрія взять изъ Польши, которые и просили Короля со объявленіемъ такимъ, что онъ есть не Царевичь Димитрій, но былъ монахъ и еретикъ злой, и чтобъ сего самозванца повелѣно было живаго или мертваго возвратить въ Россію, дабы въ томъ не произвелось напрасной вражды и кровопролитія. Но Король Польскій отвѣтствовалъ Царю Борису, что онъ мира нарушить никогда не желаетъ, а сей причинѣ есть виновенъ вашъ природный

Царевичь Димитрій; но я премѣнить того не могу, ежели то есть правда.

О собраніи войска Гришки Розстриги Отрепьева.

Слышавше же тогда въ Кіевѣ Литовскіе люди и Запорожскіе казаки, въ Польшѣ сущаго Царевича Димитрія Іоанновича, приснаго сына Благовѣрнаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи Самодержца, отъ убіенія измѣнниковъ своихъ спасшася, и яко бы отъ ихъ злодѣйственныхъ рукъ и умысловъ скрывшася, и бывши невѣдомо ни кому до возраста мужественнаго, а нынѣ де собираетъ войско, и помышляетъ идти на престолъ прародителей своихъ Московскаго Государства, и самъ Король истинно обѣща ему помогати и доставати Московское Государство, и вси мнѣша его тако быти сущаго Царевича. По слуху сему Россійстіи народи и съ Дону казаки пріидоша къ нему въ Литву.

По временижъ нѣкоемъ повелѣ ему Король предстати себѣ, и зря его юна и велерѣчива, мнѣвъ и той его быти истиннаго Царевича, и обѣщася ему помогати; а онъ зломышленный обѣщася

Королю отдати, якоже прежде речено бысть, Россійскаго Государства области: градъ Смоленскъ и прочія Сѣверныя страны и грады, даже и до Можайска, и вѣру едину вѣровати. Король же повелѣ призывати вольныхъ людей изъ мзды ему на помощь. И тако окаянный посла въ Римъ къ Папѣ, и тамо именова себе сущаго Царевича Димитрія Углицкаго, и повелѣ упрошати силы на помощь, чѣмъ доступати Россійское Государство, и обѣщася Римскій имѣти законъ ихъ Католицкой, именуя его правымъ, а Православную Христіанскую вѣру до конца истребити, и Церкви Божіи раззорити; а вмѣсто оныхъ создати костелы. И по тому обѣщанію Папа Римскій посла къ нему злата и сребра и прочаго множество имѣнія; а Король Литовскій собра ему довольно воинства.

О пришествіи Гришки Розстриги на Россійскіе предѣлы изъ Литвы со множествомъ вой.

Въ лѣто 7112. Августа въ 15. день, пріиде злонравный врагъ Божій, еретикъ Гришка Розстрига изъ Литовскія земли въ Россійскіе предѣлы двѣма доро-

тами, отъ Кіева чрезъ Днепръ рѣку, а иніи поидоша по Крымской дорогѣ; 7113 года, Ноября въ 27. день, пришедъ подъ Муромъ градъ, и яко вселукавый змій вселяющему лукавому духу въ него, испусти, яко рѣку отъ звѣрскихъ еретическихъ устъ своихъ прелесть, нача писати, посылати и прельщати въ Муромъ, Черниговъ и въ Курскъ Воеводамъ, приказнымъ служителямъ, и всякихъ чиновъ людемъ, гостемъ и торговымъ и чернослободцемъ; потомъ и во вся грады Россійскія Державы, свои злосоставныя грамоты, въ нихъ же пишетъ сице:

Отъ Царя и Великаго Князя Димитрія Іоанновича всея Россіи. Божіимъ произволеніемъ, и Его крѣпкою десницею, покрывшею насъ отъ нашего измѣнника Бориса Годунова, хотящаго насъ смерти предати; Богъ же милосердый злокозненнаго его промысла не восхотѣ исполнити, и меня Государя вашего природнаго, Богъ невидимою силою укрылъ, и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ хранилъ. И азъ Государь Царь и Великій Князь Димитрій Іоанновичь, нынѣ приспѣвъ въ мужество и во свое Государство Россійскія Державы, и вы наше прирожденіе припомните, Право-

славную Христіанскую вѣру истинную и крестное цѣлованіе, въ чемъ цѣловали отцу нашему, Блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу всея Россіи, и намъ чадомъ его, что хотите добра во всемъ, и инаго, кромѣ насъ на Государство не желати; и вы нынѣ отъ нашего измѣнника Бориса Годунова отложитеся къ намъ, и впредь уже намъ, Государю своему прирожденному служите, какъ и отцу нашему, Блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу всея Россіи служили; и азъ васъ стану жаловати по своему Царскому милосердому обычаю, все Православное Христіанство въ тишинѣ, въ покоѣ и во благоденственномъ житіи содержати. Аще ли насъ Государя своего знати не хощете, и хотите кровь проливати безвинныхъ Православныхъ Христіанъ, и вы то можете разсудить, что въ томъ вамъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божія и гнѣва, и отъ нашея Царскія высокія руки ни гдѣ не избыти; а азъ съ помощію Божіею Православнаго Государства своего имамъ доступати.

Людіе же въ тѣхъ предреченныхъ градѣхъ: въ Муромѣ, въ Черниговѣ, въ

Саранскѣ, въ Комарацкой волости, въ Путивлѣ, въ Рыльскѣ, въ Стародубѣ и въ Кромахъ, слышавше сія, быша тогда въ размышленіи; и паки положишася на щедроты Божіи, и того въ правду быти мнѣша, глаголюще: яко вся сутъ возможна Богу, егда по неизреченнымъ своимъ добродѣтелямъ, и прещедрою своею десницею изъятъ его отъ того Борисова погубленія, и чаяху того быти сущаго прирожденнаго своея Христіанскія вѣры Царевича, а про Бориса добрѣ вѣдяху, яко неправдою восхити Царство, и подсѣче древо благоплодное, еже есть Правовѣрнаго Царя Өеодора Іоанновича всея Россіи, и много безчисленно пролилъ неповинныя Христіанскія крови, доступаючи Государства; и никтожъ ста обращаяйся противу самозванца того. Аможе пріидетъ, грады ему вездѣ отворяху, и подобное поклоненіе и дары приношаху ему, якоже подобаетъ Царскому Величеству; а которое воинство его по Крымской дорогѣ идоша, градъ Царевъ и Бѣлъ-градъ, и иные грады многіе, такожде ему предашася и изъ градовъ и изъ селъ. И тако той еретикъ Розстрига Лжедимитрій, уловивъ оное лестію вражіею въ помощь себѣ, пойде къ Новуграду Сѣвер-

скому, въ которомъ Воеводы сидѣли: Князь Никита Романовичь Трубецкой, да Петръ Басмановъ, и тѣ еретическихъ его лестей не вняша, и сатанину помазаннику смрадомъ поклонитися возсмердѣта, градъ затвориша и крѣпко утвердиша. Онъ же темнаго князя тьмою помраченный, возсвирѣпѣ приступя ко граду крѣпко и разбиша до обвалу земнаго; Воеводы же и граждане умудрившеся духа премудрости нань нашествіе сотворити на лукаву вещь лукаваго сего, и побиша до четырехъ тысящь человѣкъ и болѣе Розстригиныхъ полковъ; богоотступникъ же, аки злосердый волкъ, съ подобными себѣ кровоядными звѣри, много трудився и ничто же успѣ, но паче множество вой своихъ изгуби.

Воономъ Лжедимитріи то было памяти достойно, что онъ такъ себя умѣлъ притворять предъ всѣми, яко бы онъ сущій Царевичь Димитрій; когда онъ въ баталію вступалъ, то онъ всегда руки свои возводилъ къ Небу, и молитвы приносилъ тако: О Боже, правдивый Судія! Ты зриши, я ли тому злу виновенъ, или ради зависти сія начинаю и творю то! Порази мя свыше страхомъ Твоимъ, и истреби мя отъ земли

живыхъ, и пощади кровь невинныхъ сихъ воиновъ. Но Ты вѣси правду мою, встани съ помощію одесную мене; Ты еси Царь Небесный, Тебѣ себя предаю со всѣми моими. А въ Москвѣ гладъ не престаяше, того ради въ Россіи едино зло другаго постизаетъ.

Въ то время прибылъ Посолъ Цесарскій въ Москву, Генрихъ фонъ Лауфской, и то удивленія достойно, что онъ Посолъ ни одного нищаго не нашелъ на улицѣ; во время того Посла было въ Москвѣ на пути по улицамъ, чрезмѣрно уготовано въ продажу всякихъ харчевыхъ лавокъ и хлѣбныхъ, дабы чужестранные не могли признать въ то время бѣдности Россійской. Такое тогда въ Москвѣ и во всей Россіи было житіе человѣческое горько, что написати того трудно; и къ томужъ были всякія разныя небесныя знаменія страшныя, на страхъ и ужасъ людей приводящія; затмѣніе Солнца и Мѣсяца, и чрезмѣрно жестокіе вѣтры, многое множество нагло ходящихъ волковъ и другихъ звѣрей лѣсныхъ. Царь Борисъ отъ всѣхъ сихъ чрезвычайныхъ напастей такъ не устрашися, какъ отъ того Лжедимитрія, хотящаго у его Царство отъяти; и на оныя страшныя чудеса народъ

Россійскій всю вину полагаху на погрѣшеніе такое, что не прямо надлежащаго Царя избрали на Царство, лиша законныхъ къ тому наслѣдниковъ, а избрали Царева Конющаго, и такому себя подвергли въ подданство, который бы на Корону Царскую не смѣлъ и помыслить; такожъ и убіеніе Царевича Димитрія на то полагаху, то жалѣху сердечно объ немъ, жестокость Борисову поноцающе, тое убіеніе отъ его причитающе. Уже въ Москвѣ большіе Бояре ожидаху случая, какъ бы его Борисову жестокость уничтожить, и лишить его престола Царскаго; причитахужъ Борису и весь народъ зло беззаконіе быти, и для его разумѣша быти всему тому гнѣву Божію на Россійское Государство, желаху вси новаго себѣ Государя, и на него имѣяху надежду, и ожидаху съ тѣмъ отъ Бога милости и премѣны отъ зла во благое. Всякій человѣкъ ни что иное во умѣ своемъ помышлялъ, какъ только бы какое избавленіе получить отъ таковаго настоящаго злаго времени. Поляки Димитрія своего держаху уже въ готовности на Россію, хотя и Шведы имъ не хотяху на то помогать, но они и безъ нихъ уже намѣрены того самозванца Лжедимитрія производить въ славу.

О приходѣ Московскихъ Воеводъ отъ Царя Бориса.

Слышавъ убо Царь Борисъ Розстригу на себя грядуща съ яростію великою, и хвалящася нань не яко на Царя, но яко на наемника, и приложишася къ нему грады мнози; онъ же стояше подъ Сѣверскимъ Новымъ-градомъ. И посылаетъ съ Москвы многи Воеводы противъ Розстриги, Князь Ѳеодора Іоанновича Мстиславскаго съ товарищи со многою силою, и градъ выруча, и бысть брань зѣло велика отъ обоихъ странъ, падоша множество богоотступниковъ, съ нѣкоторою кознію наступиша; понеже кони ихъ въ медвѣжьи кожи облечени, и по обѣ стороны имуще косы острыя; Борисоважъ войска кони, еретическихъ коней убояшася, и противу ихъ на бой тещи не смѣюще, смятошася и вспять обращающеся. Всадницыжъ на нихъ побиваеми быша безъ милости, и паки даша плещи и побѣгоша; Воеводужъ Князь Ѳеодора Іоанновича Мстиславскаго ранили, таже злонравніи и звѣрообразніи нападоша на нихъ гоняще, и въ тылъ сѣкуще безъ милости девять верстъ и больше гнаша; они же аки овцы отъ волковъ гоними, и меча усты

поядаеми, и Православныхъ трупы на десять верстъ по земли постлаша, и лице земли Православныхъ кровію очервлениша, и аще не бы нощь постигла, мало бы спаслося. Тако злонравный еретикъ Розстрига, лукавымъ злохитрствомъ побѣди Православныхъ полки; бывый прежде лоза насажденнаго винограда Христова, и отторжеся падеся, или прозябе плодъ золъ, иже вкушающимъ отъ него смертію умрети; овча притворися въ хищника волка, и потщася поядати избраннаго овчате словесныхъ овецъ стада Христова и искоренити виноградъ, насажденный десницею Всещедраго Превѣчнаго Бога. И аще не бы Богу за умноженіе нашихъ согрѣшеній попущающу, не возможно бы проклятымъ совершити таковаго великаго начинанія.

О второй брани съ еретическимъ войскомъ.

Не по мнозѣхъ днехъ бысть вторая брань на Брыницахъ, подъ Комарицкою волостью, велика и жестока, отъ обоихъ странъ пивше смертную чашу, и падаху вѣчнымъ сномъ уснувше. Московскаго же войска Бояринъ, Князь Василій

Ивановичь Шуйскій, не могши видѣти бываемыхъ, и хотя мстити кровь Православныхъ проливаемую, и просивъ Бога на помощь и Пречистую Богородицу и Московскихъ Чудотворцевъ сродниковъ, Князей Рускихъ Бориса и Глѣба и прочихъ, и напущается со своимъ избраннымъ полкомъ съ правыя руки на сатанина угодника, и войско его посѣкая, и толь мудро и мужественно, яко раздѣлити Розстригино войско на двое, и смяте я; съ лѣвую же руку Воевода Іоанновичь Годуновъ, такожъ и иніи полцы наступиша сихъ поражая и низлагая, вси единосердечно другъ друга понуждая, еретическое Розстригино войско все возвращатися мало по малу начинаху, потомъ же обративше плещи тылъ показаша и бѣгству яшася; Православніижъ ихъ гнаша въ тылъ досязающе, поражая и низлагая подъ нозѣ, глаголюще другъ ко другу: Се братіе приспѣ жатва, жните и не ослабляйтеся, въ жатвенный день помощи отъ Бога просите; и тако многое множество живыхъ яша, маложъ ихъ и спасошася. Самъ же окаянный еретикъ Розстрига едва утече; аще не бы умча его Князь Іоаннъ Татевъ во градъ Рыльскъ, не бы спасся окаянный, и оттуду

въ Путивль градъ бѣжа съ великимъ страхомъ, и трепетомъ объятъ бысть, и конечно отчаявся надежды своея, и хотяще бѣжати въ Литву. Граждане же и вси людіе, которые предашася ему, въ размышленіи быша велицѣмъ, видѣша себе при устѣхъ меча Бориса Царя, и при сосудѣхъ мучительныхъ близь сташа, и сами себе осуждающе, яко достойни отъ Царя Бориса пріяти смерть. И начаша Розстригу укрѣпляти и молити, глаголюще: Благовѣрный Государь! нарекъ бо ся намъ Государь и пастырь, и нынѣ въ Литву хощеши отыти, насъ же беззаступныхъ кому оставляеши ни кимъ брегомыхъ? Царь же Борисъ пришедъ не повелитъ насъ имать, но горькими и лютыми муками умучитъ тебе ради. Онъ же рече имъ: войска не имамъ у себе, все прибито, и казна наша вся истощися; азъ бо не тако помышляю, яко вамъ мнится, бѣжати хощу, но иду въ Литву, да казну и войско имамъ собрати много; а преславныхъ Государствъ своихъ доступати не отстану; они же рѣша ему: ни, Благовѣрный Великій Государю! не имамы съ тобою разстатися; нынѣ бо еси въ рукахъ нашихъ, можно бо намъ Борису вину свою тобою заплатити;

нарекохъ бо ся Государь намъ и пастырь, стадо свое сохрани насъ, а не яко наемникъ бѣжащъ, видя волка; волкъ же пришедъ распудитъ и расхититъ овцы. Ты же буди пастырь добрый, полагай душу свою за ны, и мы за тебе. Бери имѣніе наше, елико мы у себя имѣемъ, а за тѣмъ пойдемъ мы всѣ своими головами, да вси помремъ за тебя Государя, и понесоша ему елико кто имѣнія имѣша; онъ же самъ едва удержася, и войско копити нача откуду елико можаше.

О плѣненіи отъ Царя Бориса Камаритской волости.

Царь Борисъ егда слыша, яко отъ Бога помощь Воеводамъ его бысть, что еретическое войско разбіенно все, а самъ еретикъ Розстрига токмо единъ утекъ, спасеніемъ Князя Іоанна Татева, пребываетъ во градѣ Путивлѣ, а помышляетъ бѣжати въ Литву, и радостенъ бысть Царь Борисъ не мало, и посылаетъ воинскихъ людей на Камаритскую волость, повелѣваетъ безъ милости вся плѣномъ плѣнити безъ остатка, и не щадити ни стара, ни мала, и мучити всякими муками, и не

пощадити женъ ихъ и дѣтей и ссущихъ младенцевъ мужеска пола и женска всѣхъ до конца истребити, и положити въ запустѣніе мѣсто то, еже и бысть: пришедше же посланніи въ Камаритскую волость, и начаша яко траву или класы жати, зрѣлое и зеленое, отъ старецъ и до юныхъ, не щадя ни честныя сѣдины, ни красноцвѣтущія юности, ни лѣпоты невѣстъ, непознавшихъ ложа мужеска, ни матерей, доящихъ младенецъ, но вкупѣ матери убиваеми со младенцы по улицамъ, и мечи прободаеми; иніижъ младенцы отъ сосецъ матернихъ отторгаеми и на копія вонзаеми, и объ мостъ, и о праги, и о стѣны за ноги емше убиваеми; красноцвѣтущія дѣвицы и жены поругаеми и оскверняеми и убиваеми; мужіе честніи мучими разными муками; что многое вдругъ рещи, всякъ возрастъ человѣческъ и скотъ безсловесный мечу и огню предаша, и зданія ихъ въ прахъ и пепелъ превратиша. Охъ! и увы, намъ грѣшникамъ! Како наказуетъ насъ Богъ за преступленіе крестнаго цѣлованія! Мы прочее накажемся крестное цѣлованіе преступати, страхъ бо есть во лжу клятися Крестомъ Господнимъ, той бо есть хранитель вселеннѣй, тѣмъ Царіе

земли и грады держать, якоже древле Пророкъ Захарія видѣвъ съ Небеси отъ Бога серпъ, сходящь на землю, клятвопреступниковъ Креста Христова жати. Се не тако же ли отъ Бога и нынѣ посланный серпъ преступленія ради крестнаго цѣлованія, имъ же пожаты быша преступленія ради? О Владыко, Творче! неизглаголанны путіе Твои, и неиспытанны судьбы Твои! Овымъ согрѣшающимъ долго терпиши, овымъ же судъ вскорѣ даеши отмщенія въ жизни сей.

О приходѣ Московскихъ Воеводъ отъ Царя Бориса въ Кромы, на взятіе града.

По нѣколицѣхъ днехъ отъ Царя Бориса съ Москвы пріиде Бояринъ и Воевода Өеодоръ Ивановичь съ великимъ воинствомъ во градъ Кромы, гдѣ сидѣлъ Атаманъ казачій Гришка Корела съ казаки и съ Кромляны, и много трудишася Московскіе Воеводы, и ничто же успѣша, но паче множество своихъ положиша; и паки Царь Борисъ посла въ Кромы Воеводъ своихъ Московскихъ, Князя Өеодора Іоанновича Мстиславскаго и Шуйскихъ, со многимъ воинствомъ, и пришедше зѣло ополчишася

на градъ, и крѣпко налегоша, и острогъ и градъ разбиша изъ снаряду до основанія, оныежъ казаки крышася въ норахъ земныхъ, и бой съ ними чиниша изъ подъ земли, такожъ и на вылазки изъ града вонъ битися выхождаху, и никако же у нихъ града взяти не возмогоша; и тако Воеводы Московскіе подъ градомъ стояху до весны. Многожъ тогда людей изомроша, стужи ради настоящія, яко зимнее бѣ время; тогда зѣло студено было, и ядовитые мразы, сирѣчь великіе быша.

О смерти Царя Бориса, во Иноцѣхъ Боголѣпа.

Борисъ же Царь слыша, яко его Воеводы ни единаго града не возвратиша отъ Розстриги, а самъ Розстрига стоитъ въ Путивлѣ, велико паки войско собираетъ, яряся и гнѣвомъ дыша, и зѣло хвалится нань, и многи непщеваху быти ему истинству; многіежъ съ Москвы и отъ дворянъ, и отъ Бояръ, и отъ всякихъ чиновъ возрыдаху о немъ, мняху бо, яко истинно той есть, иже нарицается Царевичемъ Димитріемъ Іоанновичемъ, стоитъ въ Путивлѣ, войска собираетъ изъ Литвы, и изъ многихъ

Ордъ. Слышавше Царь Борисъ бѣду сію, и зло надъ главою своею, ужасеся и бысть прискорбенъ, зане уразумѣвъ, яко фіалъ гнѣва ярости Господни нань изливашеся, и отчаявся надежды живота своего, смертнымъ зеліемъ упоивъ себе, и бысть болѣнъ, и пострижеся, и нареченъ бысть во Иноцѣхъ Боголѣпъ, потомъ же вскорѣ бысть и мертвъ, въ лѣто 7113, мѣсяца Апрѣля въ 13. день, и повелѣ положити себе въ Соборную Церковь у Архангела Михаила съ прочими Цари, ту почившими. Былъ на Московскомъ Государствѣ на престолѣ 7. лѣтъ и 6 мѣсяцовъ, а всего лѣтъ житія его было 53 лѣта, оставя не малое смятеніе земли Россійской въ незабвенную память; и по немъ остася жена его Царица Марія, да сынъ Θеодоръ именемъ, и дщерь, сущи дѣвою, именемъ Ксенія.

Народъ Россійскій видя Розстригу преодолѣвша, и всѣхъ ему покоряющихся, глаголаху, что Лжедимитрію Богъ помогаетъ, понеже де онъ прямой законной наслѣдникъ Короны Россійской. И тако Борисъ такою кончиною скончася, которою и самъ немало людей въ подозрѣніи погубилъ, убійствомъ и отравою, опасаяся всегда той отравы паче

меча Лжедимитріева. Здѣ самый образъ всѣмъ злымъ и лукавымъ похитителямъ чуждаго наслѣдія, и немилостивымъ тиранамъ, на что взирая да научатся невредити чуждаго достоинства.

Здѣ покажемъ Царя Бориса состояніе и обычай. Онъ отъ природы былъ къ господствованію склоненъ; всегда себя велъ высокимъ и гордымъ видомъ; тяжесть Государственную онъ могъ носить на себѣ. Смысла былъ остраго и проницательнаго и любовнаго; въ разсужденіи никакого недостатка не имѣлъ, и зналъ какъ свои дѣла производить къ лучшему. Въ показаніи предъ народомъ къ своей пользѣ, мало сыскать ему равныхъ; умѣлъ онъ и самъ своимъ обычаемъ обладать, какъ ему надобно; но послѣднія дѣла Самозванца Димитрія зѣло его ожесточили такъ, что въ оное время самъ своей памяти лишался, и тутъ себя всѣмъ оказалъ, что онъ его опасается, и тѣмъ онъ самъ на себя Бояръ Московскихъ привелъ въ смѣлость на учиненіе себѣ зла. Невѣрность та его къ людемъ уже такъ скучила, что которые ему и вѣрны были, и тѣ желали, чтобъ какъ бы отъ его избавиться. Онъ бы былъ противъ Димитрія счастливъ, ежелибъ не такъ жестокое невѣрствіе

и подозрѣніе на всѣхъ воспріялъ. И съ тою его Бориса Царя смертію, весь его домъ ниспаде къ премѣнѣ немалой.

Царство Θеодора Борисовича Годунова.

Тогожъ лѣта по Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ Θеодоровичѣ всея Россіи, сяде на Московское Царство сынъ его Θеодоръ Борисовичь; тогда ему сущу 16 лѣтъ. Аще бо юнъ сый тѣлеснымъ возрастомъ, и не многочисленъ лѣты бысть, но смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами украшенныхъ, бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякаго философскаго Естественнословія, и въ благочестіи присно упражняшеся, злобы же и мерзости и всякаго нечестія отнюдь всяко ненавистенъ бысть; тѣлесною же добротою возраста и зрака и благолѣпною красотою, аки кринъ въ терніи паче всѣхъ блисташеся. Аще бы не тартарный мразъ цвѣтъ благородія его раздробилъ, то мнилъ бы убо быти того плоду потребна всяческому добру. Посылаетъ же онъ благородный въ полки по Воеводъ, и повелѣваетъ быти къ Москвѣ Князю Θеодору Ивановичу Мстиславскому и Князь Василью,

да Князю Димитрію Шуйскимъ; а вмѣсто тѣхъ Воеводъ осташася два единородные брата Князь Василій, да Князь Іоаннъ Голицыны, Михайло Салтыковъ, да Иванъ Годуновъ; ещежъ послаша съ Москвы къ нимъ Воеводъ: Князь Михайла Кафтырева-Ростовскаго, да Петра Басманова, и Митрополита Новгородскаго Исидора къ крестному цѣлованію войско привести, за Царя Өеодора Борисовича, и за матерь его Марію и сестру Ксенію. Инніи въ полкахъ крестъ цѣловали, друзіи же не хотяще и Митрополита къ Москвѣ отослаша, иже бо мнози тогда возмутишася отъ прелести кровояднаго львичнаго щенка, Гришки Розстриги Отрепьева, иже всѣмъ въ Россіи тишину житія, аки лютая буря возмути.

Видѣвше же сіе Московскіе Воеводы, Князь Василій и Князь Іоаннъ Голицыны, да Петръ Басмановъ, и Михайло Салтыковъ въ полкахъ смятеніе, и они усумнишася, и призвавше къ себѣ многіе дѣти Боярскіе, Новгородскіе и Рязанскіе въ полки Розстригины. Атаманъ Корела съ казаками своими и съ Кромляны, паки наступиша на достальную силу Московскую и всю смятоша, и въ бѣгъ обратиша, и гоняще ихъ не

сѣкуще, но біюще и грабяще, и глаголаху имъ: да потомъ на бой не исходите. Воеводужъ ихъ Іоанна Годунова поимавше, и въ Путивль градъ къ начальнику своему Розстригѣ отослаша, и радостныя къ нему вѣсти послаша о пріѣздѣ къ нему Московскихъ Воеводъ со многими воинскими полки; что и Рязанскіе дѣти Боярскіе со всѣми городы и селы своими по Окѣ рѣкѣ приложишася къ нему. Розстрига же радости наполнися великія, и горесть сердца своего услади; Ивана же Годунова велѣлъ въ темницѣ затворити, Воеводъ же и съ полками ихъ ко крестному цѣлованію привести. Князь же Михаилъ Кафтыревъ - Ростовскій, да Семенъ Чемодановъ съ сею вѣстію къ Москвѣ утекоша; еретикъ же Розстрига со всѣми своими вои собрався, и со многимъ дерзновеніемъ на Калугу пріиде, и посла въ Царствующій градъ Москву грамоту съ гонцы, къ Боярамъ, и Окольничимъ, и Дворянамъ большимъ, и Стольникомъ, и Стряпчимъ, и Жильцамъ, и дѣтямъ Боярскимъ, гостямъ, и гостиныя сотни, и торговымъ лучшимъ и средней статьи, и всякимъ черныхъ сотенъ людемъ съ великимъ ухищреніемъ и прелестію, именуя себя сущимъ Царевичемъ Дими-

тріемъ Іоанновичемъ, и обѣщавая имъ свою милость и льготу во всемъ чинити. И прочетше ея на лобномъ мѣстѣ предъ всемъ множествомъ народа Московскаго Государства.

Слышавше же посланіе народъ, возмнѣша, какъ и прежде, быти его истиннаго Царевича, и возрадовашася радостію великою, и возшумѣша яко буря свирѣполезная, и растекошася по Царству Московскому, и безъ милости нападше на всѣ дворы роду Годуновыхъ, и всѣ во мгновеніе ока восхищены быша всенароднымъ множествомъ, и все имѣніе ихъ расхитиша; а предобраго Царя Ѳеодора Борисовича немилосердыми рукама отъ Престола Царскаго отторгнувше. Матижъ его терзаше власы главы своея, умильно къ народу съ плачемъ молящися, дабы ихъ пощадили; но они блюдомы быша до Розстриги. Видѣвше же сіе Московстіи народи, Бояре и Воеводы бываемое отъ гражданъ, и тіи взяша щиты и копія, и просто рещи, все оружіе полагаху предъ Розстригою; срѣтоша же его на Тулѣ, и вси падоша на лице земли предъ нимъ, а со щитомъ онъ богомерзкій еретикъ не взя самъ ни единыя вѣси, не точію каковаго либо мала града. И тако са-

танинъ угодникъ Розстрига, аки вепрь изъ дубравъ многодревнихъ на Московское Государство со многими людьми Польскими и Литовскими, и клятвопреступники Русскими, борзыма ногама наскочи, и вся грады Русскія, страны и мѣста, ово убо лестію, ово озлобленіемъ поработи себѣ. Благороднагожъ и Благовѣрнаго Московскаго Государя Царя Ѳеодора Борисовича злолютою смертію осуди, его же и съ матерью удавити повелѣ прежде своего пришествія, бысть точію два мѣсяца на Московскомъ Государствѣ послѣ отца своего, въ малѣ Царствія Державы насладися; и тако аки тихъ овенъ, ни на чтожъ злобы имущъ, съ матерью его удавленіемъ скончашася; о немъ же мнози отъ народа тайно въ сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное его житіе, но избавляющихъ ни единъ обрѣтеся. Въ день бо ярости, рече: не пользуетъ имѣніе много.

Царство Розстриги, Гришки Отрепьева, иже лжею и лукавствіемъ взятъ на ся имянованіе новаго страстотерпца, Царевича Димитрія Іоанновича Углицкаго.

Въ лѣто 7113, по Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Борисовичѣ, восхитилъ Престолъ Россійскаго Царствованія Розстрига, Гришка Отрепьевъ, преждебывшій черной діаконъ, иже лжекозниственно именоваше себя Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ, сыномъ Великаго Московскаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи Самодержца, иже зависти ради Царскія убіенъ бысть отъ злыхъ крамольниковъ на Угличѣ; о немъ же писано въ Царствѣ блаженныя памяти Царя Ѳеодора Іоанновича. Сей же бысть отъ рожденія не славенъ, не великородныхъ, но отъ послѣднихъ людей служилыхъ въ чинѣ дѣтей Боярскихъ. Бысть убо человѣкъ зломысленъ, реченіемъ же многословесенъ, и ко книжному чтенію борзозрителенъ, но не благонравенъ, лукавъ же и скверноуменъ, и естествомъ плоти не зраченъ и скудоростенъ, а сердцемъ лихъ и свирѣподушенъ, и исполненъ вся-

каго пронырства лукаваго и бѣсованія; ядовитъ злобою, аки сквернодыхательная скорпія, иже зрѣніемъ уязвляетъ. Многіе глаголютъ о немъ, яко по всему уподобитися ему нравомъ и дѣлы скверному законопреступнику и нечестивому мучителю Царю Іуліану, иже съ бѣсы волхвуя, и вся проклятыя дѣла похваляя, а на правовѣрное Христіанство лютое мучительство простирая, и хваляся страны Греческія искоренити; но не попусти ему сила Христова конечнѣ сего сотворити; такожъ и сей мерзкоядный вепрь оставилъ убо благочестивую вѣру, и поправъ чинъ діаконскій, и свергъ съ себе свѣтлое одѣяніе иноческое и вѣру православную, юже утвердиша седмью Святыми Вселенскими Соборы Богоносніи Отцы, сію поносивъ глаголаше: а что то за Соборы? Можно, рече, быти осьмому или девятому Соборамъ; такожде и о Латинѣ глаголаше, яко нѣсть порока въ нихъ, единако все, якоже вѣра Латинская, тако и вѣра Греческая. И тако онъ въ разговорахъ и во всякихъ совѣтахъ сталъ быть открытъ, занеже ему обычаи Русскіе не зѣло пріятны были, но чужестранные всегда сталъ выхвалять. Такожъ зѣло противно и дико Россіяномъ казалось, что при

столѣ его во время обѣда музыканты играли и концерты пѣли въ такой Царской палатѣ, въ которой постановлено было много Святыхъ Иконъ; а обыкновеніе древнее Россійскихъ Царей было, что предъ кушаніемъ кропили Святою водою Святыя Иконы и трапезу, то онъ Лжедимитрій оставилъ; также и самъ онъ сталъ ходить во дворцѣ и во всемъ Кремлѣ просто безъ провожанія Бояръ своихъ, токмо съ двумя пажами своими; тако въ церкви и монастыри приходилъ, такожъ часто сталъ употреблять ловчую охоту, и ѣздить всюды гулять и смотрѣть по граду. Всѣ тѣ его поступки Россіяномъ стали быть дики и противны; такихъ они поступокъ отъ прежнихъ Царей не видали, ибо за великое дѣло и счастіе почитали, когда кто Царя въ кой день увидитъ, и когда Цари себя народу казали, то съ великою церемоніею то чинилось, а не просто. Къ томужъ Россіяномъ было зѣло противно, что къ нему было прислано нѣсколько Езуитовъ, которыхъ Папской Нунціусъ изъ Польши ко двору Московскому прислалъ, чтобъ они ему воспоминали о привожденіи и умноженіи со временемъ въ законъ Католицкой Россіянъ.

Поя же и жену себѣ некрещену Латинскія вѣры изъ Литвы, дщерь Юрья Пана Сендомирскаго, и наведе съ собою изъ Литвы въ Московское Государство множество людей Польскихъ и Литовскихъ, (о чемъ показано будетъ ниже) и бысть тогда отъ нихъ всѣмъ Россійскимъ людямъ великое гоненіе, насильство и поруганіе всяко; понеже обѣщася имъ, чтобъ въ Россійскомъ Государствѣ во всемъ волю ихъ творити, и вѣру ихъ ввести и всяко утвердити. И сего ради на православныя воздвизая пламень ярости, аки злодыхательная буря надымаяся, низвергнути хотя въ земли Россійской Христово благочестіе, якоже Іуліанъ, но возбрани ему Всемогущаго Бога непобѣдимая сила, и неистовое его стремленіе вскорѣ разруши и изчезновеніемъ возбрани; какожъ изчезе окаянный, послѣди объявится. И егда сутъ не у еще вшедшу ему во внутренній градъ, идѣже бѣ обиталища Царская, первое сотвори дѣло благое, и не по своему си разуму и хотѣнію, но по Божію изволенію, яко не подобаетъ душеубійцамъ и разбойникамъ съ праведными водворятися, повелѣ того преждепомянутаго святоубійцы Бориса Годунова тѣло, изъ Архангельскаго Со-

бора отъ Царскихъ родителей извлещи съ поруганіемъ на сонмище, и зрящимъ всякому нань, яко сей есть Борисъ, иже прежде подсѣче благій цвѣтъ древа великаго, и пожа немилосердымъ серпомъ своимъ и иныхъ множество, яко цвѣтія травнаго, или яко листвія смоковнаго, се нынѣ гдѣ самъ обрѣтается? Яко единъ отъ неимущихъ поверженъ на позорищи; и тогда Розстрига Лжедимитрій повелѣ тѣло его, жены и сына его погребсти въ убозѣмъ Монастырѣ дѣвичьѣ, иже именуется Варсонофіевъ; и потомъ пойде во градъ Москву съ великою славою. Самъ онъ ѣхалъ на убранномъ конѣ съ немалымъ киченіемъ. Памяти достойно дѣло тогда надъ нимъ Лжедимитріемъ учинися: егда бо онъ на большую площадь въ Кремль пріѣхалъ, тогда нечаянно, не вѣмъ откуда, нечистый духъ его аки сильный вихрь окружилъ, и съ великимъ порываніемъ его и съ лошадью носилъ, и потомъ бросилъ на землю; и егда онъ возсталъ, то въ палаты Царя Бориса не пошелъ, но во обиталища Царская вниде, и начаша Московстіи людіе познавати его, которые знали его первѣе; позна и обличи его первострадальный Бояринъ, Князь Василій Іоанновичь Шуйскій,

законопреступника, Гришку Отрепьева Розстригу, и богомерзкаго еретика нарече. Убояся же окаянный обличенія, и умысли со единомышленники своими своего лукаваго совѣта, смерти предати его. Въ день Субботный, въ третій бо день по прибытіи его въ Царствующій градъ Москву Іюня въ 25 день, давъ того Боярина и со единокровными его братіями за стражи.

О изгнаніи съ престола Патріарха Іова Московскаго и всея Россіи.

Блаженнаго же и смиренномудреннаго, медоточныя сладости источника Іова Патріарха, ругательно отъ престола Великія Церкве отринути повелѣ, и отгнавъ Іюня въ 24 день, въ Недѣлю; а на его мѣсто возведе на престолъ единомышленника себѣ Игнатія Патріархомъ, родомъ страны Италійскія. Іюняжъ 26 числа, въ Понедѣльникъ, повелѣ того великаго Боярина посреди града смерти предати, мечемъ главу его отсѣкнути предъ всемъ множествомъ народа, дабы и прочіи обличати его ужасалися и не дерзали. Приведену же бывшу Боярину среди града на позоръ, и положена быша близь его плаха и сѣкира, около же его

поставлены быша многіе стрѣльцы со оружіи, и Паны и Черкасы и Жиды вооруженны; такожъ и по всему граду, по стѣнамъ и по башнямъ вооруженныхъ, множествожъ народа предстояще со всего Московскаго Государства, страха, трепета и ужаса исполнени, и тако въ сердцахъ своихъ воздыхаху. Возставше же Михаилъ Салтыковъ, да Петръ Басмановъ, ѣздяху по всему народу, и изложенный Розстригою списокъ прочитающе сице: Сей великій Бояринъ, Князь Василій Шуйскій, мнѣ природному своему Государю Царю и Великому Князю Димитрію Іоанновичу всея Россіи, измѣняетъ, и разсѣваетъ неприличныя рѣчи, не хотя меня на Государствѣ Царемъ видѣти, и остужаетъ со всѣми Бояры и людьми Московскаго Государства, и со всѣми Православными Христіаны; называетъ меня еретикомъ Гришкою Отрепьевымъ Розстригою, и за то его осудили мы смертію казнити, да умретъ. Ибо сіе не мною, не новоуложилось, но отдревле отъ прародителей нашихъ, что за измѣну казнити, не щадя ни дяди, ни брата, ни сродниковъ своихъ, ни великихъ Бояръ; и отъ того страха и трепета наполнишася вси слезъ. Человѣколюбивый же Творецъ

нашъ и Создатель, не попусти оному быти, и призрѣ на свое созданіе, хотя симъ страстотерпцемъ невѣсту свою, еже есть Церковь Божію, и Московское Государство сохранити отъ раззоренія еретическа, и за правое его страданіе прославити и выше всѣхъ учинити, якоже своими праведными устны рече: Прославляющія мя прославлю; Господь избави того великаго Боярина отъ сего законопреступника неправеднаго меча, и отъ неповинныя смерти свободи его; преложи угрызающаго змія въ мало сокрощеніе, еже не ухапити его своими отверзтыми челюсти, повелѣ того преждереченнаго Боярина Князя Василія Іоанновича отъ смерти свободити, и съ единокровными его братіями, Княземъ Димитріемъ и Княземъ Іоанномъ Шуйскими, по дальнымъ городамъ разослати въ заточенія; а домы ихъ и имѣнія повелѣ расхитити и расточити. И пребысть въ томъ заточеніи, яко мимошедшу году; вся же сія пострадаша любве ради Христовы за истинную Православную Христіанскую непорочную вѣру. Потомъ же вскорѣ паки Розстрига Лжедимитрій, повелѣ Шуйскаго возвратити, и въ первое его достоинство опредѣлилъ, и то онъ Лжедими-

трій зѣло неосторожно учинилъ, самъ себѣ змія въ свои нѣдра посадилъ. Потомъ для лучшей своей безопасности, во охраненіе свое принялъ къ себѣ въ службу 300. человѣкъ чужестранныхъ, и учинилъ ихъ своею волею Лейбгвардіею.

О пришествіи Царицы Мареы Ѳеодоровны кЪ МосквѢ, отЪ заточенія Борисова.

Тогожъ года Іюля въ 18 день, въ Четвертокъ, пріиде къ Москвѣ Царица Марѳа Ѳеодоровна. Тогда Лжедимитрій и прочіи Бояре Московскаго Государства, встрѣтиша ея за нѣсколько верстъ съ чесшію, и самъ той Гришка Отрепьевъ, творися, яко сынъ ея присный, родившійся отъ нея Димитрій Іоанновичь, по отданіи ей, какъ надлежитъ сыну, поклона, пойде за нею до самыхъ палатъ Царскихъ со всѣми пѣшъ, и какъ могъ, такъ почиталъ ея, яко матъ свою; и по наказанію его и великому запрещенію, нарицаетъ она того сына своего суща. Нѣцыи же видяху Болярина Шуйскаго мужественное дерзновеніе, и распаляющеся огнемъ душевнымъ и желаніемъ сердечнымъ, и ревнуя поревноваша той же дерзости отъ Хри-

стоименитыхъ Инокъ, хотяще умрети за истинную Христіанскую вѣру и благочестіе, по дѣйству Святаго Духа; узрѣвъ же сердечныма очима сущаго быти еретика и законопреступника, и начаша, яко трубы велегласно посредѣ народа вопити, и проклятую его ересь обличати, тако глаголюще: О мужіе, народи Московстіи, и все Православныхъ Христіанъ множество! Воистинну суще глаголемъ вамъ, яко нѣсть сей Царь, ни сынъ Царевъ, иже нынѣ на Москвѣ царствуетъ, но сущій законопреступникъ Гришка Розстрига, проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ, иже прежде во Святѣй Соборнѣй Апостольстѣй Церквѣ Пресвятыя Богородицы, Честнаго и Славнаго Ея Успенія Соборнѣ и проклинаемъ бысть. Онъ же лютѣ палимъ бысть огнемъ ярости, по сатанину навожденію, къ ихъ погубленію, и повелѣ сихъ имати и многимъ различнымъ мукамъ предати, и по дальнымъ странамъ Россійскія области въ темницы многихъ затворити, и съ великою крѣпостію и утвержденіемъ заклепати; а иныхъ безъ милости смерти предати, и вонзи страхъ и трепетъ въ сердца человѣческая, яко и знающимъ его изящно, никому же смѣющу зрѣти

нань, нежели обличати смѣющу его. И вскорѣ треклятый воцарися, тогожъ 7117 года Іюля въ 1 день, въ Недѣлю, и нача многія пакости въ Царствующемъ градѣ творити Православнымъ Христіаномъ, и многихъ черницъ юныхъ осквернилъ, и отроковъ и отроковицъ также многихъ растлилъ, и великій плачь и рыданіе въ народѣ сотворилъ.

О сотвореніи Розстригѣ на Москвѣ рѣкѣ ада.

И сотвори себѣ въ маловременной сей жизни потѣху, а въ будущей знаменіе превѣчнаго своего домовища, его же въ Россійскомъ Государствѣ ни гдѣ, кромѣ подземнаго никто же на земли видѣ. Адъ превеликъ зѣло, имѣющъ у себя три главы, и содѣла обоюду челюстей его отъ мѣди брящала; егда же разверзетъ челюсти своя, изъ внѣ его, яко предстоящимъ ту слышати, во устѣхъ его веліе брящаніе; зубы же ему имѣющу осклабленны, и ноги его, якобы готовы на ухапленіе, и изо ушію его пламени распалявшуся. И постави его проклятый онъ прямо себе на Москвѣ рѣкѣ себѣ во обличеніе, дабы ему изъ превысочайшихъ своихъ обиталищъ зрѣти нань всегда,

и готову быти въ некончаемые вѣки во адъ на вселеніе, и съ прочими единомышленники своими.

О женидьбѣ Розстригиной въ Москвѣ.

Потомъ же совѣтомъ его злымъ съ Патріархомъ Игнатіемъ, покорившеся вси Митрополиты и Игумены, и весь первоначальствующихъ Священный чинъ, и Князи и Бояре со всѣми начальствующими войскомъ, написавше писаніе и приложивше руки, и послаша съ Послами въ Королевство Польское, просяще у Пана Сандомирскаго дочери тому Розстригѣ въ жену, и истинно свидѣтельствующе о немъ въ тѣхъ писаніяхъ, яко праведно онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича, Царевичь Димитрій Іоанновичь, а вси уже знающе, яко Розстрига Гришка Отрепьевъ, и якоже колесница Фараонова неволею связашася, и Всероссійское Государство въ безуміе вдашася, и возлюбиша вси лесть и совершенное лукавство; той бо окаянный Розстрига самъ прежде усовѣтова съ Сандомирскимъ Паномъ, егда бысть въ Польшѣ еще въ домѣ его питаяся; такожде и Розстрига послалъ въ Польшу

Секретаря своего Аѳеріацея Иванова сына Ѳеласія, со многими высокодражайшими дарами къ помянутому Сандомиру, которое сокровище онъ взялъ изъ кладовой палаты преждебывшихъ Россійскихъ Царей; Россіяномъ же и то противно было, чтобъ лучше Розстрига себѣ въ супружество понялъ изъ фамиліи Россійской, понеже Польская природа Россіянамъ зѣло противна, и особливо, что она Католицкаго закона. Всѣми тѣми противными поступками Димитрій впалъ у Россіянъ въ ненависть и злобу. И тако Панъ Сандомирскій ятся пути въ Россію, веземъ съ собою дочь свою Марину на бракъ беззаконный пиршественный, Поляковъ 600 человѣкъ, стрѣльцовъ и избраннаго воинства.

Между тѣмъ Лжедимитрій ожидая изъ Польши невѣсты своей, нача уготовлятися со всякими поспѣхами, которые бы нѣчто являли, яко бы онъ выигралъ Россію, такожъ которымъ Бояромъ запрещено было отъ Бориса Годунова чрезъ бракъ между себя совокуплятися свойствомъ, то онъ имъ позволилъ. Тогда Милославскій понялъ себѣ въ жену ближнюю свойственницу старой Царицы, которая церемонія богато чрезъ два дни при Лжедимитріи

отправлялась. Шуйскій такожде поняль жену, ближнюю Милославскаго родственницу. И въ такихъ забавахъ и веселіяхъ Лжедимитрій обращаяся съ Бояры Россійскими зѣло любезно и просто, аки бы обычаемъ свойственнымъ.

Нѣкогда Лжедимитрій поѣхалъ для гулянія и забавы версты за три отъ Москвы, съ компаніею Московскихъ и Польскихъ людей, повелѣлъ сдѣлать изъ снѣгу шанцы; Россійскихъ людей посадилъ въ шанцы, а самъ съ Поляками сталъ оныя аки бы приступомъ брать. Поляки между снѣгомъ стали ледъ и каменья употреблять къ приступу, и бросаючи уязвили Россійскихъ нѣкоторыхъ и до крове, чѣмъ Россіянъ привели въ немалое сердце, и на то Россіяне ожесточишася, всякій вынявъ ножъ изъ ноженъ съ яростію отмстить хотѣли, но едва ихъ то жестокосердіе утолися.

Лжедимитрій (то есть Гришка Розстрига Отрепьевъ) видѣлъ отъ Россіянъ день отъ дня всегда болѣе ихъ смѣлость, и худое ихъ къ нему намѣреніе. Одинъ Дьякъ или Секретарь, за невѣжество предъ нимъ казненъ смертію; но прежде много онъ претерпѣлъ мученія, не хотя въ томъ признать себя

виновнымъ. Знатный Бояринъ Михайло Тарховъ, котораго Лжедимитрій зѣло жаловалъ, и въ немаломъ кредитѣ былъ у него, но онъ Тарховъ, пренебрегая милость Розстриги онаго, обратя себя къ Шуйскому, поносилъ Лжедимитрія, яко онъ употребляетъ въ снѣдь телячье мясо, что закону и обычаю нашему противно; отъ чего возстало немалое смятеніе. Въ 1606 году Апрѣля 20 дня, онъ Лжедимитрій былъ уже и отъ Государствованія выключенъ, но паки умоленъ и призванъ.

Потомъ Лжедимитрій вскорѣ получилъ удивительную вѣдомость, которая ему не мало сумнѣнія навела. Во время самаго ожиданія его невѣсты своей, между Казани и Астрахани собралось 4000 казаковъ, которые по рѣкѣ Волгѣ всѣ мѣста и жителей пограбили, имѣя у себя нѣкоего отрока, лѣтъ 17, который, яко бы истинно сынъ Царя Ѳеодора Іоанновича, называя его Петромъ Ѳеодоровичемъ, рожденну же быти отъ онаго Царя Ѳеодора Іоанновича и отъ Царицы Ирины, сестры Бориса Годунова, и яко бы Борисъ Годуновъ, ненавидя быти сына у Царя Ѳеодора Іоанновича, обмѣнилъ его дѣвицею, имущу уже въ то время ему Петру быти

трехъ лѣтъ. И тако тѣ казаки, не имѣя себѣ награжденія отъ Розстриги, ради обогащенія своего, чтобъ было подъ какимъ ни есть видомъ какую добычу получить, такое возмущеніе учиниша. Лжедимитрій туда писалъ тако: Когда онъ есть прямой сынъ Царя Ѳеодора Іоанновича, то бы безъ всякаго опасенія и кровопролитія ѣхалъ въ Москву, гдѣ я его приму съ честію, и готовъ ему тотъ Пресполъ и Корону Россійскую уступить, а ежелижъ онъ какой самозванецъ (хищникъ) и обманщикъ, тобъ онъ заблаговременно убирался и спасалъ животъ свой. Но еще къ нему то письмо Лжедимитріево не пришло, оный Петръ умре, и казаки всѣ по раззореніи нѣкоихъ мѣстъ, насытяся разбѣжались. И тако печаль Розстригина миновалась, а невѣста его Маія 1 дня прибыла счастливо въ Москву со многими тысящи знатныхъ Поляковъ, и со многими вооруженными воины со отцемъ своимъ Воеводою Сандомиромъ, съ великою славою и богатымъ убранствомъ. И какъ она на тоежъ площадь въ замокъ пріѣхала, такой же злой возсталъ вихорь, какой былъ во время пріѣзда Лжедимитріева, о чемъ выше сего упомянуто, знаменуя великое возмущеніе, беспо-

койство и ненастіе, которое вскорѣ учиниться имѣетъ. Потомъ она повезена въ Монастырь къ Царицѣ, мнимой матери самозванцовой, и тамо нѣсколько дней пребывала. Тогда оный Розстрига зѣло веселился, а напротивъ того народъ Россійскій не мало въ печаль приходилъ, видя множество вооруженныхъ Поляковъ, и къ томужъ видѣли Россіяне въ Польскихъ палубахъ много привезеннаго оружія. Поляки въ Москвѣ своевольно все творяху, тѣмъ наипаче Россіянъ въ злобу и ярость на себя привождаху. Такожде и Бояринъ Шуйскій не малый въ народъ огнь возгнѣздя, и противъ Поляковъ ихъ поощряя, ожидалъ того, чтобъ взятое изъ дому Царева посланное сокровище паки съ невѣстою его Лжедимитрія возвратилось. И егда уже стало время приближатися къ пролитію человѣческой крови, тогда Шуйскій созвавъ знатное и вѣрное ему Шляхетство Россійское, и прочихъ служивыхъ и купецкихъ людей, предложилъ имъ рѣчь свою: Посмотрите, любезная братія! въ какую бѣду пришла наша Россія! Уже мы ничто иное, какъ плѣнники и подданные учинилися Поляковъ, отъ чего мы издавна опасеніе имѣли; но насъ ничто иное на то под-

данство привело, какъ то, что ни кто изъ насъ не хочетъ нашу природную отчизну принять, и за ея вступиться. Димитрій сей, котораго мы числяемъ быти сына Царя Іоанна Васильевича, нѣсть той Димитрій, но бѣглецъ и монахъ Гришка, который еще изъ Россіи при Царѣ Борисѣ бѣжалъ въ Польшу. Онъ нынѣ пришедъ къ намъ хочетъ ввести намъ законъ новый, и уже тѣ Поляки и наши Святыя Церкви обругали, входя съ собаками, и ни ктожъ смѣя имъ возбранити. Царскія сокровища будутъ вскорѣ всѣ истощены и въ руки Польскія преданы за то, что они ему вспоможеніе возшествія на Царство учинили; а напослѣдокъ онъ не устыдился насъ и Польскую невѣсту себѣ привести, пренебрегая всѣхъ нашихъ Княжескихъ и Боярскихъ дщерей. Друзи мои любезніи! Еще есть время; посмотримъ, и потщимся потушить искру въ пепелѣ сущу, пока не учинитъ великаго пламени и не погубитъ всѣхъ насъ. Я вамъ всѣмъ обѣщаюсь, что готовъ всегда положить главу мою за вѣру нашу, но и васъ прошу, чтобъ вы мнѣ способствовали, и всѣмъ Россійскимъ людемъ то въ тайнѣ объявили, дабы намъ сего Лжедимитрія съ его Поляки до конца

искоренити, а себя отъ его подданства избавити. Мы оное безъ всякаго опасенія легко можемъ учинить, понеже Поляки стоятъ по разнымъ домамъ не въ соединеніи, къ томужъ они нынѣ находятся въ безопасности, готовяся къ веселію наступающаго брака; также можно на нихъ и въ нощь учинить нападеніе, и погубить ихъ всѣхъ, и свободить градъ Москву отъ таковаго Польскаго ига; только надобно на то согласіе имѣть; и положить время и знакъ такой, когда оное начинать надобно, о томъ тайно всѣмъ служивымъ повѣстить; и тако положиша, чтобъ во время того сочетанія ихъ смѣсить кровь Польскую Лжедимитрія бракомъ. Потомъ въ 8 день по пріѣздѣ невѣсты, яко то въ 8 день Маія 7114 года, въ Четвертокъ, въ Праздникъ Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, противу Пятка, и на память Великаго Святителя и Чудотворца Николая, той окаянный законопреступникъ вѣнчался съ немалою церемоніею; потомъ учредилась и коронація невѣстина Короною древнихъ Царей Россійскихъ. Истинно жалости достойно, что такой лжецъ и самозванецъ произвелъ себя въ такое знатное и великое

дѣло. И тогожъ Маія 8 поѣхали женихъ и невѣста со всѣми знатными Россійскими и Польскими Господами изъ Монастыря въ Москву во дворецъ съ великою церемоніею. При той великой церемоніи хотѣла невѣста, чтобъ ее короновали въ платьѣ ея Польскомъ, но Россійскіе Бояре въ томъ крѣпко сташа, не соизволяюще на сіе, принуждена та Марина надѣть на себя Россійскій уборъ, и тако коронована сѣдящая на стулѣ, въ которомъ было три тысячи превеликихъ и неоцѣненныхъ алмазовъ, и другими драгоцѣнными каменьями изукрашенъ былъ. Сей неоцѣненный стулъ присланъ былъ въ подарокъ отъ Персидскаго Шаха къ Царю Іоанну Васильевичу. Но на другой день Марина скинула Россійское платье, и стала ходить въ Польскомъ уборѣ, и тако во всѣ тѣ долгопротяжные церемоніальные дни ходила она въ уборахъ Польскихъ, что всего противнѣе Россіянамъ казалось. Польскій Посолъ въ главной церемоніи во время обѣда Царскаго, не былъ къ тому удостоенъ, хотя Россійскій во время тамъ въ Польшѣ отправляющейся церемоніи присутствовалъ за столомъ съ Королемъ. Но послѣ отъ Лжедимитрія уже особливою честію за то по-

чтенъ. Въ нѣкоторый публичный день сей церемоніи, онъ Посолъ Маія 12 дня имѣлъ честь сидѣть съ однимъ Лжедимитріемъ за обѣдомъ Царскимъ за особливымъ столомъ. Та церемонія, особливо произвела въ сердцахъ Бояръ Россійскихъ ненависть отъ того, что они увидѣли, какъ Лжедимитрій употреблялъ съ Посломъ въ снѣдь телячье мясо, которое Россіянамъ за великую, противную и нечистую вещь казалось. Они же признавали его совсѣмъ яко раскольника, или отпадшаго отъ закона Греческаго исповѣданія, разсуждая, что онъ уже явно всѣмъ творитъ противно, уничтожая вѣры нашея Греческія преданія, вводя чужестранный злый обычай; такожъ присмотрѣно за нимъ Лжедимитріемъ, что онъ по совокупленіи брака не употреблялъ по обычаю Россійскому, для измытія своего тѣла бани, и не мывши себя отъ ложа входилъ въ Церковь, и всегда вводилъ за собою множество Поляковъ.

Во время публичной церемоніи, когда Россійскіе Бояре по обычаю древнему дары свои новобрачнымъ приносили, въ тотъ день было во дворцѣ великое веселіе. Тогда единъ изъ Поляковъ, драбантъ Лжедимитріевъ, слыша у Бояръ

худое разсужденіе о Лжедимитріи, началъ было вступать въ ссору, и пришедъ Лжедимитрію объявилъ; но Бояре укротили то, объявляя, яко бы драбантъ сильно шуменъ отъ вина. И хотя Лжедимитрій ни во что то вмѣнилъ, однако ему тесть его, Воевода Сандомирскій и вѣрный ему Петръ Басмановъ, совѣтовали остерегаться, и приказывали впредь того предостерегать.

Таже злый Розстрига еретикъ Лжедимитрій, пачежъ Гришка Отрепьевъ, послѣ женидьбы своея воздвиже велію бурю и гоненіе на Христіяны. Отверже Христіанскую вѣру, начать субботствовати по Римски, якоже обѣщася Папѣ о томъ, а въ Среду и въ Пятокъ млеко и телчія мяса, и прочія отъ нечистотъ ясти; и бысть тогда отъ множества жидовъ и Литвы всѣмъ Русскимъ людемъ великое гоненіе, и насильство и поруганіе всяко, понеже онъ обѣщался имъ, чтобъ ему въ Россійскомъ Государствѣ во всемъ волю творити ихъ, и вѣру ввести и всяко утвердити. И сего ради на православныя воздвизаетъ ярость, и хваляся, аки злодыхательная буря надымаяся, истнити хотя въ земли Россійстѣй Христово благочестіе, якоже Іуліанъ Богоотступ-

никъ, но возбрани ему непобѣдимая сила Христова, и неистовое стремленіе вскорѣ разруши и дерзновеніе поразм, не по мнозѣ бо времени сласти насладився. Первое умысли сей окаянный гонитель со всѣми злосовѣтники Маія въ 18 день, то есть въ праздникъ Святаго и Славнаго Христова Воскресенія, хотящу сему зломысленному и немилостивому, якоже Ѳоцѣ мучителю, Константину гноеименитому и Іуліану законопреступнику, или яко Фараону на Израильтяны, изостривщу мечь, еже посѣкати до останка православныхъ Христіянъ, и туне и неповинно кровь ихъ проливати, дабы той радостный праздникъ Христова Воскресенія преложити въ день плачевный, и Святыя бы мѣста осквернити, иноческіе монастыри низложити и превратити въ домы поганцамъ; и оныхъ иноковъ и инокинь, по злонравію своему, образа иноческаго лишити, и въ свѣтлыя одежды облачити. Таже умысли окаянный иноковъ женити, а инокинь замужъ давати, и нехотящихъ повергнути Ангельскаго образа, всѣхъ подъ мечь подклонити. И вся оная злая въ сей недѣльный день умысли окаянный сотворити, и наполни Россійское Государ-

ство поганыхъ иновѣрцовъ Литвы, жидовъ и Поляковъ и иныхъ скверныхъ вѣръ, яко и Россійскихъ людей въ нихъ мало зрѣти было.

О смерти еретика Розстриги, Гришки Отрепьева съ проклятыми злосовѣтники его.

Искони же сотворивый насъ рабовъ своихъ Владыка Творецъ, Богъ и Создатель нашъ, не забы, якоже обѣщася намъ, и утоли отъ насъ рыданіе слезное, и не попусти дивіему звѣрю поядати избраннаго своего стада словесныхъ овецъ, и не приложи дне тридневнаго своего Воскресенія намъ вѣрнымъ рабомъ своимъ во оскорбленіе, и сему злобному зіяющему змію насъ поглотити, и Субботный день предположи ему въ вѣчное погубленіе и въ неутѣшный плачь и рыданіе въ некончаемые вѣки, и обрати Господь Богъ изощренный имъ мечь на его выю и на единомышленниковъ его окаянныхъ поганцовъ, по писанному: ровъ изры и ископа и впадетъ въ яму, юже содѣла. Онъ бо окаянный законопреступникъ, восхотѣвый пребыти у древнія злобы и мерзости запустѣнія, возгордѣвшагося са-

шаны въ нѣдра предшекшаго Іуды, пощцався быши еще и у самаго сашаны въ пропасшѣхъ адовыхъ, превысочайшимъ наименова себе, не шочію Царемъ, но и непобѣдимымъ Цесаремъ, всея земныя и мимошекущія славы лиши себе. Сице бо вскорѣ вниде во ушеса Боляромъ и всему народному множесшву, кончина и смершь предпосшавленная и уготованная ошъ Розсшриги; и ужасошася въ сердцахъ своихъ, и вси въ недоумѣніи быша, невѣдуще что сошворити, и глаголюще: аще воспрошивимся, нужной смерши избудемъ, аще ли вдадимся въ руки еретику, единъ судъ пріимемъ; и изліяся на ня духъ разума, силы и дерзновенія.

Бояринъ Шуйскій усмошрѣвая время, чшобъ Поляки со Лжедимишріемъ безъ всякой осшорожносши благонадежны учинились. И егда онъ усмошрѣлъ себѣ благополучное шакое время, уже имѣлъ 20000 человѣкъ вооруженныхъ и гошовыхъ на шо кровопролишіе, аки жадные волки шого ожидаху. Егда уже вся усшроися, шо повелѣлъ Шуйскій шайные знаки на всѣхъ домахъ, гдѣ Поляки квартиры имѣли посшавишь, а особливо у двора Посольскаго, гдѣ ихъ множесшво было; и опредѣлено, чшобъ въ ночи 16

числа всѣмъ изготовиться на то кровопролитіе, и множеству народа какъ можно повелѣлъ входити разными вороты въ Кремль, подъ видомъ праздника, и яко бы Боляре во дворецъ къ Царю идутъ на поклонъ, и они хотятъ видѣть церемонію.

Тогда начася то кровопролитіе 17 Маія въ 7 часу. Во всѣ колокола въ Москвѣ учинися звонъ; Вельможи же, Князи и Бояре, и вси державніи земли съ великою жестокостію разъяришася на мерзость его, и уранивше до съѣзда поганцевъ и единомысленныхъ, иже съ нимъ, пришедше въ палату его, имуще сокровенно оружіе у себя, и ста единъ отъ нихъ прямо ему въ лице, Вельможный Дьякъ Тимоѳей Осиповъ. Той убо прежде въ дому своемъ постъ и молитву прилѣжно со слезами къ Богу принося, и причастися Честныхъ и Животворящихъ тѣла и крове Христовыхъ, и со дерзновеніемъ предъ всѣми Розстригою его обличивъ тако: ты еси воистинну Гришка Отрепьевъ, *ни* Царь, *ни* Царевъ сынъ Димитрій Іоанновичь, но Царевъ рабъ и еретикъ. И тако обличаше мерзость и суровство его; Розстрига же не стерпѣвъ обличенія, усрамився, рече: оборонитe мя отъ мужика сего, и единъ

отъ предстоящихъ его рачителей Петръ Басмановъ, изъять мечь изъ ложа его и уби того Тимоѳея, обличившаго въ той часъ, и тако скончавъ теченіе подвига своего той доблій мученикъ. Прочіи же съ нимъ пришедшіи убійцу онаго Петра Басманова самаго ту убиша; Розстригажъ видѣвъ у всѣхъ оружіе обнаженно на него пришедшихъ, вскочи ко окну, хотя извергнутися вонъ, но не даша ему, скоро у самаго окна его ухватиша злояднаго щенка, глаголю, Розстригу, и отъ прочихъ оружіемъ убійственнымъ убіенъ бысть, и со всякою нуждою злосмрадную душу свою изъ злоковарнаго своего тѣлесе изверже въ 10 день послѣ своей женидбы 7114 года, Маія въ 17 день, на четвертой недѣлѣ по Пасцѣ въ Субботу, и влекомъ бяше изъ превысочайшихъ пресвѣтлыхъ чертоговъ Царскихъ по земли, множайшихъ человѣкъ рукама, и прямо его ринуша, иже бѣ прежде не возможно было на живаго зрѣти, нежели къ нему прикасатися. И тако извлекомъ бысть и съ его рачителемъ Басмановымъ, и внутрь града повержены на торжищи, отъ всѣхъ проклинаемъ и попираемъ, и отъ всякаго всячески поругаемъ за злохитренный его и суровый обычай; съ нимъ же повер-

женъ пріятель его, преждепомянутый убіенный съ нимъ Воевода, хотяй его еретика заступити и сохранити отъ смертнаго серпа и отъ Божіихъ судебъ, посланныхъ на него. Также единомысленниковъ его, проклятыхъ, злохитренныхъ поганцевъ, многое множество людіе Россійстіи, унылы и безоружны убиваху, помощію Божіею отъ ихъ оружія отъяша, и вооруженныхъ поганцевъ побѣдиша; и толико ихъ поганыхъ въ сей Субботный день побиша, яко по всѣмъ стогнамъ великаго града Москвы въ трупіяхъ ихъ не возможно было пройти. А насъ грѣшныхъ рабовъ своихъ избави отъ сея великія душетлѣнныя язвы и смертныя бѣды.

Иностранные Историописатели повѣствуютъ тако:

Егда весь Россійскій народъ съ великою жестокостію, и Бояре вси со своими вооруженными вои и прочимъ народомъ, съ великимъ суровствомъ и воплемъ на Кремль нападоша; Лжедимитрій услыша сіе во изумленіе впаде, и мня, яко пожаръ во градѣ учинися; потомъ многое множество вооруженныхъ окружиша домъ Царскій. Тогда

Лжедимитрій выслалъ къ нимъ вѣрнаго своего любимца Петра Басманова; но онъ видя, что пришли Россіяне за тѣмъ, чтобъ Лжедимитрія взять, оборотяся къ другому крыльцу, гдѣ множество знатныхъ Бояръ Россійскихъ стояху, пришедъ къ нимъ, хотя ихъ упросити о такомъ наступающемъ несчастливомъ случаѣ; но не тако ему учинися. Болярин Михайло Тарховъ, котораго сей Басмановъ прозьбою своею изъ ссылки свободилъ, съ жестокостію на Басманова нападе, ножемъ въ самое его сердце поразивъ мертва поверже на землю, и бросилъ его тѣло съ крыльца къ народу. Къ томужъ своему безсчастію, Лжедимитрій вышедъ изъ палатъ предъ народомъ сказалъ, чтобъ они съ нимъ такъ не играли, какъ съ Царемъ Борисомъ; народъ же зѣло ожесточися, съ великою силою и свирѣпостію сердца напали на домъ Царскій, и двери всѣ сокрушая въ палаты внидоша. Лжедимитрій съ пятнадцатью Польскими драбантами въ одной палатѣ затворися, хотя себя оборонити; но видя, что уже никакого спасенія себѣ не имѣетъ, бросилъ свою саблю отъ себя, и нача терзати власы главы своея; потомъ въ дисператтствѣ, или въ отчаяніи живота своего, на другую сторону

палатъ въ окошко 15 лактей отъ земли высотою, изскочи, хотя, чтобъ какъ могъ животъ свой спасти; но уже отъ паденія своего возстати не могъ. И тако драбанты его всѣ взяты, и всѣ бывшіе въ Москвѣ Поляки немилостивой смерти преданы. Жены и дѣвицы Польскія, отъ ихъ женской красоты обнажены и обезчещены; искалижъ много Гофмейстерины Польской, которая уже была престарѣла, но Царица ее сохранила, и сказала, что она въ ночи еще взята въ домъ Воеводы Сандомирскаго. Въ той часъ увидѣли изъ окна лежащаго Лжедимитрія на земли еще жива, и вземше приведоша его въ палаты, оборвавше на немъ драгоцѣнное его платье, и облекоша его въ мерзкія раздранныя рубища, и вопросили его: Еще ли ты Царя Іоанна Васильевича сынъ Царевичь Димитрій? Онъ имъ отвѣща, что онъ есть подлинно. Бояринъ Шуйскій вскорѣ пріиде къ Царицѣ, бывшей супругѣ Царя Іоанна Васильевича, съ покорностію вопрошая ея объ немъ; Царица же съ клятвою, при цѣлованіи Креста, отвѣща: Что онъ нѣсть ей сынъ и не Царевичь. Лжедимитрій же просилъ Бояръ, чтобъ ему повелѣно было предъ народомъ всѣмъ нѣчто говорить, но не допущенъ онъ

до того. Спрашиван былъ отъ Бояръ о многихъ причинахъ его замысла, и Лжедимитрій къ нимъ отвѣчалъ смѣло; Бояреж̌ъ не хотя слышать отъ него оправданія, слова его пресѣкали, чтобъ болѣе въ народѣ каковаго возмущенія не учинилось; и осужденъ той Лжедимитрій на смерть. И понеже Шуйскій, яко первый изъ Бояръ, то дѣло во окончаніе привести на себя взялъ; но Лжедимитрій отъ одного купецкаго человѣка изъ пистолета смерти преданъ. Тѣло его ножами во многихъ мѣстахъ изранено, и за ноги привязанъ веревкою, съ тѣломъ Басмановымъ обще по граду влачимо было; такожъ его музыканты и двора его служители, и другіе Поляки, всѣ побиты до смерти. Воеводу Сандомирскаго и Польскаго Посла, при которыхъ было едва не 2000 человѣкъ Поляковъ, пришедъ Россіяне атаковали, и всѣхъ взявъ подъ крѣпкій караулъ посадили. Тѣло Лжедимитрія обнажили отъ всѣхъ одеждъ, и нагое по улицамъ влачаху, и привлекше его на то мѣсто, гдѣ Шуйскому единожды повелѣно было отъ сего Лжедимитрія отрубить голову, тутъ его тѣло публично на одну доску положено; тутъ же и тѣло Басманово привлекше, и того Лжедимитрія

на груди Басманова положиша, а въ ротъ ему вложиша Польскую волынку; и на томъ позорищѣ лежали тѣла цѣлые три дни, а потомъ у однихъ воротъ зарыты въ землю, а Маія 29 дня паки выняты и сожжены въ пепелъ. Сокровищи Россійскія всѣ отдаша старой Царицѣ; а привезенное съ Мариною изъ Польши, по исчисленію на сто на восемдесятъ тысячь талеровъ, хотѣли было отдать отцу ея, но потомъ его съ нѣкоторыми плѣнниками въ Ярославль градъ сослаша, а другихъ Поляковъ сославше въ ссылку въ мѣста Татарскія, яко въ Казань и Астрахань, и публично предъ народомъ читаху сдѣланной Манифестъ о убіеніи прямаго Царевича Димитрія въ Угличѣ; а его объявляюще быти чернеца Гришку Отрепьева, который при Патріархѣ секретарскую должность отправлялъ и бѣжалъ въ Польшу. Но отъ иныхъ повѣствуется, яко не Гришка Отрепьевъ назывался Димитріемъ Царевичемъ, но попъ, который съ нимъ бѣжалъ вмѣстѣ въ Польшу; а потомъ, аки бы Гришка во время Лжедимитріева царствованія въ Москву возвращенъ. Маргаретъ написалъ, что многіе народы его въ Москвѣ знали, и въ то время братъ его Гришкинъ еще въ живыхъ былъ и имѣлъ

помѣстье въ Галицкомъ уѣздѣ; и яко бы въ то время Гришка Отрепьевъ былъ 35 лѣтъ, а Лжедимитрій 25. лѣтъ. Оный Гришка за худое свое поведеніе и за мотовство въ Ярославль былъ сосланъ. Маргаретъ сказуетъ, яко бы онъ слышалъ отъ купца Агличанина, который въ Ярославлѣ торги имѣлъ, что егда слухъ въ Ярославль достиже о убіеніи Димитрія Царевича, то тамъ произошло слово, что Гришка Отрепьевъ прямаго Царевича увелъ съ собою въ Польшу; и въ то время всѣ Россійскіе люди о томъ говорили, и надѣялись, что Царевичь Димитрій живъ въ Польшѣ. Нѣкоторые Историки повѣствуютъ, яко бы той самозванецъ былъ подлинно Димитрій Царевичь, но безъ всякаго то есть доказательства, чему и вѣрить не льзя, и статься сему не можно. Сказуютъ тѣ Историки, яко бы Россіянъ въ томъ и обвинять не можно, что его такъ они убили; ибо его, яко бы и принять за истиннаго Димитрія было не возможно, понеже онъ совсѣмъ къ вѣрѣ Католицкой преклонился, и чинилъ надъ ними тиранства; возлюбилъ чужестранныхъ, ненавидѣлъ Россіянъ, отсылалъ въ Польшу Государственную казну, превращалъ посты, не почиталъ Церкви

Россійскія, посмѣвался знатнымъ чинамъ духовнымъ, и другія противныя поступки, яко тѣ всѣ принудили Россіянъ его убить, хотя бы онъ былъ и прямой Царевичь Димитрій. Такожде повѣствуютъ о немъ, что онъ Лжедимитрій вступилъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ въ такое многолюдное Державство, которое надлежитъ всегда съ разумомъ содержать въ страхѣ, а не имѣлъ себѣ никакого изъ Бояръ пріятеля, который бы его къ Россійскимъ обычаямъ приводилъ; какъ бы править и Короною обладать; такожде вскорѣ онъ началъ перемѣнять при дворѣ своемъ обычаи Россійскіе, и принуждать тако Россіянъ; моглъ бы онъ то и по малу со временемъ управить съ добрымъ порядкомъ. Ещежъ онъ искалъ и того, чтобъ въ Россіи и законъ Греческой перемѣнить на Латинской, тѣмъ привелъ весь народъ на себя въ злобу; не сталъ уже Россіянъ всегда къ себѣ допускать, но всегда съ Поляками имѣлъ обхожденіе, и чужестранныхъ произвелъ въ великіе ранги. Такожъ онъ не осмотрясь скоро учинилъ бракъ свой, и тотъ еще имъ былъ великимъ удивленіемъ, яко не по ихъ обычаю; такожъ объявилъ онъ вскорѣ напрасную войну противъ Шведа,

Турковъ и Татаръ; да къ томужъ онъ весьма поступалъ съ Россійскими Князи и Бояры съ начала зѣло слабо и фамиліарно, что они видя его простоту почитали его ни за что. Но сіе повѣствованіе отъ насъ, яко неправильное почитается, а что здѣсь оное упомянуто, то понеже въ Исторіи оной на Нѣмецкомъ языкѣ такъ показано; Россійскаяжъ Исторія, яко истинная, повѣствуется сице:

Тѣло онаго окаяннаго Богоборца пребысть лежа на торжищи даже до трію днію, бѣ ни отъ кого покровенно, но тако, яко отъ чрева матере своея изыде; ихъ же возлюби идолы, положены быша ему на персѣхъ, и ничто же бо ему помощи возмогоша подати; и по тріехъ днѣхъ изверженъ бысть окаянный изъ внѣшняго града на лице поля. Егда же лежащу трупу его на позорищи, не точію человѣкомъ гнусно бѣ зрѣти нань, но и самая земля возгнушася, отъ нея же взятъ бысть. Мы же видяще сіе глаголемъ кійждо къ себѣ: О! лютѣ, яко родися и святымъ крещеніемъ просвѣтися, и наречеся сынъ церкви, нынѣ учинися самъ сынъ погибели! и лежащу тѣлу его на поли, мнози человѣцы слышаху въ полунощное время, даже до

куроглашенія надъ окаяннымъ трупомъ его велій плескъ и бубны, и свирѣли, и прочія бѣсовскія игралища, радуетбося сатана о пришествіи угодника своего. Охъ! люте тебѣ окаянному, яко и земля возгнушася держати на себѣ твоего проклятаго еретическаго трупа; облацы дождя ти не даша, не хотяще омыти злоокаяннаго тѣла, и солнце не возсія на землю, еже огрѣвати; нападе мразъ на вся плоды, и отъятъ отъ тука пшенична и гроздія, дондеже злосмрадное тѣло его на земли повержено бяше.

Освобожденіе заточенныхъ.

При его же царствіи, бысть убо нѣкое благотворное дѣло, о немъ же нынѣ слово предложити хощу, аще и не отъ каковыя доброты содѣяся сія, но Божіими, ими же вѣсть судьбами, спасаются вси; бываетъ бо по случаю и пелынная лютость врачеваніемъ недугъ; въ достохвальныхъ словесѣхъ пріобщаются; такожъ и отъ сяковыя злобы произыде доброта, вины ради сицевыя: понеже сей, его же реку, Розстрига, хотя убо къ народомъ въ милости своей показатися, и яко онъ Царскій сынъ,

имъ же и пронаречеся: сего ради вси благородніи и великославніи отъ заточенія и темницъ изводитъ, и со всякою честію въ древнее достоинство въ Царствующій градъ Москву возвращаетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ Царь Борисъ многозавистныя ради злобы изгна и заточи, понеже наслѣдствованію своему о царствованіи упражняшеся, и сего ради, иже быша искры Царскія крове родове, аки доброцвѣтущая вѣтвь, иже немилостивно искореняющися возвращахуся, непщевающи бо злохитрствованіемъ воцаритися, и не воспомяну глаголющаго, яко Господь выситъ или низитъ, и даетъ Царство, ему же хощетъ.

Тогда же и Филаретъ, великій старецъ съ сыномъ своимъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, и съ братомъ своимъ Іоанномъ Никитичемъ, отъ морскихъ странъ отъ заточенія пріиде. Иже сый великій старецъ, его же рекъ, Филаретъ, бысть на Москвѣ большимъ Бояриномъ; Θеодоръ Никитичь, о немъ же прежде писахъ, братъ двоюродный по Царицѣ Анастасіи Романовнѣ Государю Царю и Великому Князю Θеодору Іоанновичу и всея Россіи Самодержцу, его же тогда едва Священнымъ Соборомъ умолиша,

и поставиша его Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ.

О персонѣ и о состоянiи помянутаго Розстриги Нѣмецкая Исторiя повѣствуетъ, яко бы онъ былъ отъ натуры человѣкъ не глупой; а что до политики касается, въ томъ онъ былъ весьма скуденъ, то есть любилъ себѣ почтенiе, сердца горячаго, но могъ всегда прошенiемъ укрощаемъ быти, и пребывалъ паки въ той же милости. Чужестранные всегда ему пророчествовали о его паденiи, судей зѣло ненавидѣлъ, а большiя погрѣшенiя въ Россiйскихъ людехъ и противу его мимо ушей пущалъ, или на то сквозь пальцы глядѣлъ. Конная ѣзда была его утѣшенiемъ, военную экзерцицiю производилъ чрезъ мѣру, Россiйскихъ людей, и всякое дѣло любилъ, чтобъ сдѣлано было вскорѣ; росту былъ средняго, всѣ части тѣла его были крѣпки и здравы, лица смуглаго, подъ правымъ глазомъ имѣлъ бородавку природную, и тѣмъ онъ болѣе признаваемъ былъ за Царевича Димитрiя, понеже и той у себя такую имѣлъ.

Царство Царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

Въ лѣто 7114, по царствованіи Розстриги сяде на Московское Государство Царь Василій Іоанновичь, глаголемый Шуйскій, иже бысть отъ родства Князей Суздальскихъ; Суздальскіе же Князья нарицахуся вины ради сицевыя: Быша бо у Великаго Князя Ярослава Всеволодовича, внука Георгія Долгорукова, правнука Владимира Мономаха, праправнука Всеволода Владимировича, сына Владимирова, Великаго Князя Кіевскаго, крестившаго всю землю Россійскую, два сына, изъ нихъ же большій сынъ у Великаго Князя Ярослава Всеволодовича Великій Князь Александръ, глаголемый Невскій, иже Княжествовалъ во Владимирѣ, тутъ и положенъ бысть во Обители Пречистыя Богородицы, Честнаго и Славнаго Ея Рождества; отъ него же родися Князь Даніилъ Московскій и проч: по роду степеньми; а другой сынъ Князь Андрей Ярославичь, меньшій братъ Александру Невскому, и тотъ былъ на Великомъ Княженіи Суздальскомъ; а по немъ сяде сынъ его Василій Александровичь; а у Князя Василья былъ сынъ Князь Константинъ; у Князя Констан-

тина сынъ Князь Димитрій; онъ былъ на Великомъ Княженіи Новогородскомъ; а у Князя Димитрія былъ сынъ Василій, глаголемый Скирдяпа; у него сынъ Князь Юрій; у Князя Юрья былъ сынъ Князь Ѳеодоръ; у Князя Ѳеодора Юрьевича, Скирдяпина внука, былъ сынъ Князь Василій Шуйскій; у Князя Василья Шуйскаго былъ сынъ Князь Іоаннъ; у Князя Іоанна были дѣти, Князь Андрей, да Князь Петръ, и сихъ родства Царь и Великій Князь Василій Іоанновичь Шуйскій, который по убіеніи Лжедимитрія и разосланіи Поляковъ въ ссылку, Іюня 1 дня Царскою Короною коронованъ и на престолъ возведенъ; правда, что ее по желанію своему сыскалъ, но обрѣлъ ея зѣло себѣ тяжку, въ такомъ Государства раздраніи, что уже ему то и не зѣло пріятно было, простой народъ, которой его себѣ прежде, аки за нѣкое драгое сокровище, илибъ за преграду крѣпкую признаваху въ свое защищеніе, но и тѣ уже стали вскорѣ ненавидѣть, и уже вездѣ ничего болѣе не слышно было, какъ весь народъ противъ его всякія ему злыя предосужденіи произношаху. Уже многіе стали совѣтовать и на себя негодовать, что такую злобную причину учинили, а его, яко бы

напрасно Царемъ утвердили; къ томужъ по убіеніи того Лжедимитрія вскорѣ были великіе мразы, которые чрезъ осмь дней продолжались, отъ которыхъ огородные овощи всѣ истребились, каковыя знаменія причиталися отъ Россіянъ за наказаніе имъ отъ Бога; и къ тому промчеся слухъ во уши всѣхъ людей, яко бы той Лжедимитрій живъ спасеся, а убіенъ вмѣсто его другой, который ему былъ сходенъ во всемъ, и яко бы изъ конюшни Царскія въ ту ночь три лошади были взяты про того Лжедимитрія, и назадъ не возвратились, и куда оныя лошади дѣвались, неизвѣстно, разсуждая, что на нихъ той Лжедимитрій ушелъ; къ томужъ еще, яко бы пришелъ одинъ мужикъ въ Москву, и сказывалъ, что тотъ Димитрій ушедъ изъ Москвы, тую первую ночь у него въ домѣ на дорогѣ ночевалъ, и поѣхалъ, объявляя будто ему, что онъ Царевичь Димитрій, и что его Богъ спасъ отъ его непріятелей, и яко бы онъ съ нимъ и письмо въ Москву прислалъ, понося ихъ злообразіе на него своего природнаго Государя, и уже много такихъ цыдулокъ появилось. Иные сказывали, яко бы убитое тѣло было съ бородою, а той Лжедимитрій былъ безъ бороды.

Казаки, живущіе возлѣ границъ Польскихъ, не хотяху у Царя Василія Іоанновича Шуйскаго быть въ подданствѣ, сказываху, что Димитрій въ Польшу прибылъ, и держится при женѣ Воеводы Сандомира, обѣщахся ей быти вѣрнымъ. Всѣ оныя новизны привели народъ въ великую конфузію, которая уже стала приходить ко злому несчастію Царя Василія Іоанновича Шуйскаго; уже народъ на него сталъ злобиться, ибо уже всѣ узнали, что онъ то чинилъ не для исправленія Государства, но только для одного своего лакомства на престолъ Россійскій. Ходящія дѣла и мысли народа были Царю Василію Іоанновичу не скрыты, но все онъ зналъ и вѣдалъ, что народъ о немъ разсуждаетъ; къ томужъ его наиболѣе безпокоило то, что какое воспослѣдуетъ дѣло со стороны Польши о убіеніи Поляковъ, бывшихъ при Лжедимитріи; такожде немало опасался и отъ Шведа, понеже отъ Лжедимитрія была объявлена со Швеціею война, и во градѣ Астраханѣ у казаковъ бывшаго яко бы Царевича Петра, то ему не извѣстно было, какъ тамъ состоитъ, токмо слышно было, что тамъ шесть Татарскихъ городовъ взбунтовались; такожъ и Турки уже

на Россію въ такое смутное время готовились; то со всѣхъ сторонъ Царю Василію Іоанновичу не безъ опасности было, и кругомъ его всякія несчастія ему готовились. Хотя онъ Царь Василій Іоанновичь и имѣлъ отъ Шведа опасеніе, но не такъ какъ отъ Польши; хотя прежде оную бѣду утолити, послалъ онъ къ Королю Польскому Генваря 3 дня 1607 года; аудіенція дана, Посолъ Россійскій поднесъ Королю пребогатые, присланные съ нимъ дары, и къ тому грамота посольства читана, и на словахъ отъ Посла предложено, что Царь Россійскій Василій Іоанновичь желаетъ, дабы съ Поляки былъ утвержденъ вѣчной и ненарушимой миръ, которой-де въ сосѣдственномъ нашемъ житіи всеконечно обоимъ Государствамъ нуженъ. Такожъ приносилъ извиненіе, что нѣкоторые подданные Королевства Польскаго, съ обманщикомъ Россійскимъ и еретикомъ Лжедимитріемъ совокупяся, многія въ Москвѣ чинили злыя дѣла, и за то нѣкоторые умерщвлены, другіежъ имѣются въ соблюденіи. И еже-де Ваше Королевское Величество изволите за то съ Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ производить войну, то онъ легко можетъ противъ Польши отпоръ учинити,

а ежели соизволитъ Ваше Королевское Величество учинить миръ, то Посолъ Вашего Величества и прочіе Поляки всѣ будутъ въ первый день на свободѣ. Король Польскій Сигизмундъ за ту свою обиду объявилъ во всей Польшѣ противъ Россіи войну; но вскорѣ не льзя было ея производить, потому, что въ Алфляндіи отъ Шведовъ великія дѣла происходили. А между тѣмъ при собраніи всѣхъ его Воеводъ и народа Польскаго получилъ Король одно слово отъ Шляхтича Рокошана, публично глаголющее тако: Что нашъ Король того не содержитъ, въ чемъ онъ клялся во время его выбиранія въ Короли, чтобъ ему имѣть въ Государствѣ Польскомъ такое попеченіе, дабы имѣть вездѣ сосѣдственныя дружбы, понеже онъ Король имѣетъ при дворѣ своемъ много чужестранныхъ, которые на то его возбуждаютъ. Потомъ Король Польскій отвѣтствовалъ Посламъ Россійскимъ тако: Понеже вы такъ воровски противъ насъ поступили и правы мирнаго договора разрушили, Лжедимитрій, или прямо Димитрій, когда онъ у насъ былъ въ Польшѣ, вы его за истиннаго признали, и въ Россію аки Принца своего взяли, и тѣмъ двери и врата ему въ Государство отворили;

а потомъ убивъ своего Царя, Воеводы моего Сандомира дочь къ себѣ отъ насъ, съ честію упрося насъ, взяли, а потомъ противу всѣхъ регулъ безчеловѣчно надъ ними учинили, и не токмо его, но и моихъ подданныхъ немилостиво умертвили, Посла моего, аки плѣнника задержали; чашу, ею же мѣрите, возмѣрится вамъ преисполненіемъ, вскорѣ вы увидите, какъ жестоко Поляки будутъ отмщевать вамъ неповинную кровь, и вашу къ намъ злобу.

Воеводы Польскіе хотя и представляли Королю, чтобъ по прошенію Пословъ Россійскихъ принялъ дары Россійскіе и Пословъ Польскихъ изъ Москвы свободилъ, а прочее все миромъ прекратилъ, но не учинися тако.

О возведеніи на Патріаршескій престолъ въ Москвѣ Казанскаго Митрополита Германа.

Тогда же повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича Шуйскаго всея Россіи, и совѣтомъ всего Освященнаго Собора, Игнатія Патріарха, иже безъ Священнаго Соборнаго рукоположенія возведенъ бысть на престолъ Россійскаго Царствія, сего вдаша

въ Чудовъ Монастырь подъ началъ, яко да совершенно навыкнетъ благочестивыя вѣры, иже во Христа Бога нашего, а на престолъ возведенъ бысть Германъ, Казанскій Митрополитъ, еще Іову Патріарху тогда быти живу сущу, но не возвратися на свой престолъ, понеже доброзрачная зѣница его потемнѣша и сладостный свѣтъ отъ очей его взятся.

О сожженіи сквернаго тѣла Гришки Розстриги Отрепьева надъ адомъ, сотвореннымъ отъ него.

Строителюжъ нашему человѣколюбцу Богу, не попущающу своей твари, еже обычаю своему премѣнитися, и еже не принести всеплодія всѣмъ живущимъ человѣкомъ на земли рабомъ своимъ, и мечты бѣсовскія, бываемыя надъ сквернымъ тѣломъ проклятаго еретика, и указа вѣрному своему слугѣ, крестоносному и нареченному Царю и Великому Князю Василію Іоанновичу всея Россіи, дабы ему того злаго еретика Гришки Розстриги трупъ въ преждепомянутый домъ его, сотворенный имъ адъ ввергши сожещи все, еже и бысть сожжено на мѣстѣ нарицаемомъ Котлѣ, отъ града Москвы за седмь поприщь.

О зломъ развратницѣ Петрушкѣ, и о прочихъ съ нимъ мятежникахъ.

Малое убо нѣкое время людіе почиша отъ ратоборства, и немного успокоишася отъ оружнаго изощренія, паки Розстригины стаинники воздвизаютъ крамолы, и на градъ наводятъ бѣды, и бѣдно возмущаютъ народъ. Се другое зло пріиде; се вторый звѣрь, подобенъ первому явися, не образомъ, но дѣломъ во градѣ Путивлѣ и во всей Черниговской странѣ, инъ нѣкто прелукавый змій возста, именемъ Петрушка, казаческой товарищъ, родомъ Звенигородецъ, художествомъ гончаръ. Сей смѣхотворныя лжи состави, называя себя сыномъ Царя Іоанна Іоанновича, коего и не бывало, Розстригу же называетъ себѣ дядею, и глаголетъ его жива быти, и таковаго ради ложнаго звательства его Сѣверіане и вси мятежницы, иже во время власти Розстригиной алкаша крови Христіанскія, сіи вси приложишася къ нему, обладаша грады многими, и мѣстами Шацкими и Рязанскими, и достигоша даже до Москвы, ея же непобѣдимая Держава Христова и десница Вышняго Бога нашего, отъ толикія бѣды избави, моленіемъ и заступленіемъ Пре-

чистыя Его Матере, и иже въ Россійстѣй земли пресвѣтло сіяющихъ Великихъ Святителей и Чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, и Святаго, паче Страстотерпца Христова Димитрія Царевича Углицкаго, Московскаго Чудотворца.

О пренесеніи мощей Святаго Благовѣрнаго Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву.

Въ первое лѣто царствованія Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича Шуйскаго всея Россіи, явишася чудеса многа, и быша исцѣленіи всякими недуги одержимымъ, приходящимъ человѣкомъ отъ мощей Святаго Мученика Димитрія Царевича во градѣ Угличѣ, идѣже отъ злотворныхъ рукъ убіенъ бысть. Слышавъ же сіе Царь и Великій Князь Василій Іоанновичь, распаляшеся по Бозѣ любовію ко Святому Мученику Димитрію Царевичу, и возжела отъ всего сердца своего вѣрою своею, дабы Святые его мощи въ Державѣ града Москвы положены были, еже и бысть. И сего ради посла по Святые Христова Мученика мощи Преосвященнаго Геласія Митрополита Сарскаго и Подонскаго, иже на Крутицахъ, съ нимъ

же и иныхъ многихъ священныхъ и честныхъ Іереевъ и Діаконовъ съ причетники, и принесены быша Святые его и многоцѣлебные мощи въ Царствующій градъ Москву въ лѣто 7114 Іюня въ 3 день на память Святаго Мученика Лукіана и иже съ нимъ, и положены быша въ церкви Архистратига Божія Михаила у столпа крылоса праваго, идѣже и до нынѣ точитъ исцѣленіе съ вѣрою приходящимъ къ честнѣй руцѣ Святыхъ мощей его.

Народъ приклонися къ свойственникомъ Святаго Благовѣрнаго Царевича Димитрія, такожде и къ матери его Благовѣрной Царицѣ, поущая ихъ на отмщеніе, мняще, яко себѣ Его Царя Василія Іоанновича Шуйскаго промыслу убіеніе. Того ради Государь Царь и Великій Князь Василій Іоанновичь сталъ смотрѣть надъ Бояриномъ Милославскимъ, который ближнюю свойственницу прежней Благовѣрной Государыни Царицы себѣ женою имѣетъ, какъ о томъ выше упомянуто. Во едину же нощь обрѣтошася въ Москвѣ у знатныхъ домовъ на воротахъ подписаны многія слагательныя выписки про Царя Василія Іоанновича; того ради онъ повелѣлъ, чтобъ тѣ домы до основанія раззорить,

но народъ согласяся, не далъ того чинить, и едва Царь Василій Іоанновичь то возмущеніе укротить могъ, хотяху бо на самаго его нападеніе учинити вскорѣ. Егда же убо велицѣй бурной бѣдѣ и брани отъ злыхъ мятежниковъ Царствующему граду Москвѣ належащей, тогда повелѣніемъ Царя Василія Іоанновича, Германъ Патріархъ со всемъ Освященнымъ Соборомъ у гроба Святаго Мученика Царевича Димитрія, совершивше молебная пѣнія и воду святивше и всѣхъ ратныхъ людей покропивше, и честный покровъ его изнесоша на мѣсто у Калужскихъ воротъ, и таковіи людіе, иже на сопротивные исходяще благословляхуся во вратѣхъ, и Честнымъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ осѣняхуся, съ нимъ же вооружахуся и на брань къ противнымъ безъ боязни ополчахуся. И тако молитвами Святаго новаго Крестоносца Христова Димитрія такову побѣду на сопротивные дарова Богъ, яко ни единому отъ благочестиваго воинства убіенну быти, сопротивныхъ же и безбожныхъ мятежниковъ безчисленное множество падоша, и множество руками яша; прочіи же вси со злоначальниками своими отъ Царствующаго града Москвы съ великимъ страхомъ бѣжаша.

О побѣдѣ Царя Василія Іоанновича на мятежники и на начальника ихъ прегордаго разбойника Петрушку.

Въ лѣто 7115, во второеж лѣто Царства Василія Іоанновича Шуйскаго, паки собрашася противніи, и зломятежное сонмище себѣ грады Тулу и Калугу укрѣпиша, и со преждереченнымъ злотворцемъ своимъ Петрушкою Гончаровскимъ тамъ вселишася, и многими грады и мѣстами обладающе и Православныхъ Христіянъ тяжко озлобляюще, и съ яростію на Царствующій градъ Москву паки хвалящеся пріити. Слышавъ же Царь и Великій Князь Василій Іоанновичь всея Россіи, неистовыхъ сихъ плотоядныхъ звѣрей стремленіе, вооружися самъ на злодыхательное ихъ зѣваніе, и шедъ со многими вои, и челюсти ихъ растерза, и многіе грады къ своей Державѣ Московскому Государству, и козньми нѣкоими хитровавшими наводненіи Тулу градъ взя, и преждереченнаго онаго разбойника Петрушку, который назывался Царевичемъ Іоанномъ Іоанновичемъ, того живаго ухватиша и связана къ Москвѣ привезоша, и по многому истязанію повѣсити его повелѣ. Мятежниковъ же его и клятвопреступ-

никовъ взя великое множество, и къ онымъ беззлобивое пастырство благочестія своего показа, и всѣхъ ихъ во свояси отпусти, мнѣвъ убо отъ злолютыя ярости въ немятежную тишину, благимъ наказаніемъ уцѣломудрити ихъ и смиреніемъ управити, и въ разумъ истинны привести, и вмѣсто смерти животъ всѣмъ дарова. Они же окаянніи шедше паки составиша рать, и воздвигнуша больше первыя, и вмѣсто тишины дохну буря, яже до облакъ раздымашеся многомятежными кровопролитіями, плача и рыданія достойными. О! ярость злодыхательная! О! вражда стараго и прелестнаго змія! доколѣ тщишися и хвалишися развращати благонравные умы рода человѣческаго? доколѣ погубляеши доброцвѣтущую Божіей твари красоту, и тщишися всегда всяцѣй чести противитися завистію? и жизнь ратуеши, присно бо желаеши кроткихъ сердца лютостію возъярити, немилосердіемъ распалити на неповинные и кроткіе, кровопролитную брань воздвигнути, и убійствомъ всѣхъ руки оскверняти и душу погубити? Увы! ненасыщаемое дно человѣческихъ очей! доколѣ всякообразныя злобы на насъ изливаеши? Мнитъ бо ми ся подобствоватися Державы злоб-

ныя темному мiродержцу, иже не щадитъ ни единаго естества твари.

О сонмищѣ мятежниковъ на Царя Василiя.

Въ лѣто 7118 февраля въ 17 день, въ Субботу Сырныя недѣли, крамольники народу и мятежницы тiи, учиниша нечестиваго совѣта сонмище на Царя Василiя. Прiидоша тогда на мѣсто лобное и возмутиша народъ глаголюще сице: Царь нашъ Василiй Iоанновичь Шуйскiй, согласився съ потаковщики своими и сѣлъ на Московское Государство сильно; а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ, пiяница и всячески неистовъ. Сiе же слышавше мнози отъ народа, сице рекоша къ нимъ: Государь Царь и Великiй Князь Василiй Iоанновичь вступилъ на Московское Государство не сильно, но выбрали его быти Царемъ большiе Бояре и прочiе дворяне, и вси служилые люди; а пiянства и всякаго неистовства въ немъ мы не видимъ. А коли бы таковому совѣту быти, ино бы тутъ были большiе Бояре и всякихъ чиновъ людiе; и никто же отъ народа приложися къ мятежникомъ

тѣмъ, и сего ради возмутити не возмогоша, темномысленнаго же суровства своего не оставиша, но къ Царю Василію Іоанновичу въ палаты немилосердымъ нравомъ устремишася текущи; онъ же слышавъ и въ лице имъ ста, рече: что пріидоста ко мнѣ съ шумомъ и гласомъ нелѣпымъ? О людіе! Аще убити мя хощете, готовъ есмь умрети, аще ли мя отъ Престола Царства сгоняете, то не имате сего учинити, дондеже вси сойдутся большіе Бояре, и всѣхъ чиновъ людіе, да и азъ съ ними, и какъ вся земля благій совѣтъ свой подастъ, тако и азъ готовъ по тому совѣту сотворити. И егда Бояре снидошася, тогда положилъ свою Державу, которую Цари всегда предъ собою обычайно носить повелѣвали, и просилъ ихъ, чтобъ они себѣ избрали другаго Царя, кого желаютъ; но Бояре съ покорностію его упросили, чтобъ онъ принялъ Державу, а народъ той невѣжливый никакъ безъ наказанія не оставятъ, и обѣщалися ему быть всегда вѣрными и послушными; а зачинщиковъ того возмущенія взявъ пять человѣкъ, и бивъ кнутомъ, сослали въ ссылку. И тутъ открылась невинность Милославскаго, а въ томъ приличился его своякъ Петръ Шереметевъ, кото-

рый посланъ въ ссылку и на пути умре. И отъ тѣхъ внутреннихъ неспокойствъ наружное несчастіе стало въ большую силу приходить, якоже здѣ узриши:

Князь Георгій Шаховской съ двумя Поляками, убравъ ихъ въ Русское платье, бѣжалъ изъ Москвы въ Серпуховъ, а оттуда даже до города Путивля; во всѣхъ мѣстахъ расплодилъ, что Димитрій подлинной былъ Царевичь, и что онъ не убитъ, но бѣгомъ спасся. Поляки изъ Путивля отъ него отстали, и прибыли къ Воеводѣ Сандомиру. Въ то смутное время жена Сандомира Воеводы, слыша такое возмущеніе въ Москвѣ, согласяся съ Шаховскимъ, писала, чтобъ онъ вездѣ объявлялъ, что Димитрій Царевичь въ Польшѣ, и онъ Шаховской весь градъ привелъ на то, что Димитрій живъ въ Польшѣ; набираетъ войска многія тысящи къ себѣ въ службу, и у онаго нѣсколько тысячь казаковъ, подъ командою Истомы Васильевича возстали противъ Россіи, и въ краткое время много мѣстечекъ плѣнили; и потому Татара стали чинить свои промыслы надъ Россіею, и Россійское войско съ поля сбили. Такое несчастіе въ Москвѣ всѣхъ людей уши наполнило, и уже Царь Василій Іоанновичь, яко бы за жесто-

кость и невѣрство къ народу, отъ всѣхъ пришелъ въ ненависть.

Царь Василій Іоанновичь, хотя себя въ народѣ аки милосердымъ сотворити, соболѣзнуя о фамиліи Бориса Годунова, что тотъ Лжедимитрій такое надъ ними оказалъ мученіе и всѣхъ искоренилъ, кромѣ дщери его Ксеніи; того ради повелѣлъ Его Величество тѣла Борисово, жены его и сына изъ земли вынять, и съ честною церемоніею погребеніе учинить въ Монастырѣ Троицкомъ, въ разстояніи отъ Москвы въ двенадцати миляхъ, которыхъ тѣла монахи отъ Москвы даже до Монастыря несли попеременно съ великою церемоніею духовною; а дщерь Борисова Ксенія за гробами съ горькими слезами шла, и свое горе и несчастіе тутъ причитала; такожъ послѣдовалъ и Царь Василій Іоанновичь со всѣми Боляры за тѣми гробы. Народъ Россійскій, хотя уже и видѣлъ, что тѣ замыслы напрасные, но принуждены были еще терпѣть для такихъ великихъ замѣтательствъ; но вскорѣ уже наступающее зло стало приближаться.

Вышепомянутый Васковъ со своимъ войскомъ уже пришелъ за версту до Москвы града. Въ то время единъ знат-

ный Россійскій человѣкъ, именемъ Іоаннъ Исаевъ сынъ Попутникъ, который былъ въ полону у Турковъ и искупленъ отъ Венеціанцовъ, и отпущенъ въ Россію слышавъ о Лжедимитріи, что онъ въ Польшѣ пребываетъ, пришелъ къ нему; той вторый Лжедимитрій подарилъ ему саблю, пару пистолетъ и тридцать червонныхъ, и далъ ему письмо въ Путивль къ Губернатору своему Шаховскому, чтобъ его во всемъ не оставить. Той Попутникъ прибывъ въ Путивль, не токмо что требовалъ отъ Шаховскаго что надобно, но уже объявилъ, яко онъ фаворитъ Димитріевъ, самъ его видѣлъ и съ нимъ говорилъ, и собравъ тамо 12000 казаковъ, пойде прямо на Москву градъ, и пришедъ къ Васкову, яко Генералъ, надъ всѣмъ войскомъ команду принялъ, объявляя, что онъ самъ отъ Димитрія такое повелѣніе имѣетъ.

Егда Попутникъ принялъ надъ Димитріевымъ войскомъ команду, началъ въ тайнѣ переписываться въ Москву съ Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ; потомъ одаренъ немалыми дарами, подговорилъ войска своего девять тысячь, предадеся на страну Царя Василія Іоанновича и въ Москву вниде, потомъ изшедъ противу

непріятелей Поляковъ и казаковъ училъ съ ними бой; но побѣжденъ побѣже во градъ Калугу и затворися тамо.

Шаховской, который обрѣтался въ Путивлѣ, видя, что никто не хощетъ съ нимъ быть при войскѣ, аки бы Димитрій умыслилъ новый вымыслъ, писалъ къ войскамъ казацкимъ, чтобъ они назвали при себѣ кого нибудь преждебывшимъ названцемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, яко бы сыномъ Царя Ѳеодора Іоанновича, который бы и пріѣзжалъ съ войскомъ, обнадеживая имъ Путивль отъ самаго Лжедимитрія, и яко бы онъ живъ. Тѣ казаки собрали войска 1000ѻ, назнача себѣ одного во имя Царевича Петра, и пришедъ ко граду Тулѣ, и обшедше оной осадиша Попутника въ Калугѣ; таже оставивъ облежаніе Калуги, но самъ вскорѣ съ Шаховскимъ и Попутникомъ отъ Царя Василія Іоанновича осажденъ въ Тулѣ. Шаховской и отъ Тулы бѣжалъ сквозь Россійскій лагерь въ Польшу къ Сандомиру, но не получилъ скоро тамо войска. Въ то самое время въ Польской Руси единъ учитель дѣтской, который окуратно зналъ языкъ Россійскій, именемъ Іоаннъ, той восхотѣ принять на себя имя Лжедимитріево, съ нѣкоторыми Поляки во

градъ Путивль и Стародубъ пріиде, и объявилъ себе Димитріемъ, но не могъ въ то время малою силою отъ града Тулы Россійское войско отгнати; и тако въ Тулѣ отъ гладу и отъ худой затхнувшейся воды принуждены сдаться Октября 28 дня 1607 года. Царь Василій Іоанновичь градъ Тулу взявъ, самозванца Петра повѣсилъ, а Попутника въ темницѣ уморилъ гладомъ.

Между тѣмъ Поляки вздумали своихъ изъ Россіи плѣнныхъ свободить, и подъ именемъ Лжедимитрія Россію воевать, и тѣмъ своимъ подвигомъ весьма свою Польшу обезпокоили, и много неповинныхъ людей, какъ своихъ, такъ и противныхъ погубили. И тако Лжедимитрій явился въ Сѣверіи въ 1608 году; къ немужъ многое множество Польскаго войска отъ всѣхъ странъ снидошася. Воеводы: Адамъ Вишневецкій, Романъ Роцинскій и другіе Польскіе Магнаты, собравъ 60000 войска, и со Лжедимитріевыми войсками соединившеся, и къ нимъ еще 8000 казаковъ Запорожскихъ присоединися, и съ тою великою арміею поидоша въ Россію. На оную комедію между Россіею и Польшею, Король Шведскій Карлъ IX. неусыпнымъ окомъ смотрѣлъ, и вѣдалъ то, что единъ бѣглецъ

Шведъ Польскому Королю присовѣтовалъ, чтобъ дати способъ фальшивому Димитрію и учинить его въ Россіи Царемъ, то чрезъ то можетъ Король Польскій не токмо Лифляндію и Эстляндію, но и Швецію завоевать, такожъ уже видѣлъ и несостояніе Россійской арміи, положилъ такое намѣреніе: ежели тотъ Лжедимитрій будетъ счастливъ въ семъ дѣлѣ, тобъ дать Россіяномъ Шведскую помощь; и тако Король Шведскій послалъ Петра Петреуса къ Царю Василію Іоанновичу, дабы онъ съ нимъ по сосѣдству пребывалъ въ дружествѣ, и обѣщалъ ему противъ Поляковъ дать на помощь нѣсколько тысячь войска, но Царь Василій Іоанновичь надѣялся на свою силу, а къ томужъ и самъ опасался такого помощника приняти, въ томъ его благодарилъ, а помощи отъ него не требовалъ и отказалъ; а потомъ уже и самъ былъ принужденъ просить отъ Шведовъ вспоможенія.

Вторый Лжедимитрій съ Польскою и своею арміями пойде сильною рукою въ Россію, и уже много простонародія Россійскаго къ себѣ приклонилъ; понеже народъ простой, чаявъ истиннаго быти Димитрія, потому что такія великія войска въ защищеніе его собралися. И

потомъ сошлися Маія 10 дня обѣ арміи, Россійская и Польская подъ градомъ Волховымъ; и хотя Россійская армія была во 170000, но не имѣла прямой вѣрности къ Царю Василію Іоанновичу, не устояла противо Поляковъ, и изъ того Россійскаго войска 5000 человѣкъ вбѣжало во градъ Волховъ, и сами отдалися Полякамъ и въ вѣрности присягу новому Лжедимитрію учинили. Іюня 29 дня той Лжедимитрій уже и болѣе возымѣлъ охоты къ Россійской Коронѣ, и пришедъ градъ Москву осадилъ, и потомъ на рѣкѣ Ходынкѣ близъ Москвы, паки Россійское войско побѣдилъ, и полководца Россійскаго Мосальскаго въ полонъ взялъ; и уже градъ Москва едва не въ рукахъ Польскихъ была. Но тѣ 5000 человѣкъ Россійскаго войска, которые въ Волховѣ Полякамъ присягали, пришедъ подъ Москву измѣнили и въ Москву градъ предалися и вошли.

Между тѣмъ Царь Василій Іоанновичь повелѣ Польскихъ плѣнниковъ, яко Воеводу Сандомира и съ дочерью его, такожъ и всѣхъ Поляковъ изъ ссылки въ Москву привезти, и сталъ чинить договоръ, чтобъ ихъ возвратить Полякамъ на свободу, и имъ бы Полякамъ со всею арміею возвратиться въ Польшу,

и впредь того фальшиваго Димитрія партіи не держать. И тако на томъ основаніи оный договоръ утвердился, и плѣнники возвращены въ лагерь Польской; и потомъ Сандомиръ съ дочерью отпущенъ въ Польшу. Но егда только отъѣхалъ отъ Москвы 50 верстъ, Лжедимитрій принялъ новое намѣреніе, повелѣлъ тотчасъ возвратить Сандомира и съ его дочерью, хотя ея при себѣ содержать для наилучшаго своего намѣренія, яко бы онъ настоящій тотъ Димитрій, который въ Москвѣ Царемъ былъ; но Сандомиръ вѣдая, что онъ нѣсть Димитрій, но другой, съ начала не хотѣлъ дочь свою ему отдать, но держать ее при себѣ, которое извѣстіе въ Москву о томъ пришло, чрезъ убѣгшаго изъ войска Польскаго Боярина Мосальскаго, о чемъ въ Москвѣ немалое стало сомнѣніе. Потомъ вторый Лжедимитрій улестилъ Воеводу Сандомира, и сдѣлали договоръ тако: чтобъ тому Лжедимитрію не отступать отъ Москвы, но дать себя болѣе въ томъ Россіяномъ знать, ему яко бы быть истинному Димитрію состоять, и дочь его за себя взять. И тако по тому договору пойде Сандомиръ и съ дочерью своею въ лагерь къ тому второму Лже-

димитрію; и какъ онъ ея, а она его увидѣли, то яко бы истинныя мужъ съ женою, въ великой радости обнявъ другъ друга взаимно цѣловали, и со многими слезами свои несчастія другъ другу и всѣмъ объявили; но въ томъ Лжедимитрій клялся Сандомиру, что онъ съ нею не будетъ сообщаться, пока не взыдетъ на Россійскій Престолъ, тогда съ нею настоящимъ бракомъ соединится. Но какъ то можно сказать, чтобъ ленъ съ огнемъ цѣлъ пролежалъ, а не загорѣлся, то и Лжедимитрій со Мариною учинилъ. Пока въ Россіи великое возмущеніе было, а къ нему Лжедимитрію изъ всѣхъ Россійскихъ мѣстъ народъ стали приходить, и въ подданство себя отдавать, и многіе провинціи отъ Новагорода и Смоленска къ нему подклонились; и въ такомъ состояніи Царя Василія Іоанновича стало несчастіе наиболѣе умножаться. Того ради онъ уже принужденъ былъ послать къ Королю Шведскому просить на Поляковъ вспоможенія; но ему Король Шведскій тогда отказалъ для того, что онъ Царь Василій Іоанновичь прежде обѣщанную отъ его Короля помощь уничтожилъ и не принялъ. И тако Поляки въ такое свое способное время Россію безмѣрно отяготили и опустошили.

Въ Лифляндіи у Шведа съ Поляки въ то время война была отложена. Шведы на то смотрѣли, что надъ Россіею Лжедимитрій учинитъ, и егда увидѣли, что Поляки уже безмѣрно усилились въ Россійской землѣ, то Король Шведскій обѣщалъ Россіянамъ дать войска на помощь противъ Поляковъ, опасаяся самъ, чтобъ Поляки такъ не усилились, что и ему можетъ быть отъ нихъ трудно. Того ради Россіяне и Шведы въ 1609 году въ Выборгѣ чрезъ Пословъ учинили договоръ такой: чтобъ Королю Шведскому дать Россіянамъ на помочь противъ Поляковъ войска коннаго и пѣшаго 5000 на содержаніе Россійское, и чтобъ на каждый мѣсяцъ производилось имъ въ жалованье по 32000 рублей, да напередъ дать на подъемъ за два мѣсяца, къ томужъ крѣпость Кексгольмъ отдать Шведамъ же въ вѣчное владѣніе; такожъ бы Царю Василію Іоанновичу не вступаться никакими дѣлы военными въ Лифляндію, и на томъ тотъ договоръ учиненъ. Армія Шведская пошла на вспоможеніе Россіянамъ, подъ командою Генераловъ Іакова Делагарде и Ебергарда Горна. Тако Кексгольмъ и Орѣшекъ пріяли Шведы, а Порховъ и Старая Руса остались въ

Новгородскомъ уѣздѣ. Первое сраженіе у Шведовъ съ Поляки учинилось у Каменска, гдѣ Поляковъ двѣ тысячи побито и прогнано. Потомъ Заборовскій у града Торжка съ тремя тысячами Поляковъ разбитъ, и Троицкой монастырь, осажденной 15000 Поляковъ, освобожденъ; напротивъ того Польскій Воевода Іоаннъ Сопега Переяславль принудилъ къ сдачѣ, а Ростовъ градъ, пришедъ такожъ великою силою атаковалъ, и принудилъ великимъ пожаромъ къ сдачѣ. Тутъ Поляки гробницу, имѣющагося въ Ростовѣ Святаго Леонтія, серебреную, въ которой было 300 фунтовъ вѣсу, изрубили въ штуки и съ собою увезли. Оттуда той Сопега пришедъ ко граду Ярославлю, принудилъ жителей градъ сдать, и отдаться подъ охраненіе того Лжедимитрія.

Между тѣмъ возстала еще неспокойная туча на Россію. Магнаты Польскіе, а особливо Рокошанеръ, видя такое смятеніе въ Россіи, пришедъ къ Королю Польскому Сигизмунду предложили, что-де нынѣ есть время намъ отобрать отъ Россіи подъ Польскую Корону древнія наши провинціи, яко Смоленскъ и Сѣверію, представляя и то, что Леонъ Сопега чинилъ миръ съ

Борисомъ Годуновымъ, того ради война была дѣло уже беззаконное, но однако и то полагаху, что Россіяне уже миръ разорвали тѣмъ, что нашихъ Поляковъ безвинно удержали; но и то совѣтуютъ, что надобно уже въ той войнѣ держать двѣ арміи, едину противу Царя Василія Іоанновича, а другую противъ Лжедимитрія; и потомъ Магнаты на время оный совѣтъ отложили, но паки вскорѣ умыслили, что уже Россіяне сами съ нами миръ разорвали, и убіеніемъ знатныхъ нашихъ Поляковъ во время Димитріева брака, и задержаніемъ Посла; и тако положили намѣреніе, чтобъ ему кровь отмстить, а къ тому нынѣ самое лучшее время отъ Россіянъ отнять Сѣверію и Смоленскъ градъ. И тако внидоша и тыя съ войною въ Россію, вездѣ плѣняюще; и уже чрезъ сію Польскую новую армію стала слава Лжедимитрія умалятьcя и Россія до такого своего злаго времени пришла, что была готова или Туркамъ или Татарамъ отдаться въ подданство, и просить себѣ въ Цари Принца Польскаго, или подъ Державу Шведскую отдаться.

Магнатъ Польскій Рокошанеръ, размышлялъ лучше, чтобъ ему градъ Москву осадить, которую онъ надѣялся

легко взять; но прежде послалъ къ Шуйскому письмо чрезъ Степана Стромилова, и объявилъ ему войну, съ 20000 человѣкъ пойде подъ Смоленскъ, понеже его Леонъ Сопега обнадежилъ, что въ первый приходъ, увидя Польское войско отдадутъ градъ; но не тако учинилося. Онъ пришедъ обляже Смоленскъ, и два года его держалъ въ атакѣ; и удивленія достойно, какъ тамо Россійскій гарнизонъ ему сильной отпоръ чинилъ! Прибыльнѣе бы Полякамъ было, когда бы Король послушавъ совѣта ему совѣтовавшихъ Офицеровъ, самъ пошелъ прямо подъ градъ Москву, и въ такое бы долгое время могъ лучше Москву взять; но не тако то учинися. Фортуна еще хотѣла играти со Лжедимитріемъ, тѣмъ фальшивымъ. Но знатно клятва его стала ему чинить противности, которою онъ клялся, чтобъ до брака не прикасаться къ Маринѣ, пока онъ не назовется Христіанскимъ Царемъ отъ восхода Солнца и до запада; но то знатно забылъ, и не дождався того въ ложе вступилъ.

Шведы съ арміею стали къ нему приближаться. Въ то время подъ градомъ Тверью немалой корпусъ Поляковъ стоялъ; того ради Шведы принуждены были съ ними выдержать баталію, дабы

себѣ очистить свободной путь къ Москвѣ граду; и уже хотѣла баталія начинаться, но помѣшалъ сильной и чрезвычайной дождь. Въ той день Россійскій Воевода Михаилъ Скопинъ, который былъ Царю Василію Іоанновичу ближній свойственникъ; бяше же храбръ и мужественъ, и добрымъ благопріятствомъ ко всему народу Россійскому себе показа, скоро, аки молнія супостатскіе полки отсѣче, и вся овцехищные волки люто устраши, пастырь бо звѣрю гонитель бысть; и сице врагомъ и мятежникомъ непобѣдимъ, яко и всѣхъ отъ Царствующаго града Москвы отгнати сотвори, бѣ бо лютъ и къ правленію воинскому зѣло искусенъ, и ратникъ непобѣдимъ; смѣлъ бо убо вся страны Россійскія земли таковымъ мужественнымъ храбрствомъ отъ рукъ супостатныхъ избавити, аще не бы смертоносным̃ серпомъ пожатъ бысть, и не бы темный гробъ общія нужды того добродѣтельную храбрость покры; онъ уклоняся съ арміею Россійскою ко Шведомъ пріединился, а градъ Москва уже сильно отъ непріятелей озлобляема была; того ради Шведы соединясь съ Россійскими, учинили подъ Тверью градомъ съ Поляки баталію, гдѣ совершенную побѣду

надъ Поляками получили; но при той баталіи обозъ Шведскій учинился весь разграбленъ, и многіе Шведы пришли въ совершенную нужду. Того ради нѣсколько ихъ на время возвратилось въ Финляндію. Та побѣда надъ Поляками Шведамъ немалую славу учинила, и Царь Василій Іоанновичь Шуйскій отъ отчаянія своего отрезвися и въ смѣлость пріиде, понеже многіе грады въ Россіи, яко Суздаль, Вологда, Ярославль и Угличь, не токмо отъ Лжедимитрія отреклися, но вездѣ всѣ жители соединившися вкупѣ, нападоша на обрѣтающихся у нихъ Поляковъ, всѣхъ безъ милости, аки скотину побиша; многихъ въ рѣкахъ потопиша, со объявленіемъ имъ Полякамъ таковымъ: что „вы уже „у насъ всѣхъ коровъ, млеко и овецъ „пожроша, и уже мы болѣе тѣхъ не „имѣемъ, того ради идите въ рѣки и „поядайте тамо рыбы.„ Въ Ярославлѣ единъ знатный Полякъ въ меду утопленъ и выброшенъ за городовую стѣну, за что онаго града Ярославля загородной полисадъ выжженъ; а на Польскаго Рентмейстера Лицовскаго Шведы съ арміею пріидоша въ Коломну, потомъ въ слободу Александрову, и тутъ къ нимъ еще пришло въ помощь изъ Швеціи войска

нѣсколько тысячь, подъ командою Генриха Тениса, и тѣми войсками не однократно Сопегу побѣждали; Переяславль отъ Поляковъ взяли, и смотрѣли случая, чтобъ идти подъ Монастырь Троицкій, который въ то время былъ осажденъ отъ Сопеги; но вскорѣ они Поляки отъ Монастыря отступили, и уже чаяли на себя приходъ Шведской и Россійской армій. И тако уже ко граду Москвѣ, какъ отъ Ярославля, такъ и отъ Новагорода путь сталъ быть свободенъ; помышляху Шведы о освобожденіи града Москвы отъ такой важной отъ Лжедимитрія арміи, которая вся подъ Москвою стояла, собранная изъ разныхъ народовъ, какъ то, Поляковъ, Татаръ, Казаковъ и Русскихъ. Они помышляху, что имъ отъ Короля Польскаго не получить великаго награжденія, для того, что такъ долго и недѣйствительно съ осадою Московскою поступаху, и къ тому имъ видится, что того ихъ Димитрія намѣреніе стало уничтожаться, и возстала между ими распря; но потомъ все Польское войско клятвою клялося, чтобъ имъ отъ града Москвы не отступать, и притомъ намѣренія своего Димитрія не оставить. И потому отъ арміи Димитріевой послали Посла

къ Королю Польскому, въ которомъ посланіи писаху къ нему тако:

Вашему Королевскому Величеству симъ всенижайше доносимъ, что во облежаніи града Москвы прилѣжное тщаніе ко взятію имѣемъ; но нынѣ имѣющаяся Польская армія болѣе состоитъ Рокошанскаго, которые всегда между войска чинятъ возмущенія. Того ради всеподданнѣйше просимъ отъ Вашего Королевскаго Величества помощи, чтобъ Димитрія нашего намѣреніе могло исполниться; а напротивъ того нѣкоторые Офицеры писали къ Королю, чтобъ Димитріево намѣреніе уничтожить, и его, аки лживца объявить. Король Польскій хотя и разсуждалъ оныя ихъ предложенія, но нашелъ наилучшій свой способъ, чтобъ Димитрій какъ можно приступалъ къ Москвѣ, дабы ему свободнѣе Смоленскъ взять; а когда Димитрія оскорбимъ, то Царь Россійскій съ помощію Шведскою и съ тѣмъ Лжедимитріемъ насъ побѣдитъ. Но потомъ Король Польскій, оставя оба оныя предложенія, третіе свое избралъ: послалъ въ войско, стоящее подъ Москвою, Пословъ своихъ, чтобъ они какъ можно старались все то собранное разное войско къ Королевской сторонѣ склонить;

и съ тѣми же Послами писалъ письмо въ Москву къ Царю Василію Іоанновичу Шуйскому и къ Патріарху, прося сатисфакціи, и по той сатисфакціи обѣщалъ съ Россіею миръ учинить. А ко Лжедимитрію Сенатъ Польскій писалъ, чтобъ онъ имѣющихся при себѣ Польскихъ Пословъ отпустилъ, и придавалъ ему за то титулъ Высокаго и Милостиваго Князя. И егда Послы Короля Польскаго въ лагерь прибыли, чтобъ войско послѣдовало волѣ Его Королевскаго Величества, а Димитрія бы оставили; но на то объявленіе разные народы въ разныя мысли вдалися: но трудами и тщаніемъ Пословъ, и обѣщаніемъ Королевской высокой милости, многіе изъ войска къ Королю склонились, и отъ того учинилися междуусобныя малыя ссоры, а особливо между Офицерами многіе поединки. Въ то время Іоанна Сопеги при войскѣ не было, Руцинскаго же мало уже и почитать стали, а отъ Лжедимитрія и совсѣмъ отказались. Уже въ лице того Лжедимитрія стали упрекать и надъ нимъ посмѣянія чинить, а особливо Руцинскій его нагло сталъ поносить и ругать. Той Лжедимитрій видя на себя несчастіе приближающееся, съ печальнымъ и слезнымъ прощеніемъ

простился съ любезною своею Мариною, и надѣвъ на себя простое мужицкое платье, при провожаніи одного Россійскаго дворянина, который всегда при немъ былъ, и въ вѣрности ему находился, бѣжалъ изъ лагеря на однихъ мужицкихъ саняхъ во градъ Калугу. По отшествіи того Димитрія, въ войскѣ возстала немалая распря, а особливо рядовые воины сожалѣюще о немъ, хотяху паки его имѣти, Руцинскаго поношаху, желающе знати, куда ихъ Лжедимитрій скрылся? но по малу воинство отъ Офицеровъ ласкою и прошеніемъ утѣшаемо, нѣчто умолкоша. Но Марина писала свое писаніе къ Королю Польскому Сигизмунду 15 Генваря 1610 года, принося жалобу тако: „что у нея сильно „изъ рукъ Корону Россійскую отнима„ютъ; мое счастіе совсѣмъ меня оста„вило въ нынѣшнемъ моемъ зломъ и не„счастномъ пребываніи. Я уже, какъ „Вашему Величеству извѣстно, Россій„скою Короною коронована, и двоекрат„нымъ бракомъ на то Державство утвер„ждена была, на что вся Россія мнѣ въ „вѣрности и присягу чинила; а нынѣ „похищается отъ меня мое истинное „напрасно. Все оное подвергаю на ми„лостивое разсужденіе Вашего Коро-

„левскаго Величества, въ послушаніи „пребывати всегда должна, со всякою „моею и всей Россійской земли покор- „ностію, Вашего Королевскаго Величе- „ства всегда доброжелательная, Цеса- „ревна Марина Московская.„ — Въ самое то время Послы Россійскіе прибыли къ Королю Польскому въ лагерь, которой стоялъ подъ градомъ Смоленскимъ. Посолъ Россійскій былъ Михаилъ Салтыковъ, и съ нимъ 42 человѣка знатныхъ Россійскихъ людей. 31 Генваря дана отъ Короля аудіенція, на которой Посолъ съ надлежащими церемоніями свою рѣчь говорилъ, и просилъ у Короля, чтобъ его Королевскій сынъ Владиславъ отпущенъ былъ въ Россію, для принятія Россійской Короны и Престола, и рече тако: Уже Россія давно въ намѣреніи положила, чтобъ просить Ваше Королевское Величество, дабы отъ колѣна вашего учинился Царь Россійскому Государству, понеже фамилія древнихъ Царей Россійскихъ уже вся пресѣклась; но Борисъ Годуновъ своими немилостивыми мучительствы оное наше благое намѣреніе отвратилъ, а къ тому послѣ его многое несчастіе Россія претерпѣла отъ возставшаго перваго Лжедимитрія, который по заслугамъ своимъ себѣ до-

стойную мзду и получилъ, и изъ земли извергнутъ на сожженіе; и нынѣ въ такомъ неспокойствіи вся Россія находится отъ такихъ Лжедимитріевъ. Чего ради вся Россія единогласно хотѣла просить Ваше Королевское Величество, чтобъ принялъ Корону, Державу и престолъ Россійскій сынъ вашъ Принцъ Владиславъ, ежелибъ тогда въ силѣ великой имѣющійся Василій Шуйскій не помѣшалъ, чрезъ котораго такожъ не мало крови человѣческой пролито напрасно; а между тѣмъ возсталъ и новый Лжедимитрій, который и нынѣ всегда Россію возмущаетъ и раззорять не престаетъ. Того ради Ваше Королевское Величество вся Россія нынѣ по согласію покорно проситъ, чтобъ сынъ вашъ Принцъ Владиславъ учиненъ былъ Царемъ Россійскимъ, о которомъ просимъ, дабы отпущенъ былъ въ Москву, и принялъ бы Корону, Державу и Престолъ древнихъ Царей Россійскихъ, въ чемъ ему отъ всего народа въ вѣрности учинена будетъ присяга; и къ томужъ просимъ, дабы Смоленска града атака была оставлена, потому что уже сынъ вашъ Принцъ Владиславъ, не токмо Смоленскъ, но и Москву градъ со всею Россіею будетъ въ рукѣ своей содержать

и вся управлять; також просим Ваше Королевское Величество, чтоб Россія Вашим Величеством была от насилія того Шуйскаго и Лжедимитрія избавлена; к тому ж, чтоб сын ваш Принц Владислав исповѣдал вѣру Греческую, и принял преданія Церкви Восточныя. Король Польскій Сигизмунд, хотя ему то и пріятно было, однако он желал лучше сам Россійскую Корону и Державу имѣть, нежели сыну уступить, и в то время никакой резолюціи не учинил, обѣщавая впредь им Послам отвѣтствовать; но желал он болѣе, чтоб как можно Смоленск силою взять, но гарнизон и граждане зѣло храбро ему противляхуся. Хотя Король к ним в Смоленск и посылал, чтоб они сдалися, но ничто тѣм учинися, и граждане пребываху в своей крѣпости. Послы Россійскіе старалися, чтоб стоящей арміи под Москвою о том было писано и запрещено, дабы раззоренія Россіи не чинили. Король обѣщался Послам не токмо писать, но и споборствовать, только чтоб Россіяне заплатили Лжедимитріевым солдатам обѣщанное от Короля награжденіе, также учинили их свободными возвратиться в Сѣверію. И во время

сочиненія тѣхъ переговоровъ, Лжедимитрій во градѣ Калугѣ нарочито укрѣпился съ Григорьемъ Шаховскимъ, прибравъ къ себѣ нѣсколько тысячь казаковъ, съ которыми онъ многое раззореніе Польскимъ мѣстечкамъ учинилъ, и многія тысячи неповинныхъ Поляковъ погубилъ, и для укрѣпленія своего послалъ онъ шпіона Поляка, именемъ Казимира въ лагерь, стоящій подъ Москвою, который тамо зѣло счастливо дѣла свои производилъ, возмущая войско, а особливо солдатъ, кои чрезъ его Лжедимитріевы къ нимъ любезныя и ласковыя письма, зѣло къ нему въ вѣрности службы быть желаху. Онъ всегда къ нимъ писалъ выхваляя ихъ храбрость и вѣрность, обѣщаяся ихъ не оставить, и самихъ ихъ просилъ, чтобъ отъ нихъ былъ не оставленъ, обѣщавая имъ великое награжденіе, и призывая ихъ всѣхъ къ себѣ, къ томужъ и Марина, его любезная, которая тамо въ лагерѣ обрѣталась, не преставая между солдатъ ходя, увѣщавала ихъ быти вѣрными любезному своему Димитрію. И на такое ихъ возбужденіе собрався нѣсколько казаковъ, и сговоряся хотѣли ѣхать безъ позволенія своихъ командировъ изъ лагеря, и дабы Лжедимитрія паки при-

весть въ лагерь, но отъ Руцинскаго взяты, и многіе казнены смертію. Марина видя Руцинскаго жестокосердіе, убрався въ мужеское платье бѣжала изъ лагеря въ войско Іоанна Сопеги, который паки въ то время стоялъ подъ Монастыремъ Троицкимъ, хотя его силою взяти. На побѣгѣ Марина оставила письмо солдатамъ, объявляя имъ за чемъ она отъ мучителя Руцинскаго принуждена была скрыться; но то письмо и ея побѣгъ солдатство зѣло возмутило, и искаху въ лагерѣ Руцинскаго убити, и въ такомъ сердцѣ могло бы то и учиниться, ежели бы онъ заранѣе отъ того не укрылся. А потомъ Сопега, оставя ту Троицкую атаку, пойде со всею арміею подъ градъ Димитровъ, а съ нимъ и Марина туда жъ пріиде. Въ то время Шведскій Графъ Іаковъ Делагарде и Михаилъ Скопинъ идяху противъ Сопеги, но Марина убоявся того, убралась въ мужеское бархатное красное платье, и взявъ съ собою пятьдесятъ человѣкъ казаковъ, поѣхала въ Калугу, въ пути сказывая о себѣ быти Димитріевымъ Камеръ-Юнкеромъ; и прибывъ въ Калугу, принята отъ Димитрія съ немалымъ веселіемъ. Оныя всѣ обстоятельства отъ Іоанна Сопеги

Королю Польскому были донесены, и просилъ онъ Сопега, чтобъ были присланы отъ Короля обѣщанныя деньги солдатамъ въ награжденіе; но Король день отъ дня сіе откладывалъ. Единъ изъ Польскихъ знатныхъ, именемъ Іоаннъ Полоцкій, намѣреніе имѣлъ итти съ арміею своею въ Москву, для вспоможенія, но опасался, что во время его отъѣзда отъ Короля можетъ онъ свой кредитъ потерять, а на мѣсто его иной кто оной получитъ; къ томужъ опасался, чтобъ какое несчастіе въ той войнѣ ему не приключилось: и тако оное уничтожилось, а Сопега атаку города Дмитрова оставилъ, и пошелъ къ Монастырю Іосифову, и съ нѣсколькими стами человѣкъ казаковъ въ тотъ Монастырь вошедъ, онымъ завладѣлъ; а другое войско расположа тутъ же по рѣкѣ Угрѣ, самъ для наилучшаго извѣстія о худомъ состояніи Польскаго разнаго войска, поѣхалъ къ Королю Польскому въ лагерь, а войско его оттуда пришедъ къ Волоку въ лагерь стало. Потомъ собранныя разныя войска писали къ Королю, и обѣщались ему служить въ вѣрности, когда имъ въ награжденіе будутъ за два года присланы деньги; но никакого пріятнаго отвѣта

на то себѣ не получили; того ради вся ихъ собранная сила въ разнь пошла. Четыре тысячи изъ нихъ обѣщались Королю служить и остались подъ Волокомъ. Руцинскій Апрѣля 8 дня умре; по его смерти большая часть войска пошла въ Калугу, которыхъ Лжедимитрій съ великою радостію принялъ, а нѣкоторые присоединились къ войску Сопегину. Вышеписанные 4000 человѣкъ не пошли прежде къ Королю, пока не прислана имъ была бочка злата въ презентъ. И тако та разнособранная армія вся разыдеся, которая цѣлые два лѣта Царя Василія Іоанновича и всю Россію не мало устрашала.

Царь Василій Іоанновичь Шуйскій мало отъ печали своей отдохнувъ, восхотѣлъ еще съ противными своими последнее сраженіе учинити, себя и Россію отъ насилія свободить, призвалъ къ себѣ Шведскихъ Генераловъ и прочихъ Офицеровъ, трактировалъ ихъ изрядно, и показалъ особливую милость всему Шведскому войску; а Графу Іакову Делагарде не запретилъ предъ собою при шпагѣ ходити, что по древнимъ Россійскимъ обычаямъ никому не позволено было.

Въ тожъ время Царь Василій Іоанновичь имѣлъ у себя ближняго свойственника, вышепомянутаго Михаила Скопина, котораго всѣ Россійскія люди чрезвычайно любили, и называли его отцемъ Государства; и когда онъ ходилъ или ѣздилъ вездѣ, ему износили хлѣбъ и соль, по древнимъ Россійскимъ обычаямъ то бывало, что отдавалась та честь Великимъ Князьямъ и побѣдителямъ; на сего Скопина Царь Шуйскій имѣлъ не малое подозрѣніе о низверженіи себя съ Престола Царскаго, и призвавъ его къ себѣ, со увѣщаніемъ рекъ ему: Мой любезный и присный Михаилъ! Ты вѣси, что мы съ тобою кровію нашего родства связаны; а нынѣ азъ тя нѣчто вижду ко мнѣ премѣнна, чего тако благороднымъ творити не подобаетъ. Скопинъ ему отвѣтствовалъ смѣло, что онъ напрасно на него такое подозрѣніе имѣетъ, къ тому невинна суща себя ему сказуетъ, укоряя его самаго въ лице, что тако не подобаетъ Царямъ творити, и вѣрныхъ своихъ и кровію сопряженныхъ напрасно укоряти. Во оное время Царь Василій Іоанновичь со всѣмъ былъ намѣренъ отдать Державу свою Владиславу, Польскому Принцу, но сей Скопинъ ему не совѣтовалъ, и тѣмъ

своимъ несовѣтованіемъ, аки ядомъ сего Шуйскаго погубилъ, какъ ниже сего узриши. Михаилъ Скопинъ по случаю желалъ самъ Короною обладати, понеже онъ былъ отъ всѣхъ любимъ зѣло, къ томужъ онъ былъ тѣломъ добре устроенъ, храбръ и мужественъ, и добраго разсужденія исполненъ. Когда еще онъ былъ двадесяти двухъ лѣтъ, тогда за остроту разума учиненъ Новгородскимъ Намѣстникомъ, понеже онъ сильно разумѣлъ, какъ съ пограничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть; но Царь Василій Іоанновичь Шуйскій, не вѣря Скопину, учинилъ надъ всею арміею командиромъ брата своего Димитрія Шуйскаго, что Скопину не безъ обиды учинилось. Шведская армія уже не хотяше болѣе служити въ Россіи, понеже обѣщанной городъ Кексгольмъ еще не со всѣмъ въ руки Шведскія отданъ, а уже цѣлыя два лѣта тому прошедшу; того ради подтвердилъ со Шведами объ отданіи Кексгольма новый договоръ, и къ тому еще обѣщалъ прибавить имъ тамошнихъ мѣстъ во одержаніе вѣчное, дабы еще пребыть Шведамъ противъ его Шуйскаго неприятелей; и дабы Іакова Делагарде и Димитрію Шуйскому съ Россійскимъ войскомъ, та-

кожъ и Ебергарду съ тремя тысячами конныхъ повелѣно соединитися въ Можайскѣ. И тако они собрався пришли въ монастырь Іосифовъ и оной взяли. Имѣли Россіяне тогда случай и болѣе непріятеля своего гнать, но не тако учинися. Между тѣмъ пріиде время, что надлежало Шведамъ давать положенныя ихъ деньги; но Царь Василій Іоанновичь зѣло былъ деньгами неисправенъ въ такое смутное время; того ради дано Шведскому воинству жалованье соболями и сукнами, и оное солдатамъ было непріятно, и многіе не хотяху болѣе служити; но полководецъ Димитрій Шуйскій и Полковникъ Григорій Волохинъ въ томъ Шведамъ поручились, что имъ будетъ съ награжденіемъ заплачено, и тако поидоша въ поле, гдѣбъ съ непріятелемъ учинить сраженіе. Польскій полководецъ Цолкіевскій Іюня 4 дня въ нощи чрезъ лѣса тихо пріиде, и нечаянно на Россіянъ и Шведовъ нападе, и много погубилъ и покололъ. Россіяне и Шведы, будучи побѣждены, ретировались отъ Поляковъ; Димитрій Шуйскій весь свой обозъ и не малое богатство потерялъ, что все жаднымъ Полякамъ досталось. Шведы со своими роты конницы и пѣхоты хо-

шяху идши къ Полякамъ въ службу, но едва удержаны отъ командировъ своихъ, поидоша въ Финляндію, въ мѣстечко Погрела, въ такомъ убожествѣ, что едва могли на себѣ платье имѣти, и уже ихъ только осталось съ Делагардіемъ 300 человѣкъ, а Полковникъ Волохинъ съ Россійскими пятью тысячами человѣкъ приняли у Поляковъ службу. Шведы въ такомъ своемъ худомъ состояніи идоша къ Новуграду, хотяху имъ обладати и насытитися, но Новгородцы за десять верстъ ихъ до града не допустиша; однако Шведы чрезъ помощь гарнизона города своего Орѣшка, пришедъ къ Новуграду многое насильство и грабежъ учинили, и потомъ контрактъ или договоръ въ Новѣгородѣ учинили. Графъ Делагарде собралъ съ Новаграда силою многія богатства и многихъ знатныхъ Новгородцевъ въ плѣнъ взялъ, за которыхъ Орѣшковскіе жители получили отъ Новгородцевъ надлежащія свои земли во владѣніе; такожъ Делагарде послалъ извѣстіе въ городъ Ладогу къ тамъ бывшему съ командою Полковнику Лафилле, чтобъ и тотъ такожде учинилъ съ Ладогою, возвращая свое жалованье. Тако Шведы тую непріязнь чинили Россіянамъ во время ихъ несостоянія.

О чудеси, бывшемъ въ царство Царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

Въ четвертоежъ лѣто царство Царя Василія Шуйскаго, Октября въ 20 день, съ Четвертка на Пятокъ въ полунощную годину, въ Царствующемъ градѣ Москвѣ, въ Церквѣ Архистратига Божія Михаила, честнаго его Собора, идѣже лежаху тѣлеса вѣрныхъ Князей и всѣхъ Благочестивыхъ Царей Русскія земли, се слышахуся гласы плачевніи и шумъ, аки нѣкія сопротивоборныя бесѣды, и потомъ бысть Псаломскаго священнословія гласъ глаголющъ; и поющихъ отшедшимъ душамъ вѣчныя благодати 118 псаломъ и со аллилуйями о семъ съ плачемъ оканчевая гласъ. Слышавъ же сіе предстоящіе стражи и прочимъ повѣдаша людемъ, рекоша тогда мнози отъ народа, яко царство Василія Царя вскорѣ съ плачемъ скончатися имать.

Како бысть ино чудо преславное.

Тогожъ лѣта, февраля въ 18 день, бысть ино чудо преславно, его же вѣчнымъ молчаніемъ покрыти не возможно, еже убо во обители Свяшыхъ Инокинь Дѣвическаго Монастыря общежитель-

ства, въ Церквѣ Пречистыя Богородицы, Честнаго Ея Рождества, въ нощи въ Субботу на Воскресенье Сырныя недѣли, возжеся сама о себѣ огнемъ небеснымъ свѣща предъ Святымъ Ея Богородичнымъ Образомъ. Сіе же слышавше вѣрніи, со тщаніемъ текоша видѣти преславнаго чудеси, молебная совершающе, и благодарственныя пѣсни радости поюще, и славу Всещедрому Богу возсылающе и Пречистѣй Его Богоматери. Егда же бысть третій часъ дне недѣльнаго, тогда зѣльну належащу вѣтру, во двери церковныя дохнувшу, и абіе свѣщу самозажженную погаси, бѣ бо велика ношашеся буря; и отъ сего убо вознепщевати показася, яко въ малѣ царствовавшему свѣтяся благодать мимо иде.

Россіяне паки противъ Поляковъ хотяху сразитися подъ Клюшинымъ, но по несчастію со всѣмъ баталію проиграли, и уже тогда всю свою надежду потеряли.

О плѣненіи Царя Василія Шуйскаго, о смерти его и о раззореніи града Москвы.

Въ лѣто 7119 Іюля въ 17 день, въ пятое лѣто царства Царя Василія Іоан-

новича Шуйскаго, паки мятежники злу и велику посредѣ народа крамолу воздвигнуша, безстудно же и сурово на Василія Царя устремишася и нападоша нань, и немилосердыма рукама, аки птенца восхитиша, и по обнаженіи Царскія Діадимы, введоша его въ Монастырь Чуда Архистратига Михаила, и облекше его во иноческое одѣяніе. И тако у него вся надежда о возвращеніи Короны Россійской пропала. Царствовалъ Василій Іоанновичь Шуйскій на Московскомъ Государствѣ 4 года и 5 мѣсяцовъ.

О Боярскомъ Державствѣ Московскаго Государства.

По Царѣ и Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ всея Россіи, Россійскіе Князи и Бояре учинили въ Россіи Государственнаго Намѣстника Ѳеодора Милославскаго; но хотя онъ и достойнаго былъ разума, однако получилъ на себя необычайную тягость сего неспокойнаго правленія. Въ то время градъ Москва на три части раздѣлилась: одни почитаху себѣ за главу Патріарха, чтобъ чрезъ его учинить Царемъ Василія Голицына, вторая часть, которая была подъ предводительствомъ Боярина Захарія

Ляпунова, желаху втораго Лжедимитрія; а третія часть, которая была всѣхъ сильнѣйшая, желала Владислава, Польскаго Принца Царемъ быти, аще оставитъ вѣру Латинскую и крестится крещеніемъ Греческимъ. Въ такое возмущеніе не умедлили писать къ своему Лжедимитрію, чтобъ онъ совокупяся съ Іоанномъ Сопегою подъ Москву пришелъ, почему онъ и пошелъ къ Москвѣ, и на пути Монастырь Святаго Пафнутія взявъ плѣнилъ и разграбилъ, а потомъ и Москву съ одной стороны осадилъ, и жителямъ много зла учинилъ. Цолкіевскій, по побѣдѣ надъ Россійскимъ войскомъ, возымѣлъ охоту въ Россіи далѣе дѣла свои показать, пріиде съ 5000 войска ко граду Можайску, и осадилъ его, и писалъ въ Москву къ Намѣстнику Московскому Іюля 28 дня; что онъ имѣетъ повелѣніе отъ Короля своего, чтобъ дать вспоможеніе граду Москвѣ, и чинить со своими желаемые Россійскіе договоры, дабы вы со всею Россіею отдалися подъ защищеніе Королевскаго Величества Польскаго, и впредь будущаго вамъ Царя, нашего Принца Владислава. Симъ вы можете быть отъ всѣхъ своихъ непріятелей свободны, и въ мирѣ и тишинѣ продолжать лѣта своя,

къ шомужъ и сшраждущій нынѣ Василій Іоанновичъ Шуйскій да пріимешъ свободу и милосшь ошъ Королевскаго Величесшва и сына его Владислава. Но оныя Цолкіевскаго предложенія продолженіе воспріяли, а Лжедимитрій творилъ жесшокое на Москву нападеніе; шогда Цолкіевскій съ другой сшраны градъ Москву обсшупилъ подъ двумя резонами: первое, чшобъ не дашь Москвы Лжедимишрію похишишь, а вшорое, чшобъ какъ можно приводишь Россіянъ въ прошекцію Польской Короны. Того ради Россіяне Авгусша 4 дня, начали сочиняшь съ Цолкіевскимъ о Владиславѣ договоры, въ шакой силѣ: во первыхъ, Россіяне предложили, чшобъ Владиславъ принялъ необходимо вѣру Греческаго исповѣданія, но шого Цолкіевскій и слышашь не хошѣлъ, а предложилъ шако: чшобъ имъ о шомъ пункшѣ съ самимъ Королемъ Польскимъ договоръ учинишь; а другіе пункшы всѣ шакъ будушъ содержаны, какъ Россійскіе Послы прежде сего предлагали самому Королю Польскому, въ лагерѣ сшоящему при Смоленскѣ. И шако Россіяне положа на шомъ, предъ градомъ Москвою со обоихъ сшранъ сошедшеся, учинили шакую присягу:

Принцъ Владиславъ, сынъ Короля Польскаго Сигизмунда, да будетъ Царь Россійскій коронованъ и возведенъ да будетъ на престолъ Россійской Державы, чрезъ Патріарха Московскаго; законъ Греческій содержать ему во всякомъ надлежащемъ древнемъ порядкѣ, Святымъ Иконамъ никакой противности не чинить; духовнымъ чинамъ никакого препятія не дѣлать; законовъ новыхъ чужестранныхъ въ Россію не вводить, Католическую церковь токмо едину съ позволенія Патріарха поставить, законъ Греческій ему Владиславу отъ всѣхъ защищать; жидовъ ни одного человѣка въ сожительство не принимать, вотчины и помѣстья, какъ духовныхъ, такъ и дворянскихъ не обидить и не обирать, и имѣть всѣмъ древнія привиллегіи, какъ издревле бывало; изъ Поляковъ никого въ вышніе чины не производить, съ Польскою Короною, съ Государствомъ и со всѣмъ народомъ крѣпкую дружбу и пріятство держать; раззоренныя и взятыя мѣста всѣ къ Россіи возвратить, и Лжедимитрія искоренить; Марину взявъ отослать въ Польшу, отнявъ у ея титулъ Царскій, а Генералу Польскому Щолкіевскому, во время его пребыванія во градѣ

Москвѣ, чтобъ ни одного человѣка изъ Поляковъ безъ воли Россійскихъ Бояръ съ собою во градъ Москву не вводить; а напослѣдокъ имъ Боярамъ Россійскимъ съ самимъ Королемъ Польскимъ договориться о принятіи закона Греческаго Принцу Владиславу. Оныя договоры зѣло съ обѣихъ сторонъ были удивительны, и можно было видѣть, что не могутъ быть состоятельны; яко со стороны Россійской мнили Бояре, чтобъ тѣмъ примиреніемъ и ласкою съ Поляками смириться, такожъ бы лучше могли и Лжедимитрія искоренить. А ежелибъ они отъ прямаго сердца желали Польской фамиліи себѣ Царя съ закономъ уже и Католическимъ, то всеконечно бы они лучше желали самаго того Короля Польскаго, нежели такого Принца, еще отрока суща; а съ Польской стороны тожъ имъ несправедливо чинилось, но съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ какъ можно со всѣмъ привесть Россію въ подданство Короны Польской. Такожъ Цолкіевскій предложилъ Россіяномъ, чтобъ они бывшаго Царя своего Василія Іоанновича Шуйскаго, котораго они уже и Монахомъ учинили, изъ Монастыря освободили и послали его къ Королю Польскому, для всякой лучшей вѣрности,

дабы не сдѣлалось отъ него, яко бы какого возмущенія; къ томужъ и Король ихъ лучше возымѣетъ склоненіе послать сына своего на Царство Россійское; и тако благополучно избудете такой жестокой войны Польской и искорените того Лжедимитрія, и получите себѣ Царя природы славныя, и тако въ мирѣ и тишинѣ да пребудетъ всегда Царство Россійское. Егда же Королю Польскому сей слухъ достиже, что сына его Владислава Царемъ Россійскимъ въ Москвѣ огласили, и ему въ томъ присягали, не зѣло ему бысть то угодно, не восхотѣ бо онъ сына своего къ нимъ въ Россію отпустити въ такой младости суща; къ томужъ вси Воеводы и Генералы Польскіе ему то воспрещаху, дающе ему такой совѣтъ, чтобъ какъ можно Россію войною утруждать, дабы ее привесть въ сущее подданство Коронѣ Польской; совѣтуяжъ Королю и то, чтобъ осаду Смоленска города оставить и всѣми силами итти на Москву градъ; и егда та ихъ Россійская Столица будетъ нами осилована, а отъ нынѣ Россіяне утруждены будутъ жестокою нашею войною, то Ваше Величество легко можете на угодныхъ вамъ договорахъ сына вашего въ Россіи Царемъ

учинить, или всю Россію Самодержавству Польскому подклонить. Королю оной ихъ совѣтъ зѣло понравился; Цолкіевскій же Россіяномъ обѣщаніемъ и присягою обязался, чтобъ Лжедимитрія, стоящаго съ другой стороны Москвы, атаковать и разбить; а при томъ предлагалъ, чтобъ соединя Россійское войско съ Польскимъ, на Лжедимитрія нападеніе учинить. Но еще оной древнія лжи отецъ Россійскіе полки увѣщевалъ въ соединеніе ему Цолкіевскому съ Польскими съ тѣмъ, чтобъ повелѣли ему въ Москву градъ войти съ его войскомъ, и изъ града по надлежащемъ устроеніи полковъ на Лжедимитрія наступить; и тѣмъ обольстивъ Россіянъ, вниде со всѣми Польскими войски въ Москву градъ, а Лжедимитрія чрезъ шпіоновъ о томъ увѣдомилъ; но уже Лжедимитрій и съ Мариною паки въ Калугу отыде, гдѣ вскорѣ и животъ свой скончалъ, о чемъ будетъ ниже показано.

Цолкіевскій вшедъ во градъ Москву съ войскомъ для мирныхъ составленій, всѣ Царскія сокровища обнажиша; злато, сребро и драгоцѣнныя вещи забравъ одарилъ всѣхъ своихъ воиновъ безмѣрно, а самаго бывшаго Царя Василія Іоанновича вземше иноческое одѣяніе съ него

свергоша, и во издранныя ризы, аще и не хотящу ему, но по правомъ плѣненіи одѣяше. Онъ Цолкіевскій послалъ изъ Москвы Россійскихъ Пословъ къ Королю Польскому договариваться о Принцѣ Владиславѣ, чтобъ ему быть Царемъ въ Россіи въ законѣ Греческомъ. Россійскіежъ Послы прибывъ къ Королю Польскому, просили его, чтобъ Принцъ Владиславъ былъ отпущенъ на престолъ Россійскій, и чтобъ онъ принялъ законъ Греческаго исповѣданія, и чтобъ при провожденіи его изъ Польши въ Москву Поляковъ не много было послано, и емубъ Вдадиславу ни надъ какими городами Россійскими Воеводъ Польскихъ не чинить; емужъ Владиславу избрать себѣ въ супружество Царицу изъ рода Россійскихъ Князей, или Боляръ, а не изъ Польской природы; такожъ, чтобъ Королю Польскому атаку города Смоленска оставить; и о семъ Король Польскій со всѣми своими знатными много совѣтовалъ, но совѣтъ ихъ продолжался даже до Государственнаго съѣзда. Егда же Государственной ихъ съѣздъ учинися, тогда Сенаторы Польскіе и прочіе знатные на то не соизволяху, чтобъ Владислава въ Россію Царемъ отпустить, и укоряху Цолкіевскаго въ томъ,

что онъ то учинилъ не для прибыли Польскаго Государства, но для чести имени своего. Совѣтоваху же принуждать Россіянъ, чтобъ они самаго Короля Польскаго на то избрали и ему присягали, глаголаше: Хотя и не всю Россію, но часть нѣкую нынѣ къ Польской Коронѣ привержите; а Владислава, еще отрока суща, имъ Россіяномъ отдати не можно; и положивши тако писали они къ Цолкіевскому, чтобъ онъ какъ можно старался и принуждалъ Россіянъ, чтобъ они самому Королю присягу учинили; но уже то дѣло бысть поздно, понеже Россіяне уже единожды свою присягу Владиславу учинивши, не хотяху болѣе присягати.

Россійскіе Послы видѣвше на то Короля Польскаго несоизволеніе, положили себѣ другое намѣреніе, чтобъ Владислава Королевича уже изъ мысли своей извергнуть, и избрать паки изъ Русскихъ Князей, или изъ знатныхъ Бояръ роду себѣ Царя, и о томъ писали въ Москву къ Патріарху, что Король не хощетъ сына своего отпустить въ Россію, и Патріарху то весьма было пріятно, понеже ему было зѣло противно, дабы Владиславъ, яко природный Полякъ, Царемъ въ Россіи учинился.

И тако у Россіянъ вся надежда отъ Владислава уже отпала. Не мало Россіяне Цолкіевскаго укоряху о лживой присягѣ; Лжедимитрія и его войско отъ Москвы отыде во свои страны; и тако Россіи, яко бы свѣтъ открыся. Воевода Потоцкій всегда совѣтовалъ Королю Польскому, чтобъ онъ самъ съ силою подъ Москву пошелъ; и тако ожидая взятія города Смоленска Король Польскій день отъ дня задерживалъ Пословъ Россійскихъ; но Смоленскіе жители храбро себя и градъ защищаху. Цолкіевскій видя всегда Россіянъ ему скучающихъ о неправдѣ Польской, уразумѣвъ отъ того возмущенію быти, для наилучшаго остановленія онаго, пойде отъ Москвы къ Королю Польскому, взявъ съ собою аки закладъ, бывшаго Царя Василія Іоанновича Шуйскаго съ братіями его, Княземъ Димитріемъ и Княземъ Іоанномъ Шуйскими, и приведши представилъ ихъ Королю, аки плѣнниковъ; но Король былъ тѣмъ недоволенъ, что Россіяне присягали сыну его Владиславу, а не ему, и положилъ тако: что онъ Владиславъ на Царство Россійское никогда отпущенъ не будетъ. Единъ токмо Полководецъ Заруцкій съ войски своими отставъ отъ Королевской страны, при-

нялъ партію со Лжедимитріемъ, который прежде убіенія втораго Лжедимитрія Марину во охраненіе себѣ взялъ: о смертижъ сего втораго Лжедимитрія здѣ покажемъ:

Сей Лжедимитрій по отъѣздѣ своемъ отъ Москвы пребывая въ Калугѣ со всѣми вѣрными своими, учинилъ съ Татарами немалую дружбу, а особливо съ Мурзою Касимовскимъ. Того Мурзы сынъ жаловался Лжедимитрію, что единъ такой же Мурза хотѣлъ его Касимовскаго тайно въ ночи убить, но вмѣсто его во время ночное убилъ не распознавъ другаго человѣка; того ради Лжедимитрій повелѣлъ того Мурзу посадить въ темницу, и немилостиво его на тѣлѣ наказалъ, а потомъ паки хотѣлъ его въ свою прежнюю дружбу принять; но той Мурза за поруганіе свое имѣя сокровенный ядъ злобы на Лжедимитрія, хотя ему по случаю яростно отмстити, и заклялся со своими при немъ бывшими Татарами, дабы Лжедимитрія умертвить. И когда Лжедимитрій выѣхалъ въ поле на звѣриную охоту съ немногими своими, тогда той Мурза нападе на него, и жестокою стрѣлою изъ лука того втораго Лжедимитрія уби, и главу его отсѣче, и со двумя тысячами своихъ Татаръ воз-

вратися въ свою отчизну. Служителижъ, при немъ бывщіе, прибѣгше во градъ Калугу учиниша превеликую тревогу, возвѣщающе убіеніе своего господина. Казаки и весь градъ всѣдше на кони гнаху за Мурзою, но не могоша постигнути. Егдажъ Маринѣ сей злой слухъ достиже, тая аки изъ ума изступившая, раздравъ ризы и терзавъ власы главы своея, біяще сама лице свое съ великими слезами и жалостію по граду обнаженная съ распущенными власы бѣгая, вопіяше, и о смерти любимича своего никако же утѣшитися хотяше. И егда тѣлу его во градъ внесенну бывшу, Марина узрѣвъ его обезглавленна суща, многи слезы излія, хотяше бо съ нимъ умрети, нежели по немъ жити; но обѣщаніе ея то вскорѣ по малодушію женскому укротися. Уже тогожъ часа нача къ людемъ глаголати, что она непраздна и родитъ сына, которому будетъ дано имя Димитрій, и который зачатыя дѣла отца своего можетъ въ наилучшее состояніе привести, и получитъ свое истинное наслѣдство, утѣшая и увѣщавая казаковъ и народъ, чтобъ она отъ нихъ была не оставлена.

Егда Россіяне услышали о смерти втораго Лжедимитрія, уже положили

другое мнѣніе съ Поляки: тайно чрезъ Пословъ своихъ при Смоленскѣ бывшихъ, увѣщеваху Смоленскихъ жителей крѣпко стояти за градъ, и не сдавати его Полякамъ. Россіяне услышавъ и то, что бывшій Царь Василій Іоанновичь Шуйскій посланъ въ Польшу 23 числа Апрѣля, что привело ихъ въ наилютѣйшую ярость. Патріархъ писалъ во всѣ грады своя посланія, чтобъ народъ воздвигнуть въ мужество противъ непріятелей, извѣщая имъ тако: что уже въ Россіи будетъ вскорѣ злая премѣна, попраніе Православнаго Греческаго Закона и царствованіе Владислава Королевича Польскаго съ закономъ Католическимъ. Вскорѣ пришедши на то Россійскій Бояринъ Ляпуновъ, который въ то время былъ въ Переславлѣ, собралъ немалыя тысячи народа, объявилъ себя съ войною противъ Поляковъ, подъ видомъ преступленія Жолкіевскаго клятвы. Польская Марина (Горгона, то есть чудовище) взяла себѣ и новорожденному сыну своему Димитрію въ защищеніе Польскаго Полководца Заруцкаго, а потомъ приняла его къ себѣ и въ мужа, чтобъ онъ держалъ противъ Россіи войну, покаряя грады подъ власть свою. Россійскій Бояринъ Ляпуновъ заклялъ себя жестоко

противу его во оружіи стати. Въ то время въ Москвѣ надъ Польскимъ войскомъ управлялъ и команду держалъ Александръ Карніусъ Гочіевскій; Бояринъ Ляпуновъ собрался со своею малою силою, всякаго Россійскаго народа, и уже неспокойство стало являться и кровопролитіе человѣческое приближаться; къ томужъ единъ Полякъ Образъ Пресвятыя Богородицы отъ безумія и злыя похоти прострѣлилъ, который взятъ былъ и публично живый сожженъ. Жители Россійскіе Полякамъ продавали съѣстные и прочіе припасы въ Москвѣ все дороже, нежели своимъ; и отъ того возстала немалая распря. Марта 29 дня, въ день Недѣльный, всѣ Россіяне собрашася всего шесть тысячь человѣкъ, хотяху въ Москвѣ Поляковъ побити, нападоша на нихъ, но не возмогоша отбити прочь, понеже у Поляковъ была немалая стража, содержащая караулъ, по всѣмъ улицамъ устроена. На то Поляки зѣло озлобяся, во многихъ мѣстахъ зажгли градъ Москву, и тако изліяся горести Царствующему граду Москвѣ жестоки. Презѣльный пожаръ безъ разбору пожирая домы, а съ ними людей и скотъ. Въ такой тѣснотѣ града падоша тогда высокозданніи домове, и

бысть злое паденіе и раззореніе всему Царствующему граду. Жителижъ бѣгая по улицамъ града въ робости и страсти, сами многіе бросахуся во огнь и сгараху, а другіе хотяху извести дѣти и изнести имѣнія своя, тутъ же огню предавахуся, падающе на улицахъ града и отъ жара задыхахуся умирающе; а которые бы отъ того огня и спасеніе получить могли, и тыя мечи Польскими умерщвляхуся; мнози низвергахуся изъ своихъ высокихъ покоевъ погибаху, и прочими разными смертными злыми бѣдами. Несчастіе надъ всѣми свирѣпствуетъ и до дня; тогда въ Москвѣ въ одинъ день домовъ даже до ста осмидесяти тысячь сгорѣ, и весь такой великій градъ въ пепелъ превратися. Улицы града по пожарѣ томъ всѣ остались покрыты тѣлами человѣческими; болѣе ста тысячь человѣкъ отъ огня и меча народа Божія паде; а нѣкоторые Московскіе жители и прочіе Россіяне отъ таковаго злаго часа спаслися бѣжаху изъ града, оставя его на расхищеніе Полякамъ. Полякижъ видяще градъ оставленъ, и никому же противу ихъ противляющуся, нападоша на всѣ знатные каменные домы, кои отъ того огня устояша, и отъ тѣхъ имѣніе и богат-

ство собирающе, неизчетно себя обогатиша, устремляющеся на сребро и злато, запасоша провіанту въ крѣпость Кремль, въ чемъ послѣ имъ нужда могла случиться; и тако они засѣли во всемъ градѣ Москвѣ, укрѣпляя войско свое, веселяся неизчетными сокровищами Россійскими.

О Германѣ Патріархѣ и о кончинѣ его.

Въ первое лѣто царствованія Василія Царя, возведенъ бысть на престолъ Патріаршескій Велицѣй Церкви Германъ, иже бысть Казанскій Митрополитъ; бысть же словесенъ мужъ и благочестивъ, но не сладкоглаголивъ, отъ Божественныхъ же словесъ присно упражняяся, и вся книги Ветхаго и Новаго Завѣта благодати и уставы церковные, и правила законные до конца извыче; а нравомъ грубъ, и бывающимъ въ запрещеніи мѣдленъ къ разрѣшенію; ко льстивымъ паки и лукавымъ прилѣжа, и слуховѣрителенъ бысть имъ; убо еже о Василіи Царѣ злорѣчествомъ наводиша мятежницы словесы лютыми, онъ же имъ о всемъ вѣру емь; и сего ради къ Царю Василію сопротивно, а не благо-

лѣпно бесѣдоваше всегда, понеже внутрь уду имѣ огнь ненависти и коварства, якоже отчелюбно совѣщавающеся со Царемъ; мятежницы во время свое прежде Царскій вѣнецъ низложиша, потомъ же и Святительскую красоту злѣ поруганіемъ обезчестиша. Егда бо по Василіи Царѣ пріяша Москву супостатніи руцѣ, тогда убо онъ по народѣ пастыря непреоборима показати себе хотяще; но уже времени и часу умершу, како постоянному стояти вознепщева, и во время лютыя зимы процвѣтати хотя; тогда убо аще преступленіи мятежниковъ обличалъ, но бысть руками ихъ, аки птица гладомъ уморенна. И понеже въ велицѣй злобѣ Христіанскому народу належащу, прещенія ради невѣрныхъ и насилованія, аще не быша прекратилися дніе, не бо убо спаслася, по глаголющему, всяка плоть, но есть близъ Богъ всѣмъ призывающимъ Его, воистинну по великой своей распростираемой милости, да реку ко здравію врачеваніе, воздвизаетъ нѣкоего Христіанскаго народа мужа, рода неславна, но смысломъ мудра, его же прозваніемъ нарицаху Козьма Мининъ; сей по случаю чина чреды своея, рекши подсаднымъ людемъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, видя

тогда насилуемыхъ многихъ, зѣло оскорбися, поболѣ и распалися душею за люди Господни, Всемогущаго Бога на помощь призва, и мольбу безчисленныхъ печалей на ся пріятъ; и тако нашедшимъ тогда бурямъ различныхъ попеченій, сице и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ, собравъ убо отъ народа многія сокровища и одаривъ люди разные оброки довольными, и сице собравъ полки многіе, и военачальника искусна во бранѣхъ Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго надъ всѣми быти сотвори, самъ же никогда же отлучися, аки Гедеонъ, всѣхъ сердца на сопротивные подвиже; и тако подъ Москву пріиде, и аки солнечные лучи военачальники совокупи, и всѣхъ храбрыхъ благочестиваго воинства во едино собра; такожъ и Бояринъ Ляпуновъ собрался изо всѣхъ градовъ съ воинствомъ пріидоша подъ градъ Москву. И тако Содѣтелевымъ промысломъ, всесильныяжъ Его и непобѣдимыя десницы крѣпостію и воеводствомъ, разгнашася темніи облацы Польскихъ великихъ належащихъ золъ, приступиша со устремленіемъ на брань со многоколѣнными оружіи къ стѣнамъ града, и взяша у Литвы большей посадъ Бѣлой и книги

города. Полякижъ бѣжавше отъ меча Россійскаго съ великимъ паденіемъ, городъ со всѣмъ ихъ тамо держаху посадъ. Король Польскій, стоя подъ градомъ Смоленскимъ извѣстился отъ многихъ, яко бы Василій Голицынъ идетъ въ защищеніе города Смоленска, такожъ Салтыковъ, на которыхъ Король имѣлъ надежду, отъ его партіи отстали, и Султанъ Турецкій, по прошенію Патріарха Константинопольскаго, восхотѣ вступитися за Россіяны, и писалъ Патріархъ въ Москву къ Россіяномъ, чтобъ они какъ можно законъ свой сохранять старались и Владислава въ Цари не принимали; а Султанъ повелѣлъ изъ Венгерской земли Гавріилу Батору на Поляковъ нападеніе чинить. Цолкіевскій писалъ къ Королю Польскому изъ Москвы, чтобъ прислалъ съ войскомъ сына своего Владислава, или бы и самъ со своимъ Королевскимъ оружіемъ поспѣшилъ ему въ помощь, но Король то его писаніе уничтожилъ, и наикрѣпчае сталъ приступъ творити къ Смоленску; и тако градъ Смоленскъ Іюля 13 дня взятъ штурмомъ во время ночное. Поляки внидоша въ него все мечу предаху, никого не щадяще, а которые бы хотя и получили себѣ отъ меча спасеніе, но

они сами отъ жестокосердія своего зажгоша градъ вси огню предашася. И тако градъ Смоленскъ въ четыре часа въ прахъ и пепелъ обратися; знатныежъ и пожиточные жители Смоленскіе, внидоша со своими богатствы въ Церковь, въ которой было изготовлено немалое число пороха, сами себя и съ своими имѣніями ту убиша, вожженіемъ того пороха въ прахъ превратишася; и тако оконча Король Польскій атаку града Смоленска. По взятіижъ того града Король Польскій приказалъ команду Якову Потоцкому, а самъ пошелъ въ Польшу во градъ Вильну, гдѣ онъ отъ своей Королевы и отъ народа, яко побѣдитель Россіи, принятъ; но тѣмъ онъ своимъ отъѣздомъ изъ Россіи много потерялъ. Въ то время могъ бы онъ свободно внутрь Россіи внити, и ею обладати; уже Россіяне во взятіи Смоленска были въ немаломъ страхѣ. Прямое его было время, чтобъ соединиться съ Сопегою и осажденнаго въ Москвѣ Жолкіевскаго свободить; уже бы онъ себѣ сзади никакого непріятеля не опасался, такожъ и изъ знатныхъ Русскихъ Бояръ онъ имѣлъ немало его сторону держащихъ. Король Польскій въ Вильнѣ учинилъ Государственный съѣздъ, но и на томъ ни-

чего не положиша о Государствѣ Россійскомъ; а уже казалось зѣло близко, чтобъ Король Польскій могъ быть обладателемъ всея Россійскія земли. Егда Россіяне услышали, что Король въ Польшу возвратился, воспріяша они болѣе смѣлость своего сердца, и крѣпчае того Кремль градъ осадиша; тогда уже Поляки, сѣдящіе въ Кремлѣ всю надежду свою потерявше, не видя себѣ изъ Польши никакого вспоможенія. Въ то время Король Польскій поѣхалъ на Государственный съѣздъ во градъ Варшаву, тогда несчастный Царь Василій Іоанновичь Шуйскій съ двумя своими братьями на публичный тріумфъ предъ Короля представленъ, гдѣ съ немалою церемоніею о побѣдѣ надъ нимъ отъ Жолкіевскаго устроена была рѣчь съ виршами и исторіею. Оный тріумфъ отъ одного Италіанца на картинѣ изображенъ былъ; и въ одной палатѣ для памяти поставленъ. Потомъ Царь Василій Іоанновичь и съ братьями своими въ замкѣ Гостинъ, именуемомъ, содержанъ честно, и отъ печали своея умре и съ братомъ своимъ Димитріемъ, а младшій его братъ Іоаннъ Шуйскій освобожденъ на волю. Тѣло Царя Василія Іоанновича съ начала было погребено между Тора и Варшавы на

полѣ при большой дорогѣ, и надъ могилою его была капель, или часовня построена, а потомъ по учиненномъ мирѣ у Россіянъ съ Поляки, Король Сигизмундъ повелѣлъ тѣло его въ Варшаву привезти, и во градѣ погребсти съ надписаніемъ на Латинскомъ языкѣ тако:

ПЕРЕВОДЪ.

Іисуса Христа Сына Божія, Царю Царей Богу.

Выставлено на похвалу.

Сигизмундъ третій Король Польскій и Шведскій,

Войско Московское подъ Клюзинымъ побивши,

Въ Москвѣ, столичномъ городѣ съ подданными учинилъ, дабы Смоленскъ Василій Шуйскій, Великій Князь Московскій

И братъ его Димитрій Фельдмаршалъ отдали;

А ихъ съ присягою въ полонъ взялъ, и въ замкѣ Гостинскомъ подъ карауломъ содержалъ,

Гдѣ они и животъ свой окончали. Тѣла ихъ здѣ погребены, дабы царствующими непріятелями себя неправедно Скиптры держащіе не ставили.

Въ семъ побѣдительномъ отъ себя сочиненномъ знакѣ въ публичную и вѣчную память царства своего имени положены.

Годъ отъ Рождества Христова 1620.

Отъ Королевства Польскаго 33.

Отъ Шведскаго Королевства 26.

Оное надписаніе было даже до 1635 года, а во ономъ году Московскіе Послы, посланные отъ Царя Алексѣя Михайловича, къ тогда бывшему Владиславу Королю Польскому, предлагая, просили, чтобъ то надписаніе было изглажено; на что такое повелѣніе отъ Короля и дадеся и подписаніе то изглажено, но только оставлено, что здѣ лежитъ Василій Іоанновичь Шуйскій. Многіе знатные Поляки въ томъ на Владислава негодоваху. Въ такое жестокое время и Шведы не хотяху мирно жити. Шведскій Генералъ Делагарде, пребывающій въ Выборгѣ, неусыпнымъ окомъ Кексгольма смотрѣлъ, чтобъ въ то время его могъ взять; но въ то лѣто Шведы жестокую войну съ Датчаны начали производить. Но потомъ Делагарде нечаянно Кексгольмъ осадилъ, и принудилъ гладомъ жителей сдаться; и еще Шведамъ придался случай Россіянъ воевать. Въ то время еще единъ Лжеди-

митрій явился, который себя объявилъ за истиннаго сына Царя Іоанна Васильевича; но тотъ плутъ и обманщикъ былъ родомъ града Москвы, чиномъ писарь, яко то есть подъячій. Онъ нѣсколько сотъ человѣкъ собравъ такихъ же плутовъ, какъ и самъ, пріиде сей Лжедимитрій въ Великій Новградъ, потомъ въ Ямбургъ и въ Иванъ городъ, и тамо отъ жителей, яко истинный Димитрій приняся, и почитающеся отъ нихъ за Князя. Онъ видя себя въ такомъ счастіи, но не имѣвъ довольнаго числа войска, послалъ къ Шведскому градодержателю города Нарвы, объявляя о себѣ, что онъ Царевичь Димитрій, и просилъ его, чтобъ онъ писалъ объ немъ Королю Шведскому Карлу IX, дабы онъ ему способствовалъ въ наслѣдной ему и природной Россіи, о возведеніи на престолъ Царскій. Король Шведскій, егда такое извѣстіе получилъ, послалъ Петреуса въ Иванъ-городъ прямо о немъ освѣдомиться, тотъ ли сей Димитрій, котораго сперва въ Москвѣ короновали, понеже Петреусъ его зналъ. И егда онъ Петреусъ въ Нарву пріиде, то злый обманщикъ и показать себя ему не хотѣлъ, сказуя ему въ себѣ болѣзнь немалую. Петреусъ уразумѣлъ его лукав-

-ство, все объявилъ Королю Шведскому. Потомъ Лжедимитрій пойде ко граду Пскову, имѣя съ собою нѣсколько пушекъ, и 24 Іюня хотѣлъ Псковъ подъ свою державу взять; тогда Шведскій Генералъ Делагарде шелъ отъ Кексгольма къ Новугороду, того убоявся Лжедимитрій, возвратися вспять. Делагарде послалъ съ конницею Генерала Горна противъ того Лжедимитрія, но той узнавъ встрѣчу Шведскую, оставя свою артиллерію, бѣжалъ со всѣми своими во градъ Гдовъ. Горнъ гнался за нимъ, и нѣсколькихъ его партіи побилъ, а съ оставшимися людьми онъ вниде во градъ Гдовъ. И егда Горнъ возвратися, тогда града Пскова жители желаху его у себя имѣти, и пославше къ нему пріяша его во градъ съ честію, поздравляюще его себѣ Государя быти; и тако ему зѣло счастливо было, и моглибъ немалыя и дѣла отъ него воспослѣдовать. Оный плутъ самъ неистовствомъ своимъ отъ любви жителей отпаде, нача самовольствовати во градѣ и злое чинить насиліе, отнимая у оныхъ жены на блудодѣйство свое. Жителижъ за злыя его дѣла вознегодоваше на него, и изгнаша его вонъ изъ града. Въ то время Шведы уже зѣло близко стали приближаться къ Великому

Новуграду; Россіяне же паки стали со Шведами договоръ чинить о вспоможеніи на Поляковъ, чтобъ осажденныхъ въ Москвѣ Поляковъ взять штурмомъ, и въ закладъ дали Россіяне Шведамъ городъ Орѣшекъ, чтобъ договорились Россіяне во имя всѣхъ знатныхъ Россійскихъ Бояръ со Шведы, дабы Король Шведскій далъ имъ вмѣсто Владислава, Польскаго Принца, сына своего Королевича Шведскаго; и на томъ у Шведовъ съ Россіяны война прекратилась и дано перемиріе. Но до перемирія еще въ ту войну, Россіяне паки Ладогу засѣли и взяли отъ Шведовъ; такожъ положено на томъ мирѣ, чтобъ судамъ съ торгомъ и хлѣбомъ изъ Новагорода мимо Ладоги было свободно ходить, и торговать невозбранно. По сочиненіи того мира уже два мѣсяца пройде, Россіяне намѣреніе отложили, чтобъ имъ просить у Короля Шведскаго сына его себѣ на царство; тогда Шведы паки пришедъ осадили Новградъ въ 15 числѣ Іюля. По утру рано сдѣлали обманной приступъ ко граду, а въ ночи тогожъ числа и прямо устремились и взяли Новградъ. Знатныежъ Новгородскіе жители вшедше въ замокъ засѣдше ту, и потомъ стали чинить договоръ

со Шведами, чтобъ сынъ Короля Шведскаго у нихъ учиненъ былъ великимъ Княземъ, и чтобъ имъ Новгородцемъ въ законѣ Греческомъ никакого помѣшательства и разврата учинено не было; такожъ бы они Новгородцы отъ всѣхъ враговъ своихъ могли отъ нихъ Шведовъ защищеніе имѣть. Іаковъ Делагарде съ тѣмъ договоромъ вниде въ замокъ Новгородскій, и принялъ его въ свою команду; а Новгородцы въ томъ и присягу учинили. Потомъ грады Ладога и Орѣшекъ, во имя будущаго Царя, сына Королевскаго взяты, и искали Шведы тогда съ прилѣжаніемъ, какъ бы можно и всю Россію подъ власть Королевскую привести; а между тѣмъ той новый Лжедимитрій силою своею привелъ себѣ въ подданство городъ Гдовъ, Иванъ городъ, Ямбургъ, Тифинъ, Погрѣлу и Копорье; а потомъ вѣрные его казаки взбунтовавшись на него хотяху его убити; онъ же всѣде на коня бѣжа отъ нихъ; казакижъ гнавше за нимъ, стрѣлою отъ единаго пораженъ, спаде съ коня своего, его же они вземше и связавше ему руцѣ и нозѣ привезоша во Псковъ градъ, а оттуда послаша его въ Москву, гдѣ онъ во оковахъ въ темницу вверженъ, а потомъ отъ Царя Михаила Ѳеодоровича достой-

ную казнь воспрія. Новгородцы въ то время ожидали резолюціи отъ Короля Шведскаго. Россійское войско, стоящее подъ градомъ Московскаго Кремля, сильные приступы творяху. Поляки тамо сѣдящіе, вѣдая отшествіе своего Короля изъ Россіи въ Польшу, отчаявшеся удержати Кремль, и уже немалую нужду имѣяху въ провіантѣ и деньгахъ, а жалованья отъ Короля давно не получаху, понеже въ то время и Польша деньгами была не въ состояніи; того ради Поляки въ Кремлѣ нападоша на древнія прежде бывшихъ Россійскихъ Царей сокровища, разграбиша и по себѣ раздѣлиша, такое великое сокровище, чтобъ имъ въ нѣсколько лѣтъ того за службу свою получить не возможно было; но алчные Польскіе солдаты и тѣмъ были недовольны. Повѣствуется, что въ Россіи, во градѣ Москвѣ были въ Церквахъ неисчетныя драгія сокровища: еще Царь Василій Іоанновичь Шуйскій въ свое время, имѣющіеся въ Соборѣ двенадцать Апостольскихъ Образовъ, которые въ подобіе человѣка величины, были изъ чистаго золота вылиты, повелѣлъ растопить. Но еще Поляки нашли единъ такой Образъ Іисуса Христа, который былъ весь литой изъ чистаго злата,

и многіе столы позлащенные и прочаго, какъ-то жемчугу и дражайшихъ каменьевъ. Однако такими сокровищами Поляки не долго, имѣя ихъ въ рукахъ своихъ, веселились, и надъ ними свои безумныя и грѣху пристойныя дѣла производили. Цолкіевскій, сидя во осадѣ, дадеся въ хитрость, хотя тѣмъ себѣ избавленіе получить, но и паче зло себѣ наведе. Той Цолкіевскій мнилъ, яко все дѣло атаки и смѣлость Россійская, состоитъ въ полководцѣ Россійскомъ Ляпуновѣ, написалъ одно фальшивое письмо отъ имени того Ляпунова къ полкамъ Великороссійскимъ, что будто онъ намѣренъ, имѣющихся тогда при войскѣ Россійскомъ множество казаковъ, всѣхъ побить, аки бы за невѣрность ихъ. То письмо чрезъ шпіона, аки бы потерянное, въ лагеряхъ казацкихъ нашлося. Тогда казаки усмотря такое злое дѣло, въ ярости возставше, и пришедше взяша Боярина Ляпунова и истязавше его. Онъ же хотя и подъ присягою очищалъ свою невинность, но они его на части разрубили. И отъ того возстало было между Россіянами и казаками несогласіе; но егда на мѣсто того Ляпунова избранъ Бояринъ Трубецкой, мужъ многаго разума и храбрости исполненъ, той сію ихъ

крамолу смирилъ и въ прежнюю дружбу и покой привелъ. Оный Трубецкой повелъ свою атаку, и приступилъ къ Кремлю жесточае; къ томужъ у Поляковъ стало быть оскудѣніе провіанта, для того и самъ Іоаннъ Сопега съ тремя тысячами и пятью стами человѣкъ изыде изъ Кремля, для обьисканія провіанта; а Россіяне небрегоша то и не воспретиша исходъ Поляковъ, мысля, что они хотятъ бѣжать въ Польшу, тому весьма веселились, чающе скорѣе градъ взяти; и тако уже въ Кремлѣ у Поляковъ учинился гладъ зѣльный. По прошествіи шести недѣль, Іоаннъ Сопега, собравъ провіанта, Москвою рѣкою на судахъ нечаянно къ Россіяномъ къ Кремлю пріиде, чемъ онъ своимъ Полякамъ привезъ немалую радость, Россіянамъ же немалой отъ того учинися ужасъ. Въ то время могли бы Поляки совершенно учинить счастливую вылазку и прогнать войско Россійское, въ такомъ его ужасѣ; но полководцы Польскіе отъ несогласія своего то потеряли. Въ тожъ самое время прибылъ къ нимъ Полякамъ изъ Лифляндіи Польскій полководецъ съ войскомъ, которому Король Польскій повелѣлъ въ Кремлѣ надъ всѣми Поляками имѣть команду.

Отъ того учинилися у нихъ неспокойства, понеже Поляки въ Кремлѣ обыкли уже жить самовольно, а онъ Целкіевскій восхотѣлъ ихъ содержать въ страхѣ; къ томужъ досадствовалъ и Потоцкій, имѣющійся командиръ города Смоленска, желая тую честь себѣ имѣти, послалъ вѣрнаго отъ себя, именемъ Спруцція, дабы тайно въ Кремлѣ Поляковъ научалъ противитися повелѣніямъ Целкіевскаго; и тако солдаты Польскіе забыли респектъ своего командира, отъ себя сами послали къ Королю Польскому, тогда ему бывшему на Государственномъ съѣздѣ въ городѣ Варшавѣ, съ такимъ прошеніемъ, чтобъ онъ сына своего Принца Владислава прислалъ Генваря къ 6 числу въ Москву, и съ нимъ бы такожъ повелѣлъ прислать къ нимъ отъ Республики Польской обѣщанныя имъ на войско деньги, или жалованье; а ежели того не будетъ прислано, то они болѣе Москвы удержать не могутъ. И когда въ назначенный терминъ Принцъ Владиславъ къ нимъ въ Москву не прибылъ, того ради многіе не хотяху болѣе служити. Тогда собравшеся Офицеры и прочіе чиновные, еще утвердившеся стояти и держатися Целкіевскаго и Сопеги, и что они имъ исходатайствуютъ

отъ Республики обѣщанное награжденіе. Того ради Цолкіевскій и прочіе Генералы, принуждены были вмѣсто жалованья отдать солдатамъ изъ Царскаго сокровища драгія вещи, а имянно: двѣ златыя Короны и сдѣланную удивительно дорогой работы Державу, или Скипетръ изъ единорога неоцѣненный; столъ Царскій, двѣ дражайшія шляпы, и единъ еще златой Скипетръ и яблоко Государственное златоежъ, которыя вещи всѣ неоцѣненными разныхъ родовъ каменьями были убраны.

Въ тожъ время Россіяне не престающе отъ намѣренія, чтобъ имъ Принца Шведскаго на Россійскомъ Царствѣ имѣти. Новгородцы послали отъ себя одного, именемъ Якушку въ Швецію, о прошеніи Принца на престолъ Россійскій; такожъ и во градѣ Ярославлѣ множество Россіянъ собравшись, послали къ Генералу Іакову Делагарде, прося его, чтобъ онъ имъ исходатайствовалъ на царство Шведскаго Принца, но Шведы желаху прежде Новградъ силою взяти, а потомъ Поляковъ изъ Россіи изгнати; такожъ и то себѣ причитаху, что тѣмъ Швеція всегда будетъ въ силѣ противъ Поляковъ и Датчанъ, въ то время на нихъ Шведовъ воюющихъ.

Архіерей Новгородскій съ Шляхетствомъ и прочимъ народомъ, усовѣтовавъ послали къ Королю Шведскому Карлу въ Стокгольмъ о прошеніи Принца на престолъ Россійскій; но Послы уже Карла Короля живаго не застали; а по смерти его учиненъ былъ Королемъ Густавъ Адольфъ; то Послы просили его тако: Когда Вашему Величеству къ намъ въ Россію быть Царемъ нынѣ не возможно, то просимъ отпустить къ намъ брата своего Карла Филиппа, да надъ нами царствуетъ. Дѣло оное въ Швеціи на Государственномъ Сеймѣ объявлено, и положено такъ, чтобъ Принца Карла Филиппа отпустить въ Россію, а грады Орѣшекъ и Ладогу паки Россіяномъ отдать. Но потомъ Король Шведскій Густавъ Адольфъ, тѣмъ счастіемъ не довольствуяся, желалъ лучше, чтобъ Россію со всѣмъ подъ Шведскую Корону подвергнуть, соединя во едино Государство со Швеціею, и бысть бы подъ державою его самаго Короля Шведскаго. Такожъ и сей льстяся поглотить бѣдную Россію, яко и Король Польскій, но отъ всѣхъ тѣхъ вымышленныхъ совѣтовъ, покрыла и защитила десница Всемогущаго Бога.

Король Шведскій въ шакомъ лукавсшвѣ размышляя цѣлый годъ о Принцѣ, брашѣ своемъ Карлѣ Филиппѣ, не давалъ прямаго ошвѣша Россіянамъ. Но пошомъ чрезъ Іакова Делагарде ошвѣшсшвовалъ Россіянамъ, чшо онъ по окончаніи войны съ Дашскимъ Королемъ, подлинно ошпусшишъ въ Россію на царсшво браша своего Карла Филиппа. Россіянежъ егда увидѣли шакое непосшоянсшво Шведское, хошя и зѣло досадишельно имъ было, чшо сіе учинися, однакожъ по шогдашнимъ Россійскимъ несчасшливымъ обсшояшельсшвамъ, еще они изъ Ярославля ошъ Архимандриша Никандра писаху къ Королю Шведскому, просяще Принца на Пресшолъ Россійскій, но ничшо шѣмъ возмогоша шогда гордыхъ Шведовъ къ себѣ склониши; а въ Москвѣ, во градѣ Кремлѣ у Поляковъ между чиноначальниками возсшало несогласіе. Іоаннъ Сопега ошъ шой печали умре; пошомъ Россіяне уже у Поляковъ всю водяную коммуникацію ошняли, кошорою они себѣ провіаншъ досшавали. Сшруцкій, Польскій чиноначальникъ, шелъ въ помощь съ провіаншомъ ко граду Москвѣ, но не допущенъ и побишъ; и уже Полякамъ въ осадѣ учинился зѣльный гладъ шакъ, чшо они умершими шѣлами,

изъ земли выкапываемыми, и другими мерзостьми пипанія себѣ искаху; и потомъ отдалися со всѣмъ градомъ Кремлемъ Россіяномъ въ руки, прося отъ нихъ себѣ милости о животѣ своемъ, но раздраженные Россіяне уже не хотяху имъ никаковой милости сотворити, едва не всѣхъ яростно мечу предаша.

Король Польскій Сигизмундъ, не зная паденія войска своего въ Россіи, хотя въ окончаніе Россійскія дѣла привести, положилъ намѣреніе самъ своею персоною ѣхать въ Россію, взявъ съ собою сына своего Принца Владислава, чтобъ его короновать на престолъ Россійскій. И тако Король Польскій пойде, взявъ съ собою Королеву свою и весь дворъ свой, съ великою славою во градъ Вильну, а оттуда со всѣми пойде къ завоеванному имъ граду Смоленску, и взявъ нѣсколько войска изъ того гарнизона, пойде съ немалымъ кичѣніемъ въ Россію, для коронованія сына своего Владислава на престолъ Царства Россійскаго. И егда той Король Польскій съ такою гордостію хотя изъ града свой выѣздъ учинити, и егда кареты стали ко вратамъ града приближатися, чудное знаменіе ему ту сотворися! нечаянно своды тѣхъ вратъ съ башнею падоша и засыпаша

весь путь такъ, что ему изъ града выѣхать въ тѣ врата было не возможно, являюще ему несчастливый путь, или паче рещи, Божеская власть претяше ему злой замыслъ, такъ похитить лукавно такое великое Россійское Государство. Но Король ни во что то вмѣнивъ, въ другіе малые врата съ немалымъ трудомъ выѣхалъ, и пойде въ Россію со всякою радостію и надеждою, по прежнимъ письмамъ полководца своего, бывшаго тогда въ Кремлѣ, не зная того, что уже Россіяне Кремль взяли, и войско его все побили. И егда сталъ вступать въ границы Россійскія, паче своего чаянія увидѣлъ всѣхъ Россіянъ себѣ противныхъ на пути, и грады всѣ затворенные, а изъ иныхъ и со оружіемъ Россіянъ на себя увидѣлъ изшедшихъ; къ тому же позднее и къ зимѣ приближающееся стало быть время, и во употребленіи провіанта и фуража учинилась ему сущая нужда. Того ради уже и нехотя, со стыдомъ и неудовольствіемъ принужденъ былъ возвратиться, а у Шведовъ съ Россіяны такожъ о договорѣ ихъ Принца продолжися время, отчасти отъ жестокой въ то время бывшей войны противъ Датчанъ, и отчасти отъ Королевы Шведской, матери

Принца Карла Филиппа, чрезвычайной ея къ нему, ея сыну, любви матерней, которая не хотя его въ такихъ молодыхъ, двунадесяти лѣтъ возраста, отъ себя въ чужестранный народъ отпустити, понеже и Россіяне его тако требовали, чтобъ онъ не со многими своими людьми къ нимъ прибылъ и воцарился. И тако и тое намѣреніе симъ прекратися; но Іаковъ Делагарде въ то время паки Орѣшекъ во имя Принца Шведскаго взялъ, и гарнизономъ Шведскимъ укрѣпилъ, подъ командою Клауса Шларга, представляя жителямъ, яко бы еще Принцъ ихъ будетъ Царемъ Россійскимъ; такожъ подъ тѣмъ видомъ Шведы взяли себѣ во власть и другіе Россійскіе грады, яко Копорье, Ямбургъ, Гдовъ и Иванъгородъ.

Царство Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича.

По всѣхъ вышеобъявленныхъ несчастливыхъ случаяхъ, сіе великое Всероссійское Государство сверже всѣ ризы сѣтованія и облечеся въ порѳиру и виссонъ, препояса себе истинною, и обувъ нозѣ во уготованіе противъ врагъ своихъ; прія себѣ щитъ вѣры, и тѣмъ

разженныя лукавыя стрѣлы Польскія и Шведскія угаси, и шлемъ спасенія на главу свою возложи, и прія мечь свой на супостаты своя; тогда тьма и мракъ въ Россійской земли разгнася и исчезе, который чрезъ многія лѣта, во время Бориса Годунова, сына его Ѳеодора и многихъ лживыхъ Димитріевъ, Шуйскаго и междуцарствія пребывалъ, солнечный свѣтъ возсія возшествіемъ на Россійскій престолъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, которая тогда бѣдная Россія, раздранная и ослѣпившаяся своимъ буйствомъ, не знала такъ долго имѣющагося въ нѣдрахъ своихъ, того своего истиннаго свободителя, отъ тѣхъ хищныхъ волковъ Поляковъ и Шведовъ, искала себѣ отъ разныхъ Государствъ помощи, иже себѣ Россіяне, аки незлобивые агнцы, желаху себя сами отдать тѣмъ хищнымъ волкамъ подъ охраненіе, прошаху себѣ Принцовъ Польскаго и Шведскаго, дабы который изъ нихъ принялъ Корону и престолъ Россійскій; но Всевидящее око Божіе воззрѣ милосердо на живущіе Россіяны въ Православной вѣрѣ, и услыша воздыханіе окованныхъ, и разруши сыны умерщвленныхъ, не помянувъ къ тому грѣховъ ихъ; но яко щедръ и милостивъ,

умилосердися, послалъ къ нимъ отъ немерцающаго своего свѣта лучь свой праведный, и тѣмъ разгна мракъ и шатанія, враговъ Россійскихъ Поляковъ и Шведовъ низложи, а вѣрныхъ своихъ направи ноги ихъ на путь мирный. И тако та вдовствующая Россія облечеся въ ризу спасенія, возложи вѣнецъ на главу свою, и къ тому ни плача, ни сѣтуя, но благополучно нача пребывати подъ Державою Богомъ вѣнчаннаго себѣ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, и наслѣдниковъ его всегда торжествуя, побѣждая и поражая враговъ своихъ, и надъ ними тріумфствуя.

Отъ сотворенія міра 7121, а отъ Рождества Христова 1613.

Въ лѣто 7121, Марта 14 Благодатію Всемогущаго въ Троицѣ Святой славимаго Бога, паки сынове Россійстіи пріемлютъ входъ святительства достоянія древняго во градъ Москву, паки наста весна благодатнаго бытія, и простирается свѣтлотекущая струя жизни, еже нечаемаго упованія Великаго Бога свѣтъ возсія; и того благоволеніемъ отъ конецъ тоя Россійскія земли и до конецъ ея духовный чинъ, яко Митропо-

литы, Архіепископы и Епископы и прочіе чины духовные, такожде Государственные чины, Князи и Бояре, Градоначальники и Военачальники, и все дворянство Россійское и народъ Православный, малые и велицыи, богатіи и убозіи, старые же и юные, богатно разумѣніемъ, отъ иже всѣмъ дающаго купно озаришася, аще бо убо и разнородными нѣсть людьми, но едиными рекоша усты; аще же и въ дальнемъ житія разстояніи, но суть аки соглашенъ совѣтъ въ единоравенствѣ, изволиша бо смысломъ, и изобраша словомъ и учиниша дѣломъ, еже добре совѣтъ сотвориша; се бо убо не человѣческимъ составленіемъ, но Божіимъ твореніемъ, его же молиша и просиша, Государя себѣ на престолъ царства Московскаго Государства, Царя Михаила Өеодоровича всея Россіи. Сей же бысть по родству братъ двоюродный Царя и Великаго Князя Өеодора Іоанновича всея Россіи, по матери его Царицѣ и Великой Княгинѣ Анастасіи Романовнѣ, иже бысть супруга Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи, ей же бысть племянникъ. Пріидоша же тогда всея Россійскія земли преждереченные Вельможи, Князи и Бояре и Дворяне и всѣ стратизи, иже

во храбросши сіяющи, и ратные люди, и во всякихъ чинахъ, приказные изъ всѣхъ градовъ, избранные роды, и вси купно отъ мала и до велика Православные Христіяне, во градъ, глаголемый Кострому къ Михаилу Ѳеодоровичу, шу бо ему шогда пребывающу и съ машерію своею Великою Инокинею Марѳою въ Ипашскомъ монасшырѣ. Вина же избранію его на царство бысть сицевая:

Когда Царь Ѳеодоръ Іоанновичь отходя сего свѣта, не имѣя отъ колѣна своего мужескаго пола наслѣдника, и егда отъ Бояръ былъ вопрощенъ: кому онъ по себѣ Государственной Скипетръ вручить соизволитъ? Тогда Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь при послѣднемъ своемъ разлученіи отъ сего свѣта вручи Скипетръ брату матери своей Ѳеодору Никитичу Романову, отцу сего Государя Царя Михаила Ѳеодоровича; но чрезъ происканіе Бориса Годунова, который мучительски самъ восхотѣ царствовати, а той истинный и опредѣленный наслѣдникъ Ѳеодоръ Никитичь Романовъ тогда былъ постриженъ въ чинъ монашеский неволею отъ того Бориса Годунова; а потомъ возста самозванецъ Лжедимитрій Отрепьевъ, который Годунова съ Престола сверже,

и ядомъ умертвися, и сынъ его Годунова такожде умерщвленъ; а потомъ и той Отрепьевъ также убитъ, и по немъ царствовалъ Василій Шуйскій, и той свергнутъ съ Престола и постриженъ въ монахи, и въ Польшу отданъ и тамо умре. Потомъ были въ Москвѣ разные неспокойства чрезъ лживыхъ многихъ Димитріевъ и раззореніи отъ Поляковъ. А егда градъ Москва чрезъ Пожарскаго и Трубецкаго отъ Поляковъ очищена, и сей Царь Михаилъ Θеодоровичь по наслѣдству Царской линіи избранъ отъ всего народа Россійскаго на Престолъ Царскій. И тако вси духовніи и мирстіи чины положили на томъ, чтобъ послать въ Кострому, и просить на царство новоизбраннаго своего Государя; и тако послали съ Москвы духовныхъ и мірскихъ честныхъ людей: Рязанскаго Митрополита Θеодорита и Бояръ, Θеодора Ивановича Шереметева съ товарищи, которые пріѣхавъ во градъ Кострому, и въ Соборной Церквѣ собравшеся пошли въ монастырь, гдѣ пребывала великая старица, Княгиня Марθа Іоанновна, къ ея же ногамъ вси припадоша, и со слезами биша челомъ и просиша у нея, дабы благоволила сына своего на Престолъ Царства Московскаго

Государства, еже быти ему Царемъ, сродственнаго ради союза Царскихъ искръ, и по благословенію, еже отцу его Благовѣрному Боярину Ѳеодору Никитичу, блаженныя памяти Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ всея Россіи. Она же едва слезнаго ради толикаго народа моленія на се приклонися; се бо Государь младъ, а время тогда бѣ обуреваемо и люди строптивны, рекше волнуемы; но обаче положи упованіе и надежду на Всемогущаго Бога, не презрѣ многихъ слезъ, и проситъ своего сына Михаила Ѳеодоровича, паче же и благословляетъ его быти въ Россійстѣй земли Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ.

И какъ съ тою вѣдомостію Шереметевъ въ Москву нарочныхъ прислалъ, тогда въ Москвѣ весь народъ безъ всякаго отлагательства Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу присягали и крестъ цѣловали, и въ прочіе грады послали указы о той присягѣ. Тогда во всѣхъ градѣхъ и уѣздѣхъ люди въ вѣрности присягу чинили, токмо сыскался единъ злой упрямщикъ всей Россіи Никаноръ Шульгинъ, который тогда во градѣ Арзамасѣ съ Казанскою силою былъ. Сей единъ возупрямствовалъ и

къ присягѣ не пошелъ; но войско, бывшее тогда подъ командою его, сами къ присягѣ пошли и крестъ цѣловали, а Шульгина того взявъ подъ караулъ въ Москву привезли, и за то сосланъ тотъ Шульгинъ въ Сибирь въ ссылку, и тамо умре.

Царь Михаилъ Θеодоровичь изъ Костромы пойде въ Москву, и прибылъ въ Ярославль, гдѣ отъ всѣхъ съ великою радостію и рукоплесканіемъ принятъ, и оттуда послалъ въ Тифину противъ Шведовъ Воеводъ своихъ, Боярина Князя Семена Васильевича Прозоровскаго и Леонтія Вельяминова съ силою ратною; а въ Москву градъ послалъ свой Царскій указъ, чтобъ Бояре Московскіе послали собравъ войско противъ Поляковъ и полководца ихъ Заруцкаго. Московскіежъ Бояре вскорѣ собравъ войско, послали подъ командою Князя Ивана Никитича Одоевскаго, съ которымъ приказали быть Воеводамъ изъ городовъ съ войски, изъ Суздаля Князю Роману Пожарскому, съ Тулы Князю Григорью Тюфякину, изъ Владимира Ивану Измайлову, изъ Рязани Мирону Вельяминову.

А самъ Царь Михаилъ Θеодоровичь тогожъ 1613 года отъ Рождества Христова, пріиде въ Москву градъ послѣ

Святыя Пасхи, въ недѣлю Мироносицъ. Тогда Его Величество вся Москва встрѣтила съ великою радостію и славою со Кресты и Святыми Иконы.

И тогожъ года Іюля 1 дня, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичь коронованъ въ Москвѣ Вѣнцемъ Царскимъ отъ Митрополита Казанскаго Ефрема, и бысть всея Россіи Самодержецъ; при которомъ короновaніи были всѣ власти духовныя, а въ чинахъ были Бояре: съ короною былъ и деньгами осыпанъ Князь Ѳеодоръ Ивановичь Мстиславскій, со Скипетромъ Князь Димитрій Тимоѳѣевичь Трубецкой, съ шапкою Иванъ Никитичь Романовъ, съ яблокомъ Василій Петровичь Морозовъ; а по Царское платье ходили на казенной дворъ, Бояринъ Князь Димитрій Михайловичь Пожарской и Казначей Никифоръ Васильевичь Трахніотовъ, и такъ платье принесли въ Золотую Палату, изъ Золотой Палаты въ Соборную Церковь послали съ Бояриномъ Васильемъ Петровичемъ Морозовымъ и съ Казначеемъ Трахніотовымъ; а съ яблокомъ былъ Князь Димитрій Михайловичь Пожарской; и въ той день Царь Михаилъ Ѳеодоровичь жаловалъ вотчины, и по три дни изволилъ учреждать про людей чи-

новныхъ богатые столы. Тогда-то утружденная Россія отдохнула отъ тяжести и неспокойства; и хотя Борисъ Годуновъ много старался и напрасно погубилъ многихъ для своего властолюбія, но истиннаго наслѣдника Короны Россійской доступить не могъ.

И тако Царь Михаилъ Ѳеодоровичь пріемлетъ Богомъ порученное ему Московскаго Царства Скипетродержавіе, и нача правити кормный царствія корабль, и бысть Православія глава, къ неизреченному благочестію начало, и Государь всѣмъ правовѣрнымъ. И сей подъ солнечнымъ теченіемъ и всему Православному Христіанству наречеся Благовѣрный Царь и Великій Князь и всея Россіи Самодержецъ, и отъ преждецарствующихъ Держава отчественная его пресѣчеся, аки доброкрасное и красноцвѣтущее древо, еже тенетами лютыя зимы увядши смирися; но нынѣ паки при лѣтней теплотѣ и свѣтлости солнечной процвѣте преславно, и великое мѣсто и многонароднаго Христіанства селеніе, еже есть, мати Россійскимъ градомъ, Москва, яже отъ невѣрныхъ Латинъ плѣненна и запустошенна, и отъ Русскихъ мятежна бысть, тяжкимъ озлобленіемъ состарѣвшуся и оси-

ротѣвшую, паки младозрачно тогда, аки предобрую отроковицу сотвори. Апостольская же Соборная Церковь паки пріемлетъ своего украшенія доброзрительную лѣпоту, паки солнце правды свѣтлую лучу благодати своея намъ возсія, имъ же видѣша вси свѣтъ великъ сладостныя тишины; днесь отъя отъ насъ Господь Богъ нашъ укоризну нашу всю и страненъ страхъ, и дарова державному держати въ крѣпости достояніе его, и побѣды на враги царствующему поручи; ему же буди благопребывательну и многолѣтну здравствовати, и во всякомъ благоденствіи и радости мужествовати.

Потомъ Россійстіи Бояре послали со извѣстіемъ къ Польской рѣчи Посполитой, о возшествіи на Россійскій Престолъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, Дворянина Діонисія Аладьина; а егда онъ прибылъ въ Польшу, принятъ былъ дружески, и отпущенъ съ честію, за которую его службу Государь пожаловалъ его деревнями.

Такожде Царь Михаилъ Ѳеодоровичь послалъ Пословъ своихъ къ Султану Турецкому, къ Цесарю и въ Англію, и къ инымъ Государемъ, съ объявленіемъ о возшествіи на наслѣдный Престолъ

Россійскаго Государства, которые приняты вездѣ честножъ; а Государя Царя Михаила Ѳеодоровича за истиннаго наслѣдника признали.

Въ 1652 году въ Стокгольмѣ явился единъ обманщикъ, который называлъ себя сыномъ Лжедимитрія перваго, и искалъ сатисфакціи тогда у бывшей Королевы Шведской; также представъ къ великому Канцлеру Шведскому Оксенштирну, объявляя о себѣ, что онъ не обманщикъ, но яко истинный сынъ Димитрія Царевича Московскаго, но ничто отъ того злодѣя вредно произойти возможе.

Изъ Смоленска Польскіе казаки всѣ отъ службы Польской разбѣжались, такожъ бывшіе въ томъ числѣ 300 человѣкъ Нѣмецкаго и Польскаго войска разошлися, и оставили тотъ Смоленскъ градъ, по такихъ своихъ долгихъ объ немъ войнахъ безъ войска.

Тогда Царь Михаилъ Ѳеодоровичь возгорѣся духомъ на Поляки, хотя неправедно похищенное отъ нихъ возвратить, послалъ подъ Смоленскъ съ войскомъ Князя Димитрія Махстрюковича Черкасскаго и прочихъ, которые пришедъ въ города Вязьму и Дорогобужъ, и тамо жителей въ вѣрности къ при-

сягѣ привели, и Черкасскій опредѣлилъ къ нимъ Воеводъ и Полководцевъ изъ своихъ, а самъ пошелъ подъ Бѣлую, гдѣ стояли Поляки и Нѣмцы, которые ему и городъ сдали; а оттуда онъ пошелъ подъ Смоленскъ и учинилъ Полякамъ великое раззореніе. Въ Литвѣ многіе города и посады раззорилъ и уѣзды ихъ опустошилъ, а Смоленскъ градъ великою силою утѣснилъ такъ, что едва тѣ Поляки тогда могли его удержать. Потомъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичь послалъ на Бѣлую Воеводъ Матвѣя Плещѣева и Григорья Загряжскаго.

Въ то время Герцогъ Шведскій Карлъ Филиппъ прибылъ въ Нейбургъ, а Генералъ Делагарде, видя, что въ Россіи мракъ бѣснованія Россійскаго прейде, и ясность свѣта уже въ ней явися, присовѣтовалъ Королю, чтобъ съ Поляки учинить миръ, а съ одною Россіею производить кровопролитіе бранное, помышляя нападеніе чинить па провинцію Холмогорскую; но Король того миру вскорѣ сыскать не могъ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичь изволилъ послать подъ Новгородъ съ войски своими Воеводъ, Князя Димитрія Трубецкаго, Князя Даніила Мезецкаго и Василья Бутурлина, у которыхъ въ пол-

кахъ ихъ было великое нестроеніе и отъ казаковъ грабежъ. Они во градѣ Торжкѣ съ войски зимовали, а весною пошли къ Новугороду и стали на Бронницахъ за Святою рѣкою, и содѣлали острогъ. Увѣдавъ о томъ Шведскій Генералъ Іаковъ Пунтусъ, сынъ Делагарде, изъ Новаграда вышелъ съ своими ратными на Россійское войско, чтобъ его побѣдить и разбить. Россійскіе Воеводы оставили людей въ острогѣ, а съ большими силами отступили. Делагарде пришедъ взялъ острогъ за договоромъ людей всѣхъ живыхъ отпустить, но не устоялъ въ своей присягѣ, и всѣхъ Россійскихъ людей, тамо бывшихъ, посѣче на смерть; а оттуда возвратился въ Новградъ, и еще болѣе Новгородцовъ притѣснилъ.

Его Царское Величество послалъ въ Польшу къ отцу своему, тогда ему тамо бывшу, Стрѣтенскаго Монастыря Игумена Ефрема, того ради, что онъ тамо никого при себѣ не имѣлъ, и той тамо пребывалъ до самаго его возвращенія въ Россію; а съ грамотами Царскими посланъ былъ къ нему Ѳеодоръ Желябовскій; Бояре же Московскіе послали съ Послами листъ къ Польскому Сенату, прося, чтобъ Желябовскій былъ допу-

щенъ къ Митрополиту Ѳиларету Никитичу, и потому письму Поляки его Желябовскаго и допустили. Но потомъ Левъ Сопега грамоты Государевы самъ прежде прочелъ, и отдалъ ихъ потомъ ему Ѳиларету Никитичу, и при томъ далъ позволеніе, чтобъ онъ и свои письма писалъ къ сыну своему, но только бы безъ титула Царскаго; и того ради Ѳиларетъ Никитичь ничего не писалъ, но словесно обо всемъ приказывалъ.

Въ то время Нагайскіе Татара многіе Украинскіе города раззорили, и подъ Москвою въ полонъ Дениса Мадьина взяли, а товарищей его побили; а потомъ нѣкоторые изъ Татаръ прислали къ Государю съ повинною, прося прощенія, и дабы ихъ Нагайцовъ изволилъ принять подъ Державу свою, и для того Государь послалъ Боярина Князя Ивана Никитича Одоевскаго, Окольничаго Семена Васильевича Головина и Дьяка Василья Юдина, которые пришедъ зимовали въ Казанѣ, а Заруцкій зимовалъ съ Мариною Польскою въ Астраханѣ, и услышавъ подъемъ Россійскихъ войскъ, сталъ онъ чинить Астраханскимъ жителямъ великія обиды и утѣсненія. Воеводу тамошняго Князя Ивана Димитріевича Хворостинина казнилъ; о чемъ

свѣдавъ Тверскій Воевода Петръ Васильевичь Головинъ, послалъ подъ Астрахань Казанца Василья Хохлова съ людьми ратными. Какъ оні пришли въ Астрахань, то Астраханцы всѣ выбѣжали изъ града, и соединилися съ Царскими войски; Заруцкій же испужався побѣже и съ Мариною изъ Астрахани на Яикъ, а Петръ Головинъ тогожъ Хохлова послалъ въ Москву къ Государю со извѣстіемъ; Князь же Иванъ Одоевскій пришелъ подъ Астрахань, и всѣхъ воровъ, которыхъ тамъ засталъ, арестовавъ посадилъ въ тюрьмы, а за Заруцкимъ послалъ войско, которое нашедши его на Яикѣ, его самаго Заруцкаго, Марину, самозванцова сына и иныхъ многихъ живыхъ взяли и привезли къ Москвѣ, и тамо Заруцкаго на колъ посадили, а самозванца, сына послѣдняго Димитрія, и измѣнника, гостя Ѳеодора Андронова повѣсили, Марина же въ Москвѣ умерла.

Вскорѣ потомъ собравшеся Низовцы, Донскіе и прочіе казаки Черкасскіе и холопи, у которыхъ начальнѣйшій старшина былъ, зовомый Боловня; и они такъ раззоряли Государство Россійское, пустошили и жгли, что такого раззоренія ни отъ Поляковъ Россія не пре-

терпѣла. Замосковные и поморскіе города и уѣзды всѣ пограбили, и людей разными мученіями мучили; мужескому полу бревнами руки ломали, а женамъ сосцы отрѣзывали, и иными разными муками мучили, коихъ и описать не возможно. Для усмиренія такой ихъ шалости, послалъ Государь Боярина Князя Бориса Михайловича Лыткова со властьми Духовными, чтобъ тѣхъ воровъ уговорить, о чемъ тѣ воры увѣдавъ собралися сами и пошли къ Москвѣ будто съ повинною, и пришедъ подъ Москву, подъ Симоновымъ Монастыремъ еще и пуще того воровать и слободы раззорять начали; за что Князь Борисъ Лытковъ, который тогда стоялъ въ Дорогомиловской слободѣ, тѣхъ воровъ всѣхъ переловилъ, которые по дѣламъ своимъ достойную мзду воспріяли. Тогда полководецъ Польскій Лисовскій пришелъ подъ Брянскъ съ Польскими войски, и много ко Брянску приступали, но взять его не возмогли, и пошли къ Карачеву и его взяли, Воеводу же въ немъ бывшаго, Князя Юрья Шаховскаго, взявъ въ плѣнъ отослали въ Польшу; а самъ тотъ Лисовскій въ немъ засѣлъ. И для того Государь послалъ съ Москвы съ войскомъ Князя Димитрія Пожарскаго,

который съ малыми людьми съ Лисовскимъ храбро и счастливо подъ многими городами бой чинилъ. Потомъ Лисовскій пришелъ подъ Бѣлой, гдѣ сидѣли Государевы Воеводы, котораго приходъ они увѣдавъ, городъ оставили, а сами ушли. Лисовскій вниде во градъ, Церкви Божіи и домы всѣ раззорилъ; между тѣмъ временемъ Князь Пожарскій заболѣлъ, и для пользованія болѣзни своей поѣхалъ въ Калугу, а за Лисовскимъ послалъ войски съ товарищи своими, которые отъ него отшедши всѣ разбѣжались. Потомъ Лисовскій пришелъ подъ Ржевскъ, гдѣ Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичь Шереметевъ стоялъ съ войски по слободамъ, и тотъ Лисовскій войско Россійское порубилъ и во градъ вогналъ, къ коему и приступы многіе чинилъ, и едва Шереметевъ городъ удержалъ; потомъ оный Лисовскій многіе грады плѣнилъ. Россійскіе полководцы за нимъ были посланы, но ничего ему учинить не могли, и тако онъ безъ отмщенія возвратился въ Польшу.

И въ то время стоялъ подъ градомъ Псковымъ Король Шведскій Густавъ Адольфъ, который приступивши къ городу не малое утѣсненіе учинилъ жителямъ. Во Псковѣ тогда были Россійскіе

Воеводы, Бояринъ Василій Петровичь Морозовъ, Θеодоръ Бутурлинъ и Князь Аθанасій Гагаринъ, которые зѣло храбро городъ защищали и много Шведовъ побили, между которыми и полководецъ ихъ Ивертъ-Горнъ убитъ, при чемъ видя Король, что неудобь града взяти, съ остальными своими людьми отступилъ и пошелъ въ Швецію.

Подъ Смоленскъ пришли Послы Польскіе Бискунъ и Князь Николай Родивенъ, а съ Россійскія стороны противъ ихъ на съѣздъ посланы были Послы не безъ полной мочи, Бояринъ Князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкій, Окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ, да изъ дворянъ Семенъ Коробьинъ и Ефимъ Телепневъ, которые съ обѣихъ сторонъ съѣзжались, но ничего не заключивъ, разъѣхалися вотще.

О заключеніи мира со Шведы, о Гетманѣ Запорожскомъ, о Владиславѣ Королевичѣ и о мирѣ съ Поляками.

Великаго Новаграда жители, несносными обидами и грабежами отъ Шведскаго полководца утѣснены, который тамо у нихъ пребывалъ, и они Новгородцы

къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Өеодоровичу послали отъ себя съ прошеніемъ, дабы ихъ не оставилъ, изъ Духовныхъ Архимандрита, Монастыря Хутынскаго, да изъ Дворянъ Якова Бабарина и Матөея Муравьева, которые Его Величеству и доносили, что Новгородъ весь раззоренъ, Церкви Божіи въ городѣ и уѣздѣ всѣ пограблены, утварь церковная и колокола вывезены; на правежѣ многіе люди отъ Шведовъ побиты, ибо принуждаютъ Шведы гражданъ присягу творить и Крестъ цѣловать Шведскому Королю; но они отъ Россійскаго Государства никогда отстати не желаютъ, и покорно просятъ подать имъ помощь и заступленіе отъ такого Шведскаго насилія. А которые не стерпя Шведскаго суровства Новгородцы, уже ему Шведскому Королю и присягу чинили, тѣхъ пожаловать въ винѣ ихъ простить, и паки всѣхъ принять подъ Державу Россійскаго Скипетра. Оные Новгородскіе челобитчики сперва пришли къ Московскимъ Боярамъ на казенной дворъ, и о томъ доносили, а потомъ у Церкви Рождества на сѣняхъ, били челомъ самому Государю, которое ихъ челобитье Государь выслушавъ, пожаловалъ имъ тайныя ко всѣмъ

Новгородцамъ грамоты и ихъ отпустилъ. И такъ они въ Новгородъ пріѣхали и народу тѣ грамоты объявили; тогда всѣ люди возрадовашася неизреченною радостію. Бывшій же тамо Дьякъ Петръ Терентьевъ о тѣхъ присланныхъ грамотахъ далъ знать Іакову Делагарде, за что онъ досадуя на Новгородцевъ, еще и наипаче сталъ утѣснять всячески. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь для того послалъ Пословъ къ Новуграду, чтобъ со Шведами договорились о мирѣ, на мѣстѣ, зовомомъ Пескахъ; а посланы были Окольничій Князь Даніилъ Ивановичь Мезецкой и Алексѣй Зюзинъ, да Дьяки Николай Новокрещеновъ и Добрыня Семеновъ; но сіе посольство ничего не учинило и разъѣхалися вотще. Между тѣмъ временемъ пріѣхалъ въ Россію отъ Аглинскаго Парламента Посолъ Іоаннъ Юліенгофъ съ объявленіемъ, что между Россіею и Швеціею въ мирѣ Парламентъ Аглинскій хощетъ имѣть посредство; чего ради онъ Посолъ и присланъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, того Юліенгофа со своими Послами послалъ къ Тифину; кои съѣхавшися съ Послами Шведскими въ Столбовѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1617, и заключили миръ въ такой силѣ: городамъ Орѣшку, Копорью,

Ямбургу и Иванъ-городу бышь подъ Короною Шведскою, а Великому Новуграду съ уѣздами и пригородками, бышь по прежнему подъ Державою Россійскою. Послы Россійскіе, Князь Данила Мезецкій съ шоварищи, учиня миръ и принявъ ошъ Шведовъ Новгородъ, возврашились съ Посломъ Аглинскимъ въ Москву, гдѣ оный Посолъ былъ чесшно приняшъ, и ошпущенъ паки въ Англію. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь послалъ въ Новгородъ Воеводу Боярина Ивана Андреевича Хованскаго и Мирона Вельяминова; а къ Королю Шведскому для подшвержденія мира послалъ же Пословъ, Князя Ѳедора Боряшинскаго и Осипа Прончищева.

Въ шожъ самое время собравшися казаки Украинскіе и Запорожскіе, присоединя къ себѣ другихъ многихъ воровъ и бездѣльниковъ, пришли на Торопецкія мѣсша, и вошли въ Новгородской, а пошомъ въ Углицкой, Пошехонской и Вологодской уѣзды и въ другіе поморскіе города, на Вагу, въ Тошьму, въ Усшюгъ и въ Двинскую землю, все жгли, грабили и пусшошили; и бывши въ Яренской палесшинѣ, даже до Ледовишаго моря раззоряли, и чрезъ Каргопольской паки въ Новгородской уѣздъ возврашилися къ Сумскому осшрогу, гдѣ ихъ Россійскія

войски встрѣтя въ Онежскихъ предѣлахъ множество ихъ побили, а достальные, которые ушли на Олонецъ, и тѣ тамъ всѣ побитыжъ такъ, что ни единъ изъ нихъ живъ не остался.

Королевичь Польскій Владиславъ, желая Россійскимъ Престоломъ силою овладѣть, собравъ войски самъ пойде подъ Москву, Госіевскаго послалъ къ Смоленску, а Лисовскому велѣлъ держать на Украинскую сторону. Госіевскій пришедъ въ Дорогобужъ чрезъ сдачу его взялъ, и Вязьмою оставленною отъ Россіянъ овладѣлъ. Королевичь пришедъ самъ въ Дорогобужъ послалъ въ Москву Иваниса Дурова съ товарищи, да Смольянъ Ивана Зубова и прочихъ, дабы прельстить народъ и отвратить сердца ихъ отъ своего законнаго Государя. И такъ они пришли къ Москвѣ. Увѣдавъ о томъ Государь, повелѣлъ тѣхъ льстецовъ взять; Иваниса повелѣ сослать въ Казань, а другихъ по другимъ городамъ. Королевичь Владиславъ пришелъ въ Вязьму, противъ котораго Государь послалъ на Волоколамскъ Князя Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго, да Князя Ахамашукова Черкасскагожъ, а въ Можайскъ Боярина Князя Бориса Михайловича Лыкова и Григорья Валуева; въ Калугу

Князя Димитрія Пожарскаго, о которомъ Калужане сами имянно били челомъ. И тѣ Воеводы тѣ города укрѣпивъ, въ подъѣздъ войски послали; Королевичь изъ Вязьмы пришедъ подъ Борисово Городище, отъ Можайска семь верстъ, и ставъ въ Монастырѣ сдѣлалъ шанцы, чтобъ Можайскъ достать, гдѣ Воевода Князь Димитрій Черкасскій мужественно защищалъ градъ, и раненъ изъ пушки; а въ Борисовѣ Городищѣ сидѣлъ Константинъ Ивашкинъ, такожде и той храбрый отпоръ чинилъ. Тогдажъ пришелъ Запорожскій Гетманъ со множествомъ казаковъ на Украинскіе города, только ради того, чтобъ городъ взять и разорить, и въ немъ Воеводу Князя Никиту Черкасскаго взять, и пришедше они градъ Ливны взяли, Воеводу и съ товарищемъ убили; а потомъ они еще взяли городъ Елецъ, и въ самое то время въ Ельцѣ прилучилися Посланники Государевы Степанъ Хрущовъ и подъячій Семенъ Бредихинъ, и съ ними 50 человѣкъ Татаръ Крымскихъ. Посланы они были въ Крымъ къ Хану съ подарками, которыхъ имѣлось на 30000 рублей, то казаки взяли себѣ въ добычу, а Посланниковъ и прочихъ всю свиту въ полонъ взяли; и тако тотъ Запорожскій Гет-

манъ Украинскіе города раззорилъ, и перешедъ рѣку Оку, пріиде къ Столичному городу Москвѣ, сталъ у Донскаго Монастыря; въ тожъ время пришелъ и Королевичь Польскій Владиславъ, съ которымъ той Запорожскій Гетманъ совокупился. Тогда изъ войска Королевскаго два человѣка петарщиковъ бѣжали, и въ Москву пришедъ донесли Царю Михаилу Θеодоровичу, что въ наступающую нощь будетъ къ Москвѣ граду приступъ отъ Поляковъ, и тако то учинися. Королевичь и Гетманъ съ войски великими жестокой приступъ учинили у Арбатскихъ воротъ, и приставя петарболь, вороты выломили, и людей, которые тамо въ маломъ остророжіи сидѣли, порубили, но городу ничего сдѣлать не могли, зане Россіяне храбро имъ отпоръ чиниша, Поляковъ многое множество побиша и прочь отъ града отгнаша; и за такую милость Божескую, что въ ту нощь Господь отъ Польскаго нападенія покрылъ и защитилъ, воздавше Ему благодареніе, приказалъ Государь въ Дворцовомъ селѣ Рубцовѣ Церковь каменную, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы построить, отъ чего и по нынѣ то село называется Покровскимъ.

Полякижъ видѣвше, что силою ничего граду успѣть не могутъ, послали они въ Москву, чтобъ Послы изъ города къ нимъ въ обозъ для договора высланы были. Государь послалъ къ нимъ Боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева, Князя Даніила Ивановича Мезецкаго и Окольничаго Артемья Васильевича Измайлова, которые хотя по многіе дни въ съѣздѣ были, но мира не заключили. Послѣ съѣздовъ пошелъ Польскій Королевичь съ войски своими отъ Москвы подъ Троицкой Монастырь, и пришедъ послалъ къ живущимъ въ немъ, чтобъ они сдалися, а Гетмана Запорожскаго послалъ къ Серпухову ряззорять уѣзды. Тогда Власти Троицкія, вмѣсто сдачи Монастыря, стали Королевича и его Поляковъ потчивать изъ пушекъ ядрами такъ, что обозъ его съ мѣста сбили. Королевичь отступилъ отъ Монастыря 12 верстъ, сталъ въ селѣ Рогачевѣ, и послалъ Поляковъ Замосковные уѣзды раззорити; но токмо Россійскіе Воеводы собравшеся въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ, множество Поляковъ побили. Вскорѣ послѣ того Королевичь послалъ въ Москву отъ себя Посланниковъ молодаго Сопегу и Пана Гирича, съ предложеніемъ, чтобъ Послы съ обѣихъ сторонъ съѣхалися

подъ Монастырь Троицкій, для поставленія мира; того ради Государь послалъ вышепомянутыхъ Пословъ Шереметева съ товарищи, которые пріѣхавъ въ Монастырь, послали къ Королевичу договоръ чинить о мѣстѣ, на которомъ бы съѣхаться и миръ заключить, и назначили мѣсто отъ Монастыря въ семи верстахъ село, имянуемое Святское, и въ томъ селѣ у Пословъ три съѣзда были; на первомъ съѣздѣ Послы побранились, на другомъ едва не подрались, а на третьемъ уже миръ учинили на 14 лѣтъ и на 6 мѣсяцовъ, 1619 года; въ ономъ учинилося тако: Градомъ Смоленску, Бѣлой, Невелю, Красному, Дорогобужу, Рославлю, Вопечу и Трубчевску, быть подъ Польскою Короною; а подъ Россійскую: Стародубъ, Новгородокъ-Сѣверскій и Черниговъ; и тако то утвердили на обѣ стороны. И по заключеніи того мира Королевичь Польскій Владиславъ съ войски своими пошелъ въ Польшу мимо Твери, а достальныхъ своихъ приказалъ вывесть всѣхъ изъ Россійской земли полководцу своему Рыжевскому; Запорожскій же Гетманъ съ 300 человѣками принялъ въ Россіи службу. И тако той зимы всѣ Поляки изъ Россіи выѣхали.

О возвращеніи кЪ МосквѢ Митрополита Ѳиларета Никитича и о поставленіи его вЪ Патріархи.

Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичь утвердивъ миръ съ Поляки, послалъ къ нимъ Посломъ Шереметева и прочихъ во градъ Вильну, договориться о размѣнѣ плѣнныхъ, гдѣ Шереметевъ долго Польскихъ Пословъ ожидалъ; и какъ Польскій Посолъ Александръ Госіевскій съ товарищи туда прибыли, и привезли съ собою Преосвященнаго Митрополита Ѳиларета Никитича Романова, и Боярина Михаила Борисовича Шеина, Дьяка Томилу Луговскаго и прочихъ Россійскихъ плѣнныхъ, противъ которыхъ освобождены и Польскіе плѣнники, Полковникъ, сидѣвшій въ Москвѣ, Спрусъ и прочіе. Преосвященный Митрополитъ Ѳиларетъ Никитичь, свободяся изъ плѣну, со всѣми путь воспріялъ въ Москву градъ, и по указу Государеву учинена ему первая встрѣча въ городѣ Можайскѣ, въ которой были, Архіепископъ Рязанскій Іосифъ и Окольничій Князь Григорій Константиновичь Волконской, да Бояринъ Князь Димитрій Михайловичь Пожарскій; вторая встрѣча была въ Вязьмѣ, въ которой былъ Воло-

годскій Архіепископъ Макарій, Бояринъ Василій Петровичь Морозовъ и Думный Дворянинъ Гаврило Григорьевичь Пушкинъ; третія встрѣча въ Звенигородѣ, въ которой былъ Крутицкій Митрополитъ Іона и Бояринъ Князь Димитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, да Окольничій Ѳеодоръ Леонтьевичь Бутурлинъ, а самъ Государь изволилъ встрѣтить со всѣмъ Московскимъ народомъ отца своего Ѳиларета Никитича, вышедъ изъ Москвы, за рѣкою Прѣснею; такожъ всѣ Архіереи встрѣтили его со Кресты за Бѣлымъ каменнымъ городомъ. И тако Государь повелѣлъ во имя Святаго Елиссея Пророка воздвигнути каменную Церковь въ Бѣломъ городѣ, между улицъ Тверской и Никитской, понеже въ той день Преосвященный Митрополитъ Ѳиларетъ Никитичь изъ плѣну освободился; такожъ Государь пожаловалъ всѣхъ въ тюрьмахъ и въ темницахъ сидящихъ свободить приказалъ, и приговореннымъ къ смерти животъ даровалъ; изъ ссылокъ, сосланныхъ возвратить повелѣлъ. Ѳиларетъ Никитичь въѣхавъ въ Москву не сталъ на Патріаршемъ дворѣ, но на Троицкомъ подворьѣ, и вскорѣ потомъ пріѣхалъ Патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ чрезъ Константинополь и Крымъ

въ Москву, который Митрополита Филарета Никитича поставилъ въ Патріархи въ томъ же 1619 году.

Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичь, за побѣду надъ непріятелями и за возвращеніе отца своего, воздавалъ благодареніе Господу Богу; ходилъ по Монастырямъ и Церквамъ въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ, молебствуя и благодаря всещедрую милость спасенія нашего, и возвратился въ Москву въ 1620 году. Въ то время преставися Царица Александра, бывшая супруга Царевича Іоанна Іоанновича, сына Царя Іоанна Васильевича, которую онъ Царь Іоаннъ Васильевичь, разгнѣвася постригъ неволею въ Монахини въ Суздалѣ, въ Покровскомъ Монастырѣ, еще при жизни супруга ея Царевича Іоанна. Она была дщерь Богдана Юрьевича Сабурова, и погребена въ Вознесенскомъ Монастырѣ. Тогожъ 1620 года преставися и другая супруга Царевича Іоанна Іоанновича Праскевія, дщерь Каширянина Михайла Солова, которая такожде неволею была пострижена отъ Царяжъ Іоанна Васильевича, при жизнижъ супруга своего, а его сына, на Бѣлѣ озерѣ, и оттуда взята была въ Володимиръ, а изъ Володимира привезена въ Москву въ Ивановской

Монастырь, и тамо преставися и погребена бысть.

Прежде посланные Россійскіе Посланники Іоаннъ Кондыревъ и подьячій Тихонъ Томмосовъ, возвратились въ Москву, съ которыми пришелъ Турецкій Посолъ съ дружескими грамотами отъ Султана и съ подарками, и принятъ былъ милостиво и честно; а напротивъ того посланъ отъ Государя къ Султану Посланникъ Иванъ Бегичевъ съ дарами, и поѣхалъ вмѣстѣ съ Турецкимъ Посломъ, которые, какъ пріѣхали въ Крымской городъ Кафу, то тамошняго Хана сынъ, имянуемый Калга, всѣхъ ихъ, какъ Россійскихъ, такъ и Турецкихъ побилъ, и казну у нихъ бывшую себѣ взялъ.

О супружествѣ Царя Михаила Θеодоровича, о Ризѣ Господни и о кончинѣ его.

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1625, Сентября въ 8 день, Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичь вступилъ въ бракъ супружества, поялъ себѣ въ супругу дочь Боярина Князя Долгорукаго Марію Владимировну, которая съ перваго дня брака впаде въ болѣзнь, и пребысть въ жестокой болѣзни, Генваря

по 6 число 1626 года преставися, и погребена бысть въ Вознесенскомъ Монастырѣ.

У Шаха Персидскаго, зовомаго Абаса, въ то время былъ Россійскій Посолъ Василій Коробьинъ, для подтвержденія мира и дружбы. Онъ писалъ оттуда къ Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, что ему Шахъ объявилъ сущую у себя Ризу Спасителя нашего, взятую изъ земли Грузинской. Того ради Государь послалъ къ нему Коробьину указъ, чтобъ онъ о той Ризѣ старался какъ бы ея можно у Шаха выпросить, и по немалому прошенію и исканію того Коробьина, послана та Риза Господня изъ Персіи отъ Шаха въ подарокъ къ Государю Царю Михаилу Ѳеодоровичу въ Москву съ тѣмъ Коробьинымъ и съ Персидскими Послами въ 1626 году, въ третіенадесять лѣто Державы его Государевы, и та Спасителева Риза всенародно съ великою честію и радостію принята, украшена и поставлена въ Соборной Церквѣ въ Москвѣ. Частица отъ нея одна взята къ Государю въ мощи на носимый имъ Крестъ, а другая частица поставлена въ ковчежцѣ, который обычно носится по домамъ для исцѣленія болящихъ; и для почтенія той Господней

Ризы Крутицкій Митрополитъ соспавилъ Канонъ и уставлено Празднество Іюля 10 дня. Посолъ Персидскій, который Ризу Господню привезъ, пребываніе свое въ Москвѣ въ великомъ пьянствѣ препроводилъ, и въ томъ неистовствѣ жену свою и шестерыхъ служителей двора своего убилъ; а напослѣдокъ отпущенъ въ Персію, и съ нимъ посланы Послы Россійскіе къ Шаху, Князь Григорій Тюфякинъ, Григорій Филатьевъ и Өедоръ Пановъ. Въ томъ же году преставися Царица Елена, Царя Василія Шуйскаго супруга, дочь Князя Петра Буйносова, которая была неволею пострижена, и пребывала въ Дѣвичьѣ Монастырѣ. Тогожъ года Царь Михаилъ Өеодоровичь вступилъ во второй бракъ, поялъ супругу Евдокію, дщерь Лукьяна Стрешнева; и оттолѣ родъ Стрешневыхъ пріиде въ славу. Вскорѣ потомъ Царь и съ Царицею ходилъ молитися Господу Богу въ Троицкій Монастырь Сергіевъ, въ которое ихъ отсутствіе великій въ Москвѣ былъ пожаръ, такъ, что города Кремль и Китай, домъ Государевъ приказный, казна Государственная и гражданская имѣнія, и всѣ въ Приказѣхъ имѣвшіяся дѣла сгорѣли. Того ради, дабы какъ

можно письменныя дѣла въ прежній порядокъ привесть, и старинныхъ Государственныхъ дѣлъ поведенія не потерять, посланы были по прочимъ городамъ писцы, всякія дѣла Государственныя и прочіе приказные порядки списывать.

Въ лѣто 1627, родилась Государю Царевна Ирина Михайловна. Въ то время во градѣ Путивлѣ явился единъ обманщикъ, называлъ себя Царевичемъ, и будто онъ родился отъ Греческой поповны, которую, яко бы отецъ его Султанъ Турецкій, для красоты въ жену себѣ поялъ; и какъ отецъ его Султанъ умре, то онъ пошедъ во градъ Селунь, крестился. И егда то пріиде въ слухъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, повелѣ того самозванца изъ Россійской земли выслать, дабы тѣмъ не нарушить дружбы съ Оттоманскою Портою. Король Шведскій Густавъ Адольфъ прислалъ къ Государю Посланника, родомъ Смольянина посадскаго человѣка, зовомаго Александра Трубца, который взятъ былъ Шведами въ Литвѣ въ полонъ, и принялъ Шведскую службу, и съ нимъ прислалъ нѣсколько Турковъ и Татаръ, такожъ взятыхъ въ Литвѣ, Государю въ подарокъ. Государь Посла пожаловалъ

и отпустилъ честно, а Турковъ и Татаръ пожаловалъ на волю, и отпустилъ ихъ въ Турецкую землю. Тогожъ года преставися Царица Дарія, супруга бывшаго Царя Іоанна Васильевича, которая отъ его была пострижена въ Тихвинѣ; она была дщерь Ивана Желтовскаго.

Лѣта 1628, родилась Государю Царевна Пелагія Михайловна, которая въ другое лѣто и преставилась.

Лѣта 1630, Марта въ 7 день, родися Государю Царевичь Алексѣй Михайловичь, котораго крестилъ въ Чудовѣ Монастырѣ самъ Патріархъ Ѳиларетъ Никитичь, а воспріемникомъ былъ Троицкаго Монастыря Келарь Александръ. Въ то время прибыли отъ Шаха Персидскаго къ Государю Послы съ богатыми дарами, такожде и съ жалобою на Московскихъ Пословъ Князя Тюфякина съ товарищи. Государь тѣхъ Пословъ принялъ честно и отпустилъ со удовольствіемъ, и къ Шаху послалъ Пословъ на смѣну тѣмъ другихъ, Андрея Плещѣева и Дьяка Никифора Талызина, а у Тюфякина и его товарищей повелѣлъ помѣстья и вотчины ихъ отнять, и отдать другимъ въ раздачу. Потомъ были отъ Короля Шведскаго Густава у Государя Послы, и искали, чтобъ

Государь сдѣлалъ со Шведы алліанцъ противъ Короля Польскаго; но Царь, Михаилъ Ѳеодоровичь въ томъ Шведу отказалъ, и отвѣтствовалъ, что онъ съ Польскимъ Королемъ и рѣчью Посполитою миръ и дружество имѣетъ.

Лѣта 1631, Іюня 4 дня, родилась Государю Царевна Анна Михайловна, которая потомъ предъ смертію постриглась, и имя ей дано Анфиса.

Тогожъ года были въ Москвѣ великіе пожары, такъ, что едва не вся Москва выгорѣла, и толь сильныя были громовыя погоды и жестокіе вѣтры и вихри, что главы и Кресты съ Церквей, и съ домовъ кровли ломали, да и самые домы тѣми бурными вѣтрами съ мѣста на мѣсто перебрасывало.

Лѣта отъ Рождества Христова 1633, Святѣйшій Патріархъ Ѳиларетъ Никитичь, отецъ Государевъ, преставися.

Тогожъ года Сигизмундъ Король Польскій скончался, и послѣ смерти его Царь Михаилъ Ѳеодоровичь объявилъ Польшѣ войну, и собравъ нарочитое войско, послалъ съ Бояриномъ Михайломъ Борисовичемъ Шеинымъ подъ градъ Смоленскъ; и егда онъ подъ градъ пришелъ, то зѣло крѣпко его осадилъ и утѣснилъ жителей, но взять его не

могъ и возвратился въ Москву, гдѣ онъ измѣною предъ Государемъ объявленъ; а на другой годъ, яко 1634, Апрѣля 28, съ товарищемъ своимъ Измайловымъ и съ двумя сынами казненъ.

Въ тожъ время Поляки учинили нападеніе на Россію и осадили городъ Бѣлую; но тогожъ года съѣхалися у рѣки Поляновки Послы, гдѣ по многимъ спорамъ миръ заключили, на которомъ мирѣ уступлено отъ Россіи въ Польшу Смоленскъ, Дорогобужъ и Бѣлая съ уѣзды.

Тогожъ лѣта, Августа 14 дня, прибыло Посольство отъ Князя Шлезвигъ-Голштинскаго, которые приняты были великолѣпно, а Декабря 20 дня отпущены со всякимъ удовольствіемъ, и провожены до границы Шведской. А послѣ того и самъ той Датскій Принцъ и Шлезвигъ-Голштинскій Герцогъ прибылъ въ Москву съ пребогатыми дарами, который отъ Государя принятъ былъ честно, одаренъ и паки отпущенъ во отечество свое.

При семъ Великомъ Государѣ Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, построена Церковь Пресвятыя Богородицы Казанскія, и Чудотворный Ея Образъ поставленъ въ той Церквѣ, на которомъ той

богатой окладъ весь, каковъ онъ есть, построилъ своимъ иждивеніемъ Князь Димитрій Махайловичь Пожарскій. Тамо бываетъ въ году дважды со Кресты ходъ, на память чуднаго отъ Поляковъ града Москвы очищенія, а другой на память того Образа явленія.

Царь Михаилъ Θеодоровичь со всѣми окрестными Государствы пребывая прочсе въ мирѣ и тишинѣ, устроилъ изрядно Государство свое; поживе отъ рожденія своего 49 лѣтъ, царствовалъ на Престолѣ Россійскомъ 32 лѣта, къ Богу отыде 1645, Іюля 12 дня.

Конецъ третьей части.